

Валерий Есенков

Восхождение. Кромвель

Валерий Есенков
Восхождение. Кромвель

«Автор»

2004

Есенков В. Н.

Восхождение. Кромвель / В. Н. Есенков — «Автор», 2004

ISBN 5-17-023237-3

Вождь умирал. Воля к победе с прежней силой жгла его львиное сердце, а сердце с каждым днем всё замедляло и замедляло свой бег, вдруг замирало, порой пропадало и замирало так долго, что он слышал бесшумное приближение смерти и готовился встретиться с Господом, чтобы перед Ним оправдаться или получить законную плату за каждый свой грех, ведь только Господу и служил он всю свою жизнь и только после Него отечеству и семье.

ISBN 5-17-023237-3

© Есенков В. Н., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
1	5
2	7
3	13
4	19
Глава вторая	27
1	27
2	31
Глава третья	39
1	39
2	45
3	53
Глава четвертая	58
1	58
2	65
Глава пятая	72
1	72
2	74
3	78
Глава шестая	81
1	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Валерий Есенков

Восхождение

Часть первая

Глава первая

1

Вождь умирал. Воля к победе с прежней силой жгла его львиное сердце, а сердце с каждым днем всё замедляло и замедляло свой бег, вдруг замирало, порой пропадало и замирало так долго, что он слышал бесшумное приближение смерти и готовился встретиться с Господом, чтобы перед Ним оправдаться или получить законную плату за каждый свой грех, ведь только Господу и служил он всю свою жизнь и только после Него отечеству и семье.

Полночь пробило. Ему не спалось. Уже несколько дней он не покидал просторного кресла. Его заботливо обложили подушками, однако напяливать ночную рубашку, колпак и лечь в постель он пока не хотел. На нем были высокие сапоги и черный камзол. Он оставил и широкую, стянутую стальной пряжкой кожаную перевязь через плечо, готовый подняться и вложить свою шпагу. Его голова, тяжелая, смутная, бессильно опиралась на высокую спинку. Седые, длинные, почти не поредевшие кудри были в беспорядке разбросаны по плечам. Только их беспорядок да мертвенная бледность лица выдавали недостойную слабость вождя. Рядом с ним, по левую руку, на круглом столике выступала из полутьмы фамильная кружка и бутылка любимого хереса. Час, может быть, два назад бутылку откупорил молчаливый слуга, по его повелению задул все свечи в большом канделябре, оставил только одну и удалился бесшумно, как смерть. Пламя одинокой свечи слабо освещало пространство громадного кабинета, и, когда оно вздрагивало, мрачные тени недовольно шевелились в углах. Тогда казалось, что они недовольно ворчат.

Он едва прикоснулся к вину. Вино тоже изменило ему: оно утратило свой терпкий, бодрящий, обжигающий вкус. После вина сердце пускалось биться тревожно, так быстро, точно собиралось вылететь навсегда, а поясницу обжигала жестокая боль. И все изменили ему, теперь уже все. Его дочери вышли замуж за кавалеров и венчались тайно по англиканским обрядам, хотя знали, что англиканскую церковь он объявил вне закона. Ему противились его генералы, среди них созрела и крепла мысль о предательстве. Ламберта, лучшего из его полководцев, пришлось отстранить и отправить в провинцию. Провинции волновались. Выпускались горы памфлетов, затевались заговоры, вспыхивали восстания, и если бы заговоры и восстания были делом рук одних кавалеров, этой недобитой монархической сволочи, которая во сне и наяву видела возвращение ненавистных Стюартов. Так нет, затевали заговоры и поднимали восстания республиканцы, левеллеры, анабаптисты, какие-то люди пятой монархии, католики, во сне и наяву видевшие победу Испании, служили мессы в частных домах, от них не отставала англиканская церковь. Его полиция сбивалась с ног, казни следовали одна за другой, его генералы были по локоть в крови, а заговоров и восстаний становилось всё больше. Главное, давно опустела казна, никакие конфискации не могли наполнить ее, никакие чрезвычайные меры, дефицит превышал годовой доход и перевалил за полтора миллиона. Солдатам не выдавали жалованье три месяца, ещё месяц, другой, и армия выступит против него. Что станет с ним? Ничего. Ему достанет времени умереть. Что станет с Англией? Англия захлебнется в новой

резне, Испания обрушится на нее, и от Англии ничего не останется, только пепел и тлен, это он своими глазами видел в Ирландии.

В этой жалкой стране никто не в силах понять или не желает принять священный закон, начертанный Господом: политик делает только то, что возможно. Левеллеры добиваются справедливости и видят справедливость в установлении равенства – какая справедливость, когда немногие богаты, а многие бедны, какое равенство богатого с бедным, богатые и бедные испокон веку крест на крест враги, и разве богатые откажутся от своих богатств без новой резни? Кавалеры жизнь отдают, чтобы воротились Стюарты – какие Стюарты, Стюарты приведут за собой разгневанную свору землевладельцев, свора землевладельцев, ослепленная гневом, потребует воротить свои земли, раскупленные или раскраденные его генералами, его офицерами, свои земли не получить им без новой резни, и разве могут управлять страной те, кто уже управлял и умудрился всё потерять? Республиканцы, вечные фантазеры и крикуны, требуют чистой республики – какая республика? В последний парламент, предварительно очищенный его повелением от подозрительных элементов, избиратели направили монархистов, а монархисты потребовали восстановить палату лордов и власть короля, и разве смогут республиканцы со своей чистой республикой удержаться у власти без новой, ещё более жестокой резни?

Разбогатевшие воротилы торговли, разжиревшие магнаты финансов, смиренхонько засевшие в Сити, одинаково страшатся и республики, и Стюартов, и равенства, оно и понятно, в любом случае их жадные головы первыми попадут под топор палача. Они тоже хотят палату общин, палату лордов и власть короля, своего короля, который не отдаст их на растерзанье ни левеллерам, ни республиканцам, ни кавалерам. Своим королем они видят его, невольного вождя революции. Они предлагают корону, наследственную власть и много денег на армию, ибо без армии он не сможет их защитить.

Оливер Первый – звучит довольно смешно. Он служил только Господу, звания генерала, протектора, короля, придуманные людьми, наивными в своей слепоте, для него не дороже пера с его шляпы. Все-таки он мог бы стать королем, если это воля Господня. Тогда он наверняка получит деньги на армию, он заплатит солдатам, и армия по-прежнему будет на его стороне, Кто же посмеет ему возразить? Ему возразят его генералы. Не успеет холодный металл коснуться его головы, они арестуют его, обвинят в измене, в отступничестве, в сношениях с дьяволом, неважно, в чем они его обвинят, но своей смертью он тогда не умрет.

Да и много ли нынче весит звание короля? Один звук, пустота. Он и без королевского титула может передать свою власть по наследству, а кому он её передаст? Сыну Ричарду? Какой же он протектор или король? Ричард напрочь лишен государственного ума. В первый же день он наделает столько ошибок, что власть сама собой выпадет из его слабых рук. Его политические взгляды расплывчаты, он лишен энергии действия, в его сердце не бьется жажда победы, он не живет только мыслью о Господе. Пока он воевал и правил, правил и воевал, из сына Ричарда вырос тихий, скромный сельский хозяин, любитель охоты и лошадей, по убеждению Ричарда, в этом мире ничего не придумано лучше сытой, спокойной, размеренной, непритязательной жизни в своем уголке, со своей конюшней, со своей сворой собак, с женой и детьми. Может быть, Ричард прав, однако за это генералы презирают его, армия не примет гражданского человека, воротили торговли и магнаты финансов деньги, конечно, дадут и за свои деньги станут вертеть им, как куклой, не у короля Ричарда, не у протектора Ричарда будет настоящая власть, настоящая власть будет у них. Неужели море крови пролито единственно ради того, чтобы страной управляли торгаш и банкир?

Господи, свой праведный гнев изливаешь за что?!

Он был убежден, что сам господь возвысил его, сам он этого не хотел, не просил, он всегда был покорен только воле Его.

2

Роберт Кромвель, отец, был простой сельский хозяин, землевладелец и пивовар, и он сам, Оливер Кромвель, его единственный сын, долгие годы тихо и мирно был сельским хозяином, землевладельцем и пивоваром. Оба они гордились тем, что варят пиво, разводят овец и коров и получают доход более трехсот фунтов стерлингов в год. Роберт Кромвель любил повторять:

– Труд есть священный долг перед Господом, ибо господь сказал, что тот, кто верит в него, должен в поте лица добывать свой хлеб, и потому всё лучшее на земле создано трудом человека.

В любое время года, в любую погоду, в дождь и в жару Роберт Кромвель поднимался чуть свет, завтракал хлебом и молоком, сам отправлялся в конюшню, седлал своего гнедого конька, способного пройти без отдыха тридцать миль, в поношенной шляпе, в потертых перчатках поднимался в седло и выезжал со двора, пропадал целый день, а домой возвращался с наступлением темноты, усталый, но спокойный, довольный собой.

Он объезжал стада коров, отары овец, осматривал маток, при случае сам принимал телят и ягнят, он следил за созреванием трав и мог встать в один ряд с косцами или подавать вилами сено, он с особенным вниманием наблюдал за стрижкой овец и сам брал ножницы в руки, чтобы помочь стригальям, он проверял, хорошо ли вымыта шерсть, ровно ли щиплют её крестьянские ребятишки, одинаковой ли толщины нити прядут крестьянские девки, сколько нитей закладывают в основу ткачи, работающие на него в деревнях, ближних и дальних, проверял ширину и длину полученного куска, взвешивал каждый кусок, добиваясь, чтобы прядильщицы и ткачи неукоснительно соблюдали закон, он отправлял коров и бычков поблизости в Кембридж, а шерсть и сукно на лондонский оптовый рынок, подсчитывал прибыль, и если прибыль была высока, не без гордости говорил:

– Шерсть – вот истинное золото Англии. Испанское золото даровое, испанцы, паписты, еретики, льют кровь и грабят колонии, свое золото они промывают ещё быстрее, чем брат Оливер промывает наследство отца, а золото Англии будет всегда.

Если цены падали и Роберт Кромвель зарабатывал меньше трехсот фунтов стерлингов в год, он долго ворчал, что испанцы, эти паписты, еретики, вытесняют английскую шерсть с европейского рынка, что у этих папистов, еретиков шерсть тоньше и сладу с ней нет, Тогда он вспоминал короля и бранился:

– Обязанность короля приумножать достояние подданных. Давно пора задать перцу этим папистам, еретикам.

Каждое воскресное утро, неизменно спокойный, сосредоточенный, во главе своего семейства, он отправлялся в приходскую церковь. Правда, это была королевская, епископальная церковь, она не удовлетворяла его. Королевская, англиканская церковь, по его словам, порвала с папистами только для виду, но в действительности недалеко отошла от него. Его раздражали пышные одежды служителей церкви, роскошное убранство икон, языческие обряды, как он их называл. Он считал, как и многие горожане, что церковь должна быть бедной и строгой, как в первые века христианства, когда она жила по заветам Христа, ибо сказано, что ни один богач не попадет в Царство Небесное. Для него единственным и величайшим законом было Евангелие, только оно было компасом, который указывал верный путь к праведной жизни, только оно было якорем, спасавшим его в бурях переменчивой жизни, оно стояло выше его мысли, выше воли его, он читал только Евангелие и преклонял голову только перед этим законом, который был установлен не им и никем из людей, и если он исправно каждое воскресное утро посещал королевскую, англиканскую церковь, то лишь потому, что пропустившего воскресную службу ждал епископский суд, а Евангелие предписывало покорность властям, праведным, справедливым властям, иногда прибавлял он, когда король отступал от истинной

веры и причинял своим подданным вред, ведь не Господь существует для человека, но человек существует для Господа, вся жизнь человека не более чем служение и прославление Господа, из чего следует, что король так же должен служить Господу, а не отступать от Него.

Возвращаясь из церкви домой, Роберт Кромвель изъяснял трехлетнему сыну, ведя его за руку, ступая медленно, осторожно, как человек, привыкший ездить верхом:

– Служение Господу, Оливер, не такое уж легкое дело, как может тебе показаться, ведь душа человека смущается дьяволом, а дьявол хитер, ах как хитер, он хитрее самого хитрого хитреца. Как ты думаешь, в чем его хитрость? Тебе уже пора это знать, потом будет поздно, мой мальчик. Дьявол смущает бедную душу легионом желаний. Смущенная ими, душа становится похожа на путника в чужой стране, среди неведомых зверей, может быть, лучше сказать, это город, осажденный врагом. Слабая душа уступает дьяволу без борьбы, сдает город врагу, не сделав ни единого выстрела, тогда как душа того, кто служит Господу, подобна воину, выступившему в поход. Чтобы спастись, она вступает в борьбу с искушениями плоти, с соблазнами растленного мира, погрязшего в грехе и разврате, об этом ты узнаешь потом, когда станешь взрослым. Не уставай же в борьбе, мой мальчик, не останавливайся ни на минуту, иди вперед и вперед, выкажи мужество, закали сердце желанием победить.

Роберт Кромвель знал, о чем говорил. Его борьба с кознями дьявола была давно позади. Он неукоснительно следовал правилам, которые не зная усталости внушал своему пока что несмышленному сыну. Его бережливость, его скромность могли служить примером другим. Он всегда был одет в камзол простого сукна, вытканного его же ткачами. Камзол украшался только широким белым полотняным воротником, без кружев и иных финтифлюшек, какими ублажают свою пустоту бездельники и кавалеры, да стальная пряжка кожаного ремня. Его лицо бывало большей частью спокойно, взгляд сосредоточен, губы сжаты. Он был сдержан в обращении с женой и детьми, строг, но справедлив со своими работниками, немногословен с единовверцами, неразговорчив с приверженцами королевской церкви и всегда с презрением, даже с ненавистью говорил о папистах, которым, по его убеждению, не должно быть места на доброй английской земле. Он не любил церковных праздников, потому что в праздники запрещалось работать. Во время праздников он выходил на площадь вместе с семьей, не желая предстать перед судом, ведь всюду в толпе шныряли шпионы епископа, но не принимал участия в плясках, поскольку почитал эти пляски наваждением дьявола. Он не прикасался к картам, не играл в кости, он не бывал в театре, когда лондонские актеры давали представления в Гентингтоне, не участвовал в спортивных играх, вроде футбола или ручного мяча, из чего следует, что Роберт Кромвель тщательно избегал искусно сплетенных сетей хитроумного дьявола.

Твердо уверенный в том, что отвращает козни дьявола от себя и своих домочадцев, Роберт Кромвель воскресными вечерами усаживал жену и детей за большой дубовый обеденный стол. Они чинно рассаживались на длинные лавки, соблюдая строго заведенный порядок: дети ближе к концу, слуги на самом дальнем краю. Он опускался в просторное дубовое кресло с невысокой прямой спинкой, которой никогда не касался спиной, и раскрывал свою английскую Библию, отпечатанную на тончайшей бумаге небольшого формата, чтобы она всегда была под рукой, и в поле, и в путешествии, и на случайном ночлеге. Перед ним горела единственная свеча. Из тьмы ее слабый свет вырывал его нос, длинные пряди прямых рыжеватых волос, которые опускались на грудь, желтоватые страницы с черненьким бисером строк и застывшие в напряженном внимании лица семьи. Мрак таинственно клубился за спинами. Стояла мертвая тишина.

Единственную книгу Роберт Кромвель читал медленно, благоговейно, не так, как читают обычные книги. Отчетливо, ясно произносил он своим низким голосом каждый стих, останавливался в раздумье, точно читает впервые, изъяснял его смысл и для лучшего понимания приводил всем известные истории из жизни родных, соседей, торговцев мясом и шерстью, пастухов и ткачей. К изумлению слушателей, среди них обнаруживались свои Иовы, Ионы, Иаковы,

и те, кто зарывал талант в землю, и те, кто приумножал данный талант, и, конечно, Иуды, и стих оживал у всех на глазах, и смысл его становился понятен.

Все-таки послания Петра привлекали его чаще других. Какое бы происшествие не всколыхнуло маленький Гентингтон, разорись кто-нибудь из соседей, попадись торговец шерстью на жульничестве, проворонь коров или овец пастухи, он аккуратно перебрасывал страницы ближе к концу, и голос его возвышался, точно сам он становился апостолом и обращался к пришельцам и избранным:

– «И если вы называете Отцом Того, Который нелицеприятно судит каждого по делам, то со страхом проводите время странствования вашего, зная, что не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценною кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, предназначенного ещё прежде создания мира, но явившегося в последние времена для вас, уверовавших чрез Него в Бога, Который воскресил Его из мертвых и дал Ему славу, чтобы вы имели веру и упование на Бога».

Он часто останавливался, подолгу молчал, точно хотел молчанием усилить важность прочитанного, продолжал взволнованно, и голос его возвышался:

– «Не воздавайте злом за зло или ругательством за ругательство; напротив, благословляйте, зная, что вы к тому призваны, чтобы наследовать благословение. Ибо кто любит жизнь и хочет видеть добрые дни, тот удерживай язык свой от зла и уста свои от лукавых речей; уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и стремись к нему. Потому что очи Господа обращены к праведным и уши Его к молитве их, но лицо Господне против делающих зло, чтобы истребить их с земли. И кто сделает вам зло, если вы будете ревнителями доброго?»

Он заканчивал всегда растроганно, тихо:

– «Итак, вы, возлюбленные, будучи предварены о сем, берегитесь, чтобы вам не увлечься заблуждением беззаконников и не отпасть от своего утверждения. Но возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Ему слава и ныне и в день вечный. Аминь».

Он поднимал голову, долго смотрел перед собой, точно усиливался увидеть Его, осторожно закрывал единственную книгу и устало произносил:

– Ступайте с миром.

Если Роберт Кромвель не читал единственную книгу и не рассуждал о ценах на мясо и шерсть, он вспоминал своих предков. Он любил подчеркнуть, что они были валлийцами, а валлийцы, по его убеждению, были лучшими из людей, трудолюбивые, гордые, независимые, не чета англичанам, которые только что не молятся на своего короля. Кромвели и Уильямсы, близкие родственники, испокон веку жили в Уэльсе. Они были овцеводами и суконщиками. Суконщиком был и Томас Кромвель, впоследствии прозванный Железной рукой. Перебравшись по делам в Лондон, он сумел сделать блистательную карьеру, со временем сделавшись правой рукой короля. Когда Генрих VIII решил порвать с католическим Римом, первым, кто поддержал это мужественное решение, был Томас Кромвель. Его стараниями был смещен с поста канцлера и казнен Томас Мор, истовый, непримиримый папист. В благодарность за эту услугу король Генрих сделал Томаса Кромвеля канцлером и поручил ему истребить в Англии самый дух католичества. Повинуясь повелению своего короля, Томас Кромвель громил монастыри и вешал папистов. Монастырские земли становились достоянием короля и его приближенных. Тогда многие аббатства перешли в собственность Томаса Кромвеля, но самым богатым человеком в Англии он стать не успел. По мнению Роберта Кромвеля, прадедушка, отступая от истинной веры, напрасно потакал греховным наклонностям короля. Он одобрил развод его с первой женой, не одобренный Томасом Мором, что стоило ему головы, приветствовал второй брак с Анной Болейн, который отказался признать ненавистный папист Томас Мор, не возражал против третьей жены короля и сам ему выбрал четвертую. Потакание чужому греху есть тоже грех, и Томас Кромвель за свой грех был жестоко, но справедливо наказан. Четвертый

брак короля не заладился, как и прежние. В своей неудаче король увидел тайные козни свата и канцлера. Его повелением Томас Кромвель был обезглавлен.

Так случилось, что на празднествах, устроенных именно по случаю этого четвертого брака, в рыцарских поединках отличился Ричард Уильямс, его верный помощник, близкий родственник, кажется, даже племянник. Говорят, на нем был белый бархатный плащ и он отразил все атаки противников и выбил всех из седла метким ударом копья. Король Генрих, быстро стареющий, уже неизлечимо больной, был восхищен, возвел Ричарда Уильямса в рыцари, обнял его со слезами, подарил перстень с алмазом, тут же снятый с руки, и расслабленным голосом произнес:

– Прежде ты был мой Дик, теперь будешь мой диамант.

Истинный валлиец, Ричард Уильямс после казни Томаса Кромвеля взял его имя и стал называться Ричардом Кромвелем. Король Генрих жестокий деспот, но рыцарь в душе, не стал возражать. Ему нужны были верные слуги, а Ричард Кромвель оказался верным слугой. Он раскрыл заговор папистов-еретиков и сам участвовал в его подавлении. Он довершил начатый дядей разгром папистских монастырей и проявил истинную доблесть в войне против французов, тоже папистов, посмевших поддерживать английских еретиков. В награду за подвиги король Генрих пожаловал Ричарду Кромвелю земельные владения в Лондоне и Уэльсе, отнятые у папистских монахов, а также доходы с одного приората и одного аббатства в графстве Гентингтон. Сделавшись богачом, Ричард Кромвель женился на дочери лондонского мэра, вышел в отставку, поселился в своих владениях и зажил барином, белоручкой, что очень не нравилось его внуку Роберту Кромвелю.

Свое громадное состояние Ричард Кромвель оставил, как полагается, сыну Генриху, а вместе с состоянием передал ему и дурные привычки расточительства и пустого препровождения времени, привычки, противные истинной вере. В наследственном поместье Хинчинбрук, бывшем католическом приорате, Генрих Кромвель построил роскошный замок, точно его предки не были простыми суконщиками, украсил его французскими гобеленами, картинами и вазами итальянских мастеров и ваятелей, женился опять-таки на дочери лондонского мэра, зажил барином, принимал у себя сотни гостей, стал верным прихожанином королевской англиканской церкви и благоговел перед королевой Елизаветой. Его благоговение было столь велико, он так громко распространялся о своем преклонении перед ней, что однажды королева Елизавета посетила его замок на зеленых берегах тихого илистого мутноватого Уза и под радостные клики гостей и придворных произвела своего почитателя в баронеты. С той поры сэра Генриха вся округа именовала Золотым рыцарем. Впрочем, его отличало не одно расточительство и склонность к пустым развлечениям. В разное время его избирали членом парламента и шерифом сначала Гентингтона, а позднее и Кембриджа, и он послужил на общественном поприще с пользой для своих избирателей, что в своих рассказах особенно подчеркивал Роберт Кромвель, его младший сын.

Счастливым отец, сэр Генрих Кромвель вырастил шесть сыновей и пять дочерей. Замок Хинчинбрук на берегах Уза и громадные земли, как и подобает для сохранения родового богатства, получил старший сын Оливер Кромвель, остатки поделили между собой младшие сыновья, дочери получили приданое. Как младшему сыну, Роберту Кромвелю из богатейших владений отца досталось очень немного, но он считал такое положение вещей справедливым и был доволен своей долей наследства, повторяя своему сыну, что не наследство, а собственный труд и приумножение определяют истинное достоинство человека. Своего брата Оливера он не любил, даже несколько презирал, но не оттого, что завидовал его замкам, аббатствам и приоратам. Зависть он отвергал как один из тяжких и грязных грехов, несовместимых с истинной верой. Он осуждал безумное расточительство старшего брата, который не приумножал, а транжирил полученное наследство. Роскошные пиры, казалось, никогда не прекращались в Хинчинбруке, и если нынче заканчивался один, то назавтра начинался другой. Охота на кроликов

сменялась охотой на лис. Бешеные кони охотников вытаптывали луга и пашни, принадлежавшие арендаторам и свободным крестьянам, нанося им без смысла, без цели непоправимый ущерб. Гремели праздники. Затевались турниры. Французское вино лилось рекой. Сэр Оливер веселился и разорялся, проматывал отцовское достояние. Читая Библию, Роберт Кромвель, его младший брат, частенько упоминал его имя в своих толкованиях, но не брата винил, а королевскую англиканскую церковь, которая, оставаясь наполовину папистской, своими роскошествами вводила в грех прихожан.

От сэра Оливера прискакал однажды гонец и подал пакет. Сэр Оливер извещал своего старшего брата, что Яков Стюарт проездом из Шотландии в Лондон, где ему предстояло занять английский королевский престол, благосклонно согласился завернуть в Хинчинбрук и отдохнуть в его скромном замке несколько дней. По этому случаю в Хинчинбруке готовятся грандиозные празднества. На эти празднества разделить с ним высокую честь приветствовать столь необычного гостя сэр Оливер приглашает всех родных, друзей и соседей. Разумеется, он приглашает и брата Роберта вместе с семьей. Прибытие короля должно состояться двадцать седьмого апреля 1603 года.

Роберт Кромвель ответил отказом: праздников он не любил, и его не приводила в восторг возможность лицезреть короля, по его мнению, это тиран. Тихим весенним вечером следующего дня в его скромный каменный дом в два этажа пожаловал сам сэр Оливер, его сопровождали вооруженные слуги. Роберт и его домочадцы мирно ужинали за общим столом. Сэр Оливер тихо вошел, промолвил приветствие, присел на край скамьи по правую руку от брата и негромко сказал:

– Тебе надо приехать. Это король.

Роберт Кромвель поднял глаза. Тотчас на дальнем конце стола бесшумно поднялся мальчик-слуга, и перед сэром Кромвелем появилась оловянная тарелка, вилка и нож, а на тарелке ломоть хлеба и кусок вареной говядины. Продолжая ужинать, Роберт Кромвель сказал:

– Угощайся. Зачем мне король? От короля я жду только бед.

– Какие же беды?

– Он сын папистки, Марии Стюарт.

– Он воспитан Ноксом и Бьюкененом, они приверженцы твоей истинной веры.

– Елизавета была протестанткой. Она казнила королеву Марию только за то, что у неё было больше прав на английский престол, чем у дочери Анны Болейн. Сын отомстит. Он не может не отомстить.

– Я оттого и зову тебя в Хинчинбрук. Ты убедишься, увидев его, что впал в заблуждение.

Роберт Кромвель с сомнением покачал головой, отодвинул тарелку с обглоданными костями, сделал большой глоток пива и твердо сказал:

– Хорошо.

Роберт Кромвель сдержал свое слово: он отправился в Хинчинбрук всей семьей. Роскошь Хинчинбрука вызывала у него отвращение. И замок, и конюшни, и псарни, и амбары, и склады, и площадка перед замком, и старинный монастырский разросшийся парк были приведены в образцовый порядок. Сигнальщики были расставлены по дороге на Лестер за несколько миль. Разодетые гости на дорогих скакунах толпились у въезда в усадьбу, готовясь скакать навстречу королевскому поезду. Между ними сновали не менее разодетые слуги. Впереди всех красовался сэр Оливер Кромвель в модном камзоле зеленого бархата с высоким белым плюшевым воротником, какие во всей Европе носят только паписты, в плаще белого бархата, в память о Ричарде Кромвеле, первом владельце бывшего приората.

Наконец прискакал сигнальщик на взмыленной лошади: едет! В тот же миг расфранченные гости нестройной ватагой, победно крича и настегивая плетью дорогих скакунов сорвались с места и скрылись из глаз. Они возвратились спустя полчаса, сопровождая раззолоченную карету на высоких рессорах, молчаливые, с торжественным выражением на раскрасневшихся

лицах. Карета сделала круг и остановилась. Лакей в голубом кафтане и белых чулках распахнул дверцу и откинул ступень. Из кареты с трудом выбрался маленький человек, узкогрудый, тщедушный, с большой головой и лысеющим лбом, на кривых тоненьких ножках, удлинённых высокими красными каблуками, скорее сын молодого Дарнлея, чем Марии Стюарт, красивой и сильной, неутомимой наездницы, воинственной королевы Шотландии. С почтением, задерживая дыхание, маленького человека на кривых тоненьких ножках под руки отвели в покои, отведенные для него, обставленные с роскошью французского двора, где маленький человек на кривых тоненьких ножках мог переодеться и отдохнуть.

И грянули торжества. Они открылись турниром. Местные рыцари с тяжеловесным мастерством сельских хозяев смело разили друг друга тупыми длинными копьями, по счастью, никого не убив. Во время королевской охоты добрая сотня всадников под рев труб и криков загонщиков затравила оленя, и последний удар, соскочив с коня. Нанес широким кинжалом король. Оленя ободрали, задарили на вертеле и подали к обеденному столу. Прощальный обед начался в полдень великолепным шествием всех присутствующих, разбитых на пары, и продолжался до позднего вечера. Музыканты играли. Местные актеры представили комедию. Французские вина подавались без счета. Вино ударило в голову. Король стал говорить:

– Благодарю вас, джентльмены. Ваши приветствия я принимаю как одобрение. Я дам вам законы, да, я их вам дам. Под сенью моих законов, клянусь господом, ваша страна достигнет благоденствия и процветания. Ибо...

Король пошатнулся и попытался строго взглянуть на веселых гостей:

– Ибо шотландские короли были прежде сословий и рангов, прежде парламентов, прежде законов, это я подчеркну. Не кем иным, но королями была разделена земля между их верными слугами, королями были образованы сословия, королями были созданы рычаги управления. Короли были творцами законов, а не законы творили королей, это я подчеркну. Так было в Шотландии, отныне так будет и в Англии.

Веселье стало стихать. Сельские хозяева, здоровые, трезвые, крепкие на вино, с изумлением глядели на короля, внезапно заслышав незнакомые речи. Внимание ободрило подпившего короля. Он заговорил вдохновенно:

– Ибо король – подобие Божие. Кто, кроме Бога, может быть судьей между королем и народом? Я вам отвечу: никто! Ибо рассуждать, что может и чего не может Бог, есть богохульство, это заметьте себе, стало быть, рассуждать о том, что может и чего не может король, есть бунт. А вы бунтовать? Ну, нет, я никому не позволю рассуждать о моей власти, никому и никогда! Монархический строй есть высший строй на земле, это вы должны твердо знать. Короли – наместники Бога. Короли сидят на Божьем престоле, это закон! Королей называют Богами сам Бог, это я где-то читал. Джентльмены, благодарю вас.

Король тяжело приподнялся и слабой рукой подал условленный знак. На середину залы выступил хозяин замка сэр Оливер Кромвель. Король приблизился, ступая вразлад, качаясь на кривых тоненьких ножках, и опоясал его мечом старинного образца, с какими рыцари ходили в крестовый поход на язычников и мусульман, таким образом возведя его в рыцари, точно хотел показать, что он может всё, что ему позволено всё и что сомневаться в этом не смеет никто, однако уже не смог ничего сказать в ободрение нового рыцаря. Сэр Оливер Кромвель преклонил колени и поцеловал его дрожащую руку. Король помедлил и милостивым жестом поднял его. В ответ сэр Оливер Кромвель излил на короля свою щедрость. Он преподнес ему тяжелую чашу чистого золота. Во дворе короля ждал небольшой табун породистых лошадей, целая стая ловчих птиц и лучшая свора борзых. Одарив короля, сэр Оливер Кромвель одарил золотыми вещами придворных. Пир был окончен. Стали собираться в дорогу. Отяжелевшего короля под руки усадили в карету. Следом за ней потянулся бесконечный королевский обоз. На другой день, сев верхом на коня, чтобы ехать на пастбище, Роберт Кромвель сказал:

– Наступают тяжелые времена.

3

Роберт Кромвель был прав. Едва сын Марии Стюарт шотландский король Яков VI превратился в английского короля Якова I, он созвал в Гемптон-Корте конференцию высшего англиканского духовенства и заявил:

Если вы желаете собрания пресвитеров по шотландскому образцу, то оно так же согласуется с монархической формой правления, как дьявол согласуется с Богом. Ведь в таком случае Джек и Том, Билл и Дик соберутся по своему желанию и станут поносить меня, мой совет и все наши дела, как они поносят в Шотландии.

Он был прав, испытав на себе непокорность шотландцев, учредивших свою протестантскую церковь на демократических, республиканских началах. Англиканские епископы не понимали и колебались, ещё не понимая, чего от них хочет король. Он разъяснял непонимающим смысл своей речи, колеблющихся запугивал тем, что они могут потерять свою власть и доходы, и между прочим произнес знаменательные слова:

– Если не будет епископа, то не будет и короля.

Он потребовал, чтобы пуритане прекратили свои сборища и свои проповеди, в противном случае он угрожал пуританам изгнанием или чем-нибудь хуже. На конференции он ещё колебался. Вскоре после нее он решился на крайние меры, Он поставил в изданной прокламации вне закона все религиозные общины, не согласные с вероучением англиканской церкви, главой которой являлся король. Он объявлял:

– Реформация есть зло, потому что она провозглашает равенство, а равенство есть враг порядка, враг единства, этого отца порядка.

Открывая первое заседание палаты общин, он ещё более развил свою главную мысль:

Пуритане отличаются от нас не столько религиозными убеждениями, сколько своей разрушительной политикой и требованием равенства, ведь они всегда недовольны существующим правительством, а чье-либо превосходство не желают терпеть, что делает их секты невыносимыми ни в каком хорошо управляемом государстве.

В родной Шотландии он был так запуган и стиснут пуританскими проповедниками, что не смел рта раскрыть. За это он хотел отомстить пуританам в чужой и тайно ненавидимой Англии. Заявив свое непреложное право единолично решать духовную жизнь своих новых подданных, он с искренним пафосом заявил ещё более непреложное право распоряжаться по своему усмотрению их имуществом, материальным их бытием, а, главное, он объявил своим правом вводить столько налогов, сколько потребуется королевской казне, напомнив собравшимся представителям нации, что он является их сюзереном.

Столь архаичные требования, высказанные тоном непреложным и агрессивным, не вызвали сочувствия и понимания у представителей нации. Больше того, эти оголтелые требования вызвали откровенное несогласие и раздражение. Правда, пока что представители нации были настроены довольно миролюбиво. У них не возникло нежелания отдавать на поток и разграбление свое имущество и свою духовную жизнь, но не обнаружилось и желания крупно поссориться с королем, без которого им не мыслилось порядка и благоустройства в стране. В наиболее серьезных и трезвых умах представителей нации вызрел целый трактат под названием «Апология палаты общин». Представители нации довольно деликатно попытались растолковать новому королю, к тому же шотландцу, к которым англичане издавна относились отчасти насмешливо, отчасти враждебно, что он несколько поторопился, что нынче он имеет честь править в Англии, а не в Шотландии, что у него не случилось времени правильно осведомиться о взаимоотношениях английского короля и английского парламента. Они разъясняли, что английский король всего лишь делит законодательную власть с парламентом и что, стало быть, законодательная власть в Англии в равной мере принадлежит и королю и парламенту,

они вместе управляют страной и не могут управлять отдельно один от другого. В особенности «Апология палаты общин» подчеркивала самую важную, принципиальную мысль:

«Великое заблуждение думать, что привилегии парламента, в частности привилегии общин Англии, принадлежат ему по королевской милости, а не по праву. Мы получили эту привилегию в наследство от наших предков так же, как мы получили от них наши земли и всякое другое имущество, которым владеем».

Представители нации изрядно покривили душой, с ложным пафосом утверждая, будто всё свое имущество и все свои земли, которыми они владели на данный момент, они получили от предков, Естественно, как только речь заходит о праве владения, в конце концов всегда обнаруживается, что кто-то у кого-то что-то украл. В самом деле, наследственных владений в Англии осталось очень немного. Большая часть представителей нации, сельские хозяева, так – называемое новое дворянство, получила от короля Генриха V и его преемников роскошные монастырские земли, когда-то принадлежавшие разрушенным монастырям и казненным монахам. По этой причине все они, подобно семейству Кромвелей, страшились эти владения потерять, иначе, как и безземельным крестьянам, безземельным дворянам придется превратиться в бродяг, а бродяг в Англии вешают в соответствии с немилосердным законом, утвержденным парламентом. Кому же может доставить удовольствие столь печальный конец? Никому столь печальный конец удовольствия доставить не может. А у представителей нации оказывалось достаточно оснований опасаться именно такого конца. Сем было известно, что король Яков сын непримиримой католички Марии Стюарт, что сам он католик в душе, насмерть запуганный шотландскими протестантами, что он сочувствует католической церкви и весьма непрочь возвратит её на английскую землю. Что же в таком случае ждет представителей нации, умеренных протестантов и пуритан? Их ждет катастрофа. Мало того, что их духовная жизнь будет попорана, их имущество возвратится к монастырям, которые придется восстановить все до единого. Чего доброго запахнет кострами, ведь святая инквизиция не простит им ни разрушенных монастырей, ни казненных монахов.

Взвесив столь грозные обстоятельства, представители нации предложили новому королю откровенную торговую сделку. Пусть король Яков навсегда забудет, что он сюзерен, и откажется как от духовной опеки, так и от произвольных поборов, которые действительно причитаются ему как сюзерену, поскольку золотое время сюзеренов безвозвратно прошло, семнадцатый век на дворе. В таком случае представители нации в обмен на эти права станут предоставлять королевской казне двести тысяч стерлингов в год. В результате сделки король получит гарантированный твердый доход, а представители нации за двести тысяч купят себе возможность спокойно заниматься своими делами, то есть пасти овец и коров на бывших монастырских угодьях, продавать мясо, выделывать шерсть и сукно, варить пиво и мыло, изготавливать иголки, замки, якоря и канаты, торговать всей полученной благодатью и богатеть. Таким образом, и Англия станет богаче, сумма налогов повысится сама собой, королевская казна, тоже сама собой, увеличит доход.

Маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками, единственно вследствие давней игры родственных отношений и связей названный английским королем Яковом I, был, конечно, самовлюблен, что нередко случается с королями, царями и президентами Божией милостью, слабыми по натуре, самолюбив, упрям и не очень умен. И все-таки, будь он один, он мог бы согласиться на эту довольно выгодную торговую сделку, жить себе на двести тысяч фунтов стерлингов в год, держать хороших поваров, хороших лошадей, хороших собак и украшать свои замки в подражание тщеславным королям Испании и Франции. Однако ж беда, пока малоприметная, опасная своим неминуемым разрастанием, гнездилась именно в том, что он был не один.

Власть, как известно, прилипчива. К любой власти, будь это король, царь или президент Божией милостью, липнет, как мухи на мед, множество охочих до сытой жизни людей, разли-

чие эпох, времен и правлений лишь в том, кто именно липнет в данный момент к щедроты дарующей власти. Маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками должен был содержать большой двор, и потому, что он был король, и потому, что он был новый, пришлый король, и потому, что ему нравилась лесть, и ещё потому, что ему не давал покоя соблазнительный пример пышных дворов испанского и французского королей.

Королевский двор, как полагается, составляли аристократы, представители известнейших, знатнейших фамилий. Представители владели громадными землями, которые они, в отличие от многих средних и мелких сельских хозяев, получили по старинному праву или в награду за кровавые подвиги в крестовых походах, в Столетней войне или в войне Алой и Белой роз. Если бы каждый из этих крупных землевладельцев с утра до вечера, подобно трудолюбивому Роберту Кромвелю, возделывал свои пашни, пастбища и луга, он имел бы неисчерпаемый источник доходов, которые вполне могли превзойти довольно ограниченные доходы королевской казны. То-то и есть, что всё это большей частью последыши известнейших, знатнейших фамилий. Они знать не знают, ведать не ведают, как возделывается пашня, как пасется скот, как обрабатываются луга и куда деваются полученные урожаи, шерсть и сукно. Последыши известнейших, знатнейших фамилий умели только пировать и охотиться и тратили родовое наследие с ещё большей непринужденностью, чем этот делал сэр Оливер Кромвель, расточительный брат трудолюбивого Роберта. Правда, на эти разнообразные удовольствия бездельного жития средств в худых карманах оставалось всё меньше и меньше. Что ж, они отдавали свои земли в аренду, рассчитывая на трудолюбие арендаторов, и арендаторы, следуя заветам Христа, трудились в поте лица, исправно выплачивая арендную плату. И всё было бы замечательно хорошо, но деньги так стремительно обесценивались, что арендная плата чудесным образом превращалась в гроши.

Чтобы с привычной беспечностью пировать, охотиться и швырять деньги без счета, последыши известнейших, знатнейших фамилий толпами устремились ко двору своего короля. Они стали его опорой, его советниками, его верными слугами, его окружением. Они поддерживали всего короля во всех его начинаниях. Они усердно прославляли его. Они на все лады внушали ему, что он величайший, славнейший, сильнейший из королей и получали за свою поддержку, за свои советы, за свои услуги, за свою бесконечную лесть новые привилегии, новые должности, новые пожалования, новые пенсии, новые выплаты из казны. Натурально, чем щедрее расплачивался с ними король, тем преданней становились они своему королю. Наконец между королем и аристократией установилось трогательное согласие, какого не было в Англии со времен Ричарда Львиное Сердце. С позорным крушением заговора несчастного Эссекса угасла бунтарская прыть английских баронов, не раз колебавших шаткий трон королевы Елизаветы, укрощавшей их бунты железной рукой. Пожалования и выплаты оказались вразумительней кровавых казней и жестокого подавления мятежей. Чем щедрей бесчувственная королевская рука сеяла пожалования, выплаты, пенсии и привилегии, тем смиреннее, покорнее становились придворные короля.

Само собой разумеется, эту ораву жаждущих дарового золотого дождя паразитов были не в состоянии убажить какие-то двести тысяч фунтов стерлингов ежегодного пенсионера, которые представители нации были готовы выдавать своему королю, лишь бы он позволил им спокойно производить, спокойно торговать, с покойно обогащаться и медленно, но верно обогащать Англию и казну. Маленькому человеку с большой головой и кривыми тонкими ножками и его окружению были нужны миллионы, однако миллионы были непосильны, убыточны, разорительны для представителей нации. Понятно, что представителям нации оставалось только твердо стоять на своем и не позволять королю Якову вводить новые налоги по своему усмотрению, без одобрения представителей нации. Не менее понятно, что упорное сопротивление представителей нации приводило короля Якова в бешенство. Последыши известнейших, знатнейших фамилий со всех сторон твердили ему, что он великий король, что ему не пристало

повиноваться этому соборищу сельских хозяев и торгашей, к тому же в большинстве своем пуритан, готовых до основания разрушить королевскую, англиканскую церковь, что он должен править независимой, самодержавной рукой.

Тем временем, в ожидании, когда маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками вовсе не железной, а очевидно слабой, капризной рукой усмирит заартачившихся представителей нации и установит налоги, какие заблагорассудится, достаточные для их прокормления, бароны, графы и лорды, стоявшие особенно близко к нему, с чистой совестью продавали интересы Англии испанским и французским католикам. Главное, с чистой совестью, даже с сознанием, что спасают Англию от внутреннего врага. Никаких усилий не требовалось с их стороны, для продажи достаточно было желания, поскольку Испания очень желала купить.

Тотчас после кончины королевы Елизаветы, усердной защитницы английского протестантизма, страну наводнили тайные агенты испанского и французского королей, которым очень хотелось завербовать как можно больше сторонников среди английских аристократов и перетащить Англию на свою сторону в – тяжелой, кровопролитной, кропотливой борьбе за господство на континенте. Тайные агенты щедро выкладывали вечно сидевшим без денег баронам, графам и лордам испанское или французское золото в виде единовременных выплат и пожизненных пенсий. Английские бароны, графы и лорды принимали выплаты и пенсии, рассчитывая с помощью испанцев или французков восстановить католическую церковь и стереть с лица земли пуританство, в котором они видели ядовитый источник всех своих бед, то есть прежде всего сломить сопротивление представителей нации новым королевским налогам.

Первым успел завлечь в свои сети маленького человека с большой головой и кривыми тонкими ножками французский король Генрих IV Бурбон, в молодые годы бывший воинственным протестантом, а зрелые годы бестрепетно принявший католичество ради приобретения французской короны. Прибыв в Лондон, раздав некоторое количество золота при дворе, его представитель герцог Максимилиан де Сюлли склонил короля Якова к оборонительному союзу, направленному против Испании. Тридцатого июля 1603 года король Яков подписал договор о союзе в своем замке Гемптон-Корт на Темзе, близ Лондона. Договор предусматривал взаимную военную помощь в том случае, если агрессивно настроенная Испания нападет на одну из сторон или предпримет решительные военные действия против протестантов в Голландии, причем в отдельных статьях с дотошной подробностью определялись условия, размеры и виды помощи с обеих сторон.

Разумеется, договор о союзе с французами не был согласован с парламентом, Этим договором король делал парламенту вызов. Немудрено, что и договор и особенно вызов очень не понравились представителям нации. Они почуяли в договоре запах ладана и наступление на сторонников истинной веры, как не смягчался договор тем, что к нему присоединились протестантские князья Германии и короли Дании и Швеции и что договор предусматривал защиту протестантской Голландии. В королевском вызове они услышали предупреждение: король не собирается с ними считаться. Стало быть, им следовало ждать с его стороны ещё большей беды.

Ошибиться было нельзя. С чувством растерянности и страха они наблюдали, как под воздействием испанского золота при дворе ширится и набирает силу испанская партия и во главе её один за другим становятся первые советники короля: государственный казначей граф Томас Саквилл Дорсет, один из победителей Непобедимой Армады адмирал граф Чарльз Ноттингем, граф Чарльз Блоунт Девоншир, граф Уильям Говард и адмирал лорд Эдуард Сесил, он же виконт Уимблдон. Войдя в сношения с испанским послом графом Жуаном Таксисом Вилла Медина и миланским сенатором Алессандро Ровида, они убедили короля Якова начать переговоры с Испанией. Короля Якова и не надо было особенно уговаривать: испанский король служил ему идеалом.

Все-таки и король и его советники опасались представителей нации. Переговоры проводились тайком. Напуганные стремительным усилением Франции, ещё более напуганные воз-

никновением антигабсбургской лиги, в которую только что была втянута Англия, представители испанского короля опрометчиво предложили англичанам, пока что не позабывшим Непобедимой Армады, не только оборонительный, но и наступательный военный союз, разумеется, направленный против Франции, Голландии и протестантских государей Европы. Даже маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками, даже подкупленные испанским золотом казначеи, адмиралы и лорды оторопели, ознакомившись с таким предложением. Столь резкий поворот во внешней политике даже им показался слишком крутым.

Переговоры затянулись, но не надолго. Миланский сенатор Алессандро Ровида, быстро сообразив, что и в самом деле толковать о наступательном союзе было и бестактно и несвоевременно, предложил ограничиться заключением мира между чересчур давно воюющими державами с прибавлением к нему оборонительного союза, который обязывал бы обе стороны в случае нападения неприятеля на одну из подписавших соглашение стран. Довольные неожиданным сближением именно с испанской короной, главным оплотом католицизма в Европе, казначеи, адмиралы и лорды согласились на эти условия, Нисколько не смутившись тем обстоятельством, что всего год и месяц назад был подписан такой же договор с Францией, направленный против Испании, маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками с тем же удовольствием от сближения с горячо чтимой испанской короной подписал с Испанией точно такого же содержания договор, направленный теперь против Франции и всей протестантской лиги, в составе шведского короля, датского короля и северных немецких князей. Договор возвещал в возвышенном тоне, что после длительного и страшного пожара войны, которым христианские державы были охвачены много лет, милосердие Божие принесло им день мира, день спокойствия, бывший до сей поры не столько предмет желаний, сколько предмет отдаленных надежд. Забрав так высоко, договор провозглашал, что о столь великом событии должны знать все, однако о столь великом событии далеко не сразу узнали представители нации, созданные королем Яковом полгода назад.

Далеко не сразу узнали представители нации и о торговых статьях, которые занимали едва ли не половину текста, заверенного подписью короля. Разумеется, статьи девятая и десятая тем же возвышенным слогом трактовали о свободном мореплавании и свободной торговле, общественное мнение требовало этих предосторожностей, и общественное мнение получило именно то, что требовало. Однако свобода мореплавания и свобода торговли не касались так называемых Соединенных провинций, то есть Голландии и Зеландии, интересы которых по прежним договорам находились под покровительством Англии, им запрещалось отправлять в Испанию, в испанские владения, даже во Фландрию, родственную им по крови и вере, но оккупированную испанцами, корабли, повозки, деньги, товары или что-либо иное, другими словами, Испания руками Англии душила торговлю Соединенных провинций.

Уже этот беспощадный ущерб, нанесенный дружественной протестантской державе, должен был возмутить представителей нации, Тем более представителей нации должны были привести в негодование статьи договора, которые касались собственно английской торговли, поскольку они затрагивали интересы каждого англичанина, который стриг шерсть, ткал сукно, торговал скотом и занимался ремеслами. Понятно, что прямо, откровенно английские интересы в договоре не ущемлялись, испанцы разрешали англичанам торговать где им вздумается, во всех испанских владениях, в том числе на островах Карибского моря и с американскими поселенцами, англичанам всего лишь ставилось неременным условием регистрировать в Испании свои корабли и товары и уплачивать за право торговли тридцатипроцентную пошлину, что делало английскую торговлю с островами Карибского моря и американскими поселенцами невозможной. Но испанцам и этого было мало. Испанские военные корабли продолжали грабить и забирать как трофей всех английских полупиратов-полуторговцев, которые пытались проникнуть на запад без регистрации и без уплаты обозначенной, прямо разорительной пошлины.

Подписанный договор, которым английский король так нерасчетливо предавал интересы английской торговли, можно было достаточно долго скрывать от представителей нации, трудней было скрывать бесчинства испанских военных властей, продолжавших истребительную войну с английскими купцами и каперами. В конце концов представители нации потребовали разъяснений у самого короля. С разъяснениями в палате общин выступил Френсис Бэкон, канцлер, гениальный ученый, отец экспериментального метода, родоначальник новейшей науки. Во-первых, он объявил, что королевское правительство не признает прав Испании на те территории, на которые не распространяется её контроль и на которых не имеется её поселений. Во-вторых, он сказал, что всякий, кто отправляется торговать на острова Карибского моря и с поселенцами на восточном побережье Америки, действует на свой страх и риск, и по этой причине королевское правительство не считает себя обязанным его защищать.

Договор имел и худшие следствия. В Англию возвращались католики, возвращались иезуиты. Разумеется, иезуиты возвращались нелегально и действовали исподтишка. Они напали на королевскую англиканскую церковь, объявляя её еретической. Нападки иезуитов таили в себе угрозу возвращения католицизма на английскую землю. В душе возвращения католицизма желал и сам маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками, причем желал вопреки тому обстоятельству, что он являлся главой англиканской церкви и, следовательно, по своему положению должен быть противником и ненавистником католицизма, а нападки иезуитов на англиканскую церковь являлись, таким образом, нападками на него самого и направлялись не только против новой английской религии, но и против государственного строя Англии как он сложился после упразднения католической церкви. Выходило, что английский король сочувствовал подрывной пропаганде, направленной против него самого как главы церкви и главы государства. Большой чепухи и придумать было нельзя.

Испания лишь прикрывалась договором о мире и оборонительном военном союзе. Испанское посольство в Лондоне превратилось в центр разрушительной пропаганды. Испанский посол оказывал денежную помощь английским иезуитам и служил посредником между ними и иезуитскими организациями в Испании и Италии. Несмотря на соответствующую статью договора, испанские власти с распростертыми объятиями принимали ирландских, шотландских и английских католиков, вынужденных бежать от преследований, которые на них продолжала обрушивать англиканская церковь. Испанский генерал маркиз Амброзио де Бальбазес Спинола, наместник Фландрии, устраивал пышные приемы вождям ирландских повстанцев. Он переправлял их в Милан. Им оказывал милости испанский король Филипп II. На средства испанской казны для их детей учреждались семинарии, в которых воспитывалась фанатичная преданность католической вере и ненависть к английскому пуританству. Римский папа обращался с посланиями к английским католикам, которые отказывались присягать на верность английскому королю, и призывал их во имя Христа идти на муки и смерть.

Возвращение католиков, тем более возвращение иезуитов грозило Англии жестокими бедами, Замшелые старики ещё помнили безумный террор, учиненный королевой Марией Кровавой. Из Фландрии и Брабанта, залитых кровью, которую без счета, без меры проливали испанцы, продолжали прибывать купцы и ремесленники, сумевшие выскользнуть из цепких лап святой – инквизиции и добраться до спасительной Англии. Беглецы не уставали рассказывать о бесчинствах, творившихся испанскими генералами, и о том, как озверевшие испанцы-католики врываются в их дома, как сжигают еретиков, хорошо если по особой милости на соломе, но чаще без милости на хворосте у столбов, как дворянам и зажиточным горожанам головы рубят мечом из уважения к их положению, крестьян просто вешают, женщин под видом ведьм закапывают в землю живьем, а доносчики получают половину имущества, если оно не превышает ста золотых монет, вторую половину наследует испанский король.

Новые налоги и новая политика короля Якова для представителей нации чем-то вроде замедленного убийства. Они сопротивлялись семь лет, они осуждали все попытки короля пра-

вить вопреки воле парламента, наконец они исчерпали все свои аргументы и обратились к маленькому человеку с большой головой и кривыми тонкими ножками с прошением, в котором требовали отменить все налоги, введенные королем и королевским правительством без их утверждения в палате общин. В то же время, уверив его, что им чуждо инакомыслие, пуританский дух и уклонение в пресвитерианство, они отказали королю в праве вносить какие-либо изменения или каким-либо иным образом реформировать существующую англиканскую церковь. Тем не менее пришедший в бешенство маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками, обвинив представителей нации в том, что они сочувствуют богопротивному пуританству, объявил палату общин распущенной.

Правда, без палаты общин королю легче не стало. Помыкавшись года три, не сумев убедить торговцев, ремесленников и сельских хозяев, что они обязаны платить любые налоги, введенные королем, и безмолвно мириться с возвращением ненавистных католиков и иезуитов, он созвал новый парламент, питая надежду, что печальная судьба первого парламента пойдет представителям нации впрок. Король глубоко заблуждался. Введение новых налогов и возвращение католиков и иезуитов затрагивали самые коренные, жизненно важные интересы большей части населения Англии, и представители нации именно в двух этих вопросах ни под каким видом не могли пойти на уступки. Всего два месяца спустя после первого заседания палата общин потребовала, чтобы король Яков прекратил собирать налоги, которые прежде были ими отвергнуты. В ярости король Яков повелел сжечь представленный им меморандум в камине, несколько представителей нации, особенно ему не угодных, попало в тюрьму, парламент был снова распущен и не собирался семь лет.

4

Тем временем Оливер вырос в благочестивом тепле скромного отцовского дома на окраине провинциального городка Гентингтона. Пришла пора учиться английскому чтению и письму – пуритане осуждали латынь, традиционный язык, который был обязательным для паписта. Первые уроки дала ему мать. Её звали Элизабет. Когда Роберт Кромвель женился на ней в 1591 году, она была молодой вдовой по фамилии Лайонс, но её девическая фамилия была Стюард, и хотя иные шутили, что она из королевского рода шотландских Стюартов, она не имела никакого отношения ни к шотландским королям, ни к маленькому человеку с большой головой и кривыми тонкими ножками. Её отец был честный англичанин из Норфолка, такой же сельский дворянин и хозяин, как и его зять Роберт Кромвель, владелец бывших монастырских земель. Он жил в Или, неподалеку от Кембриджа. У Элизабет Кромвель было десять детей, трое из них скончались в младенчестве, выжил сын, выжило шестеро дочерей.

Она воспитывалась в такой же строгой пуританской семье и была точно вылеплена по евангельским заповедям. Мало того, что у неё был сильный характер и что она была умна и практична, она была в высшей степени добродетельна. Она была почтительна со своими родителями, любила мужа и навсегда оставалась верной ему, Она обожала детей и была с ними строга, но нежна. На ней лежали все заботы по дому. Из дома она выходила только на рынок и в ближайшую церковь Иоанна Крестителя. Она не любила праздников, как их не любили муж и отец, и когда другие горожане плясали и пели, она брала рукоделье, которое служило её тихим отдыхом от домашних хлопот и воспитания семерых здоровых и потому подвижных детей. Она знала наизусть многие рассказы из Библии и жития святых мучеников и в свободное время часто со свойственной ей поэтичностью пересказывала их разыгравшимся детям, чтобы утихомирить их без окриков и шлепков и воспитать в их восприимчивых душах благочестивые чувства.

Она учила сына и девочек старинным способом обучения, принятым в Англии с давних пор. Для первых уроков использовалась овальная дощечка с приделанной к ней рукояткой. К

дощечке прикреплялся лист. На листе был каллиграфически выведен Отче наш, первейшая молитва всех христиан, и английская азбука с новым изображением букв, без толстых нажимов и закорючек, введенных когда-то католиками. Ученик и учительница плотно прижимались друг к другу. Ученик держал рукоятку. Учительница указывала на буквы и произносила их вслух. Так заучивался вест алфавит. После этого учились складывать буквы в слога. Потом читалась молитва. После этого приступали к письму.

Оливер рос мальчиком крепкого телосложения, был энергичен, подвижен, его энергии требовался простор, однако Кромвели жили замкнуто, игры со сверстниками были ему недоступны, ему поневоле приходилось проводить всё свое время с сестренками. Он был для них естественным верховодом, они любили его, но нередко изводили капризами, которые свойственны женщинам. Фантастические повествования матушки Элизабет и сумрачные чтения отца темными воскресными вечерами рано пробудили воображение, которым ребенок не умел управлять, после этих повествований и чтений он спал беспокойно и видел необыкновенные сны. Он становился нервным, нередко беспричинные слезы наворачивались у него на глаза. Ему трудно было сидеть неподвижно и неотрывно следить, на какую из закорючек указывал матушкин розовый, в домашних хлопотах много раз вымытый палец. Но матушка Элизабет проявляла ангельское терпение. Она не выходила из себя, не кричала, не обрушивала на голову непоседы разнообразные наказания, а Оливер оказался сообразительным и очень неглупым учеником. Правда, особенных талантов в нем не проснулось, но он без труда научился читать и писать.

В тот год, когда Томас Бирд, доктор богословия, учитель и проповедник, друг семьи, подарил Роберту Кромвелю свою первую книгу «Театр Божьих кар, переведенный с французского и снабженный более чем 300 примерами», в которой выпускник пуританского колледжа в Кембридже доказывал, что за все свои прегрешения смертный понесет достойное наказание не только в небесной, но и в земной жизни, пришла пора учиться серьезно. Отныне Оливер поднимался чуть свет, вместе с отцом, чтобы успеть в местную школу зимой к семи, а летом к шести часам. Он выходил из дома, ежась от холода, часто под дождь или снег, с удовольствием наблюдал, как бодрый, складный в своем камзоле, ловкий отец неторопливо и аккуратно седлал своего гнедого конька, спокойно, без суеты поднимался в седло и, направляясь на север, выезжал из ворот. Оливер долго смотрел ему вслед, мечтая о том, как было бы хорошо на старой смиренной кобыле, на которой отец уже позволял ему ездить, ехать рядом с ним на пастбище и в луга, осматривать стадо коров или сбившихся тесно овец и говорить с пастухами о погоде, о выбитой или невыбитой траве этого пастбища, о созревании трав или о сене, которого должно хватить на всю зиму, если, Бог даст, ранней будет весна. Он стоял под аркой ворот до тех пор, пока спина отца и круп лошади не скрывались в густом или редком тумане, сквозь который виднелась разбитая дорога, пересекавшая однообразную низменную равнину с редкими кустами и острой осокой стоялых болот.

Проводив глазами прямую спину отца, Оливер поворачивал к югу, накиннув на голову мешок от дождя, и шагал грязной улицей вдоль старых потемневших домов с островерхими крышами, крытыми черепицей. Впереди поднимались к небу шпили церквей. На две тысячи жителей Гентингтона их было четыре. Между ними выделялась своей неуклюжестью тяжелая прямоугольная башня, венчавшая старое кирпичное здание с высокими узкими окнами с частыми свинцовыми переплетами и мелкими стеклами, построенное три или четыре века назад. В этой башне с уходящим ввысь потолком помещалась начальная школа, не зависящая как от монахов, которых давным-давно частью разогнал, часть перевешал король Генрих VIII, так и от окружного епископа, которому жители Гентингтона не желали доверять воспитание своих сыновей. Школа находилась в ведении городской корпорации. Корпорация приглашала учителя и оплачивала его труд, правда, оплачивала не особенно щедро, так что на всех учеников от семи до пятнадцати лет учитель был только один.

В большой классной комнате ученики рассаживались по возрасту на деревянных скамьях, отполированных до темного блеска. Одним учитель давал задание на весь урок, с другими занимался сам, за третьими присматривал кто-нибудь из лучших старших учеников. Ученики не имели учебников, Каждое слово учителя им полагалось вытверживать наизусть, повторяя хором за ним, так что в классе постоянно стоял однообразный гул. Гул стихал ровно в девять часов, чтобы ученики могли позавтракать тем, что приносили из дома, в зависимости от вкусов и достатка семьи, и возобновлялся до одиннадцати часов. В одиннадцать ученики расходились по домам на обед. В час они возвращались и занимались до трех. В три устраивался ещё один перерыв. Последний урок заканчивался в пять часов вечера. По четвергам и субботам занимались только до полудня. Каникулы устраивались три раза в году, на Рождество, на Пасху и на Троицын день, всего сорок дней в течение учебного года.

Ученье открывалось «Изречениями для мальчиков», выбранными из сочинений известных писателей. Изречения содержали догмы морали на все случаи жизни. Заучивали их наизусть. Затем шли псалмы, переложённые для легкости усвоения на стихи. После псалмов читали Евангелие, Катехизис, жития святых и молитвенник. Томас Бирд не пренебрегал и латынью. При всей лютой ненависти к папизму обойтись без латыни образованному англичанину было нельзя, однако, по мнению доктора богословия, было достаточно, если ученики с грехом пополам переводили кое-какие басни Эзопа, отрывки из писем и речей Цицерона, в которых прославленный римский оратор давал наставления своим адресатам и слушателям, и некоторые сценки из Плавта. Светские науки тоже не пользовались его уважением. Томас Бирд знакомил учеников с четырьмя действиями арифметики и с кое-какими начатками английской истории и географии, вполне достаточными для того, чтобы гордиться своей протестантской страной и разъезжать по торговым делам. Главной его заботой была вседневная, неустанная проповедь истинной веры как он её понимал. На помощь себе он постоянно призывал апостола Павла и блаженного Августина. То и дело он приводил их суровые наставления и разъяснял своим молча внимающим ученикам их тайный, неизреченный, однако для него вполне очевидный смысл.

Среднего роста, с широкой грудью, облаченный в черное одеяние пастора, с высоким лысеющим лбом, твердым подбородком, с мясистыми губами, с бледным лицом и сверкающими глазами того, кто обладает истиной и готов жизнь положить, чтобы принести её людям, он начинал с того, что душа человека изначально и неотступно жаждет, стряхнув с себя земной прах, войти в Царствие Небесное и, вкусив, насладиться вечным блаженством. Единственно в этом бесконечном стремлении к Богу состоит смысл и цель бытия. Однако не каждая душа достигнет Царствия Небесного, не каждой душе суждено насладиться вечным блаженством. Достичь его не помогут ни пышные богослужения, ни запах ладана, ни горящие свечи, ни отпущение грехов, данное одному человеку другим человеком, ни купленный за деньги клочок обыкновенной бумаги, который у презренных папистов именуется индульгенцией, ни так называемые святые врата, которые антихрист, то есть римский папа, открывает в Риме по праздникам и сквозь которые может пройти каждый грешник, чтобы напрочь очиститься от всех своих прежних грехов. Голос Томаса Бирда гремел как голос пророка:

– Нет, нет и нет!

Он вздрагивал, простирая бледную руку, и пальцы её шевелились, точно отделяли души одну от другой:

– Божественное Провидение прежде создания вселенной присудило одни души к вечному блаженству, другие к проклятию вечному. «Ибо Писание говорит фараону: для того самого Я и поставил тебя, чтобы показать над тобой силу Мою и чтобы проповедано было имя Мое по всей земле. Итак, кого хочет милует, а кого хочет ожесточает. Ты скажешь Мне: за что же ещё обвиняет? Ибо кто противустанет воле Его? А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: зачем ты меня так сделал?»

Голос его падал, сникал, Томас Бирд продолжал негромко, задумчиво, точно сам пораженный той истине, которую им открывал, медленно обводя пристальным взглядом притихших учеников:

– В «Послании к римлянам» апостол Павел так рассуждает о бесконечной власти Бога над каждым из нас: «Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?» Так и Предвечная Воля, подобно горшечнику, имеет власть над людьми: одних превращает Она в сосуды честные, предназначенные для почестей, а других превращает в сосуды низкие, предназначенные для посрамления. Над кем хочет Предвечный Горшечник, над тем Он и смиляется, а кого хочет, того и погубит!

Оливер застывал, он превращался в слух, он весь становился вниманием. Он слышал почти то же самое, что воскресными вечерами говорил справедливый, добрый отец, он слышал те же слова и те же тексты апостолов, но те же слова звучали иначе, те же тексты апостолов наполнял новый смысл. Он ощущал, будто сама истина со всей очевидностью открывалась ему. Да, это так, несокрушима и всеобъемлюща власть Господа над людьми, предвечна сила Его, милость и наказание неотразимы. Воображение мальчика рисовало горшечника в его мастерской, которую он видел не раз, когда сворачивал направо от дома и пробирался узенькой тропкой вдоль огородов, он видел его влажные красноватые руки и такую же влажную сочную красноватую глину, ровно бегущий круг, который приводила в движение его босая нога, и возникший из бесформенной массы горшок. И он был горшком, и в сознании этого сходства не было ничего унижительного, напротив, жаркая гордость наполняла его: ведь этот горшок вылепил Бог! Но тут же гордость сменялось горьким отчаяньем: для чего, для какого употребления вылеплен он, Оливер Кромвель, для посрамления или для почестей? Ведь знать эту тайну не дано никому, ведь изделие не может спросить Предвечную Волю, на что Она вылепила его, Что должно над ним совершиться, то совершится, всенепременно, неотразимо, бесспорно, однако же что?!

Его вопросы были безмолвны, но они каким-то образом были известны учителю, может быть, потому, что те же вопросы о том, что должно совершиться над ним, так же ярко горели и так же нестерпимо жгли беспокойную душу учителя, Томас Бирд рассудительно отвечал как о чем-то само собой разумеющемся, что милость Господня безмерна, что Господь все-таки не оставляет свое создание в полном неведении, Он делает намек, дает знак, да поймет Его понимающий, Каждый истинно верующий этот знак усмотреть может в том, как ведутся его земные дела, преуспевает ли он, идут ли дела хорошо, крепка ли крыша над его головой, обилен ли его стол, полны ли его закрома, звенят ли золотые монеты в его кошельке, или всё валится из его вялых рук, всё идет прахом, его крыша течет, его миска пуста, в его закромах одни мыши и в кошельке его хоть шаром покати. Вот указание, вот путеводная нить! Спасен будет лишь тот, кто преуспевает в делах, а тот, кто ленится, кто не добывает хлеб свой в поте лица, кто оставляет в публичном доме или в пивной отцовское достояние, тот лишен милости и будет низринут во мрак. Что же из этого следует, джентльмены? А из этого следует: будь трудолюбив, своему поприщу отдай все свои силы, не прелюбодействуй, не пьянствуй, не расточай, и если такие поступки тебе по плечу, стало быть, ты избран и вознесен, именно тебя отметил на вечное блаженство Господь!

Томас Бирд хмурился, говорил резко, отрывисто, с глубоким презрением, его пальцы стискивались в костистый кулак, его лицо мелко дрожало, в его серых глазах загорался злоеший огонь:

– Ибо учит нас святой Павел: «Но как они, познавши Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, то и предал их Бог в

похотях сердец их нечистоте, так что они осквернили сами свои тела. Они заменили истину Божию ложью и поклонялись и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь».

Он останавливался, точно сдерживал свой праведный гнев, бледнел, ноздри его короткого крепкого носа негодуяюще раздувались, он продолжал:

– «Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противуестественным; подобно и мужчины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение. И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму, делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, непримиримы, немилостивы. Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти, однако не только их делают, но и делающих одобряют»!

Проповеди учителя пробуждали энергию, которая прежде таилась где-то в глубинах его существа, не раскрытая, не знаемая никем. Оказалось, что в его душе гнездятся неукротимые страсти, которым требовалось указать только цель, чтобы взвихриться, выплеснуться наружу и понести его только вперед, обходя или сметая преграды, способная, как он вдруг ощутил, моря переплыть и горы свернуть. Цель была указана, цель была определенной и ясной, как летний солнечный день: найти свое поприще, твердо встать на него и отдать ему без остатка все свои силы. Стало быть, где его поприще, в чем оно состоит, в каком направлении ему указующий перст?

Понадобилось немного времени, чтобы понять, что Оливер Кромвель не обладал ни великим, ни сильным умом, ни испепеляющей жадной познания. Учеба ему не давалась, видимо, иной путь был предназначен ему. Учиться он не хотел. Латынью он овладел кое-как, на этом мертвом, малоупотребительном языке всего лишь был в состоянии поддержать нетрудный, бытовой или деловой разговор, с грехом пополам переводил обязательные две-три басни Эзопа, отрывки из речей Цицерона, кое-что из Вергилия и Овидия, из Горация, Плавта и Ювенала, отнюдь не забираясь в дебри их сочинений, а о том, чтобы посягнуть на философские системы Аристотеля или Платона, как уже было принято в лучших школах и университетах континентальной Европы, и помыслить не мог, тем более что Томас Бирд не жаловал ни того, ни другого.

На уроках он чаще всего бывал невнимателен, размышлял о чем-то своем, вдруг впадал в мрачность, то смех нападал на него, то сыпались из глаз беспричинные слезы. Он рос физически крепким, верховодил в мальчишеских играх и драках, воровал яблоки в соседских садах, любил во всю прыть скакать на коне, так ветер свистел и шляпа готова была слететь с головы, возился с охотничьими собаками и ловчими птицами, охотился на лис, играл в кегли и в мяч, вопреки тому, что отец Роберт, Томас Бирд и все окружающие осуждали эти занятия как греховные и порочные, не достойные человека истинной веры.

Томас Бирд был настоящим учителем. Он не только вдалбливал в детские головы четыре действия арифметики и латынь, он не только произносил перед ними жаркие проповеди и без конца цитировал на память Евангелие, он искал пути к детскому воображению, к детскому сердцу, сочинял короткие пьески на евангельские или бытовые сюжеты с обязательным нравоучительным смыслом и разыгрывал их вместе с учениками, понимая, что игра лучше учит детей, чем сухие, скучные наставления. Когда же всего педагогические средства бывали исчерпаны, он прибегал к последнему доводу воспитания и вколачивал школьную премудрость и правила нравственной жизни березовыми прутьями по мягкому месту, и по участию в этой педагогической процедуре Оливер Кромвель нередко оказывался первым учеником.

Сила проницательного учителя Томаса Бирда состояла именно в том, что он не оставлял своих питомцев ни в школе, ни в церкви, ни дома. Правда, в церкви он был связан по рукам и ногам. Англиканская церковь во главе с королем следила за каждым своим проповедником как заправская полицейская служба, с одинаковыми приемами и одинаковыми последствиями для провинившихся. Высшая комиссия под руководством епископа действовала с не меньшей строгостью, с не меньшей ретивостью, чем Звездная палата под руководством министра полиции. Королевская администрация предписывала содержание проповедей в каждой церкви страны. И тайная и явная служба епископа следила за неукоснительным исполнением этого предписания, отслеживала и оценивала каждое слово, каждый намек на политику короля. Епископские суды преследовали строптивых проповедников точно так же, как преследовали прихожан за уклонение от десятины, от воскресной службы, за ересь или порочное поведение, Церковная цензура процеживала каждое печатное слово и выпалывала из книг и брошюр самый слабый намек на критику правительства или церкви. Не только сознательная критика королевских предначертаний и церковных распоряжений, не только открытая проповедь пуританских идей, даже оговорка, невольная ошибка в евангельском тексте могли стоить проповеднику кафедры и навлечь на него судебное разбирательство и гонение со стороны не только церковных, но и королевских властей.

Однако Томас Бирд владел искусством проповедника ничуть не хуже, чем мастерством педагога. Известно, что запреты неодолимы для дураков и до острия бритвы оттачивают творческий ум, который без преград и запретов, угрозы суда и гонений чахнет и плесневеет и теряет свой творческий пыл, ведь в основании всякого творчества лежит яростный спор, равнодушная, вялая мысль не способна произвести ничего. Если нельзя прямо выступить против насилия церкви и несправедливости короля, а прихожане, оскорбленные в своей вере, стесненные и ограбленные своеволием короля, только и ждут таких выступлений, иначе они отвернутся от своего проповедника, значит умный проповедник должен прибегнуть к таким неотразимым намекам, которые поймет любой прихожанин и к которым не сможет придаться никакая полиция.

Томас Бирд с удивительной ловкостью выходил из трудного положения. Он не осуждал короля Якова за его погибельное стремление искоренить пуританскую веру, к которой склонялись едва ли не все торговцы, ремесленники, сельские хозяева, арендаторы и свободные земледельцы, он приводил из его речей и трактатов самые глупые, самые заносчивые, самые вызывающие места, и возмущенные прихожане, расходясь по домам, сами находили все те негодующие слова, которые не имел возможности произнести вслух проповедник, а проповедник всего лишь подливал масла в огонь, приводя подходящее место из Библии:

– Ибо сказано: «Но когда он сядет на престоле царства своего, должен списать для себя список закона, и пусть он читает его во все дни жизни своей и старается исполнять все слова закона сего, чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пробыл на царстве своем»!

Король Яков, разогнав несговорчивых представителей нации, защищавших интересы тех, кто производил богатство страны, пустился во все тяжкие налагать незаконные штрафы, вводить новые пошлины, торговать должностями и титулами, что многих его подданных приводило в негодование, но Томас Бирд не нападал на штрафы, на пошлины, на продажу титулов и должностей, он раскрывал Библию и гремел:

– Ибо сказано: «Мерзость для царей – дело незаконное, потому что правдою утверждается престол»!

Королевские пожалования, на которые уходили все эти штрафы и пошлины, развращали придворных. Придворные перенимали испанские и французские моды, испанские и французские нравы, испанские и французские танцы, без конца веселились на балах и маскарадах, развлекались фейерверками и охотами, изошрялись в интригах, сгорая от жажды попасть в фаво-

риты, которых король ублажал баснословными суммами, опять-таки полученными от штрафов и пошлин, и Томас Бирд раскрывал верную Библию и сокрушался:

– «Как сделалась блудницей верная столица, исполненная правосудия! Правда обитала в ней, а теперь – убийцы. Серебро твое стало изгарью, вино твое испорчено водой, князья твои законопреступники и сообщники воров, все они любят подарки и гоняются за мздой, не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них»!

Но по мере того, как наступление короля Якова на права и кошельки своих подданных умножалось и ширилось, а бесчинства властей переходили предел не только справедливости, к чему довольно быстро вырабатывалась спасительная привычка, но и пределы разумного, чего подданные ни понять, ни простить не могли, рассерженным прихожанам становилось мало прозрачных намеков, они жаждали прямых обличений, чтобы в обличениях отвести свои скорбящие души, полные гнева и желания мести. С церковной кафедры прямые обличения были слишком опасны и – грозили неосторожному проповеднику тюрьмой, плетью, лишением ушей и клеймом. Тогда прихожане приладились собираться в небольшие кружки и приглашать в свои дома проповедников со стороны, взявших обыкновение бродить по стране с молитвой, с истинной верой, с новостями из Лондона и уже с откровенно крамольными обличениями церкви и короля.

Все-таки самым любимым проповедником в Гентингтоне был Томас Бирд. Непреклонная преданность истинной вере, честность и ум, образованность и дар слова, истинный гнев и умение обходиться с людьми сдружили его с многими из прихожан. Не прочь послушать пришлого человека, они тем не менее предпочитали душевные беседы своего проповедника и часто приглашали Томаса Бирда запросто отужинать с ними, выпить крепкого пива и потолковать о том да о сем, что противного Господу творилось на свете, ведь на свете всегда творится много противного Господу. Томас Бирд никому не отказывал, без церемоний, по-дружески входил в каждый дом, ужинал с аппетитом, со вкусом пил крепкое пиво и толковал обо всем, что противного Господу творилось на свете.

Чаще других он бывал в доме Роберта Кромвеля. Вступив в большую столовую, Томас Бирд сбрасывал черный плащ с капюшоном, закрывавшим до половины лицо, и усаживался за стол, точно был членом семьи. Вдали от церкви и школы он вел себя проще, глаза его реже вспыхивали огнем, гораздо чаще в них светилась печаль и усталость, он не грозил, не стискивал кулаков и реже вспоминал грозные изречения апостолов и пророков. Он негромко и ясно говорил о насущном, Этим насущным была необузданная власть короля, который на каждом шагу нарушал английскую конституцию, к сожалению, не записанную, как был записан билль о правах, но несколько веков подряд существовавшую в предании, в сознании английского общества.

В особенности заволновался весь Гентингтон, когда в апреле 1614 года король Яков, все-таки обнищавший, несмотря на постоянно вводимые штрафы и пошлины, торговлю должностями и титулами и продажу патентов на монополии, принужден был созвать новый парламент. Парламент собрался, после проделок короля настроенный более решительно, чем предыдущий. Король Яков потребовал введения новых налогов, необходимых для содержания прожорливого, ненасытного штата придворных, число которых год от года росло. Представители нации были возмущены. Они не признавали своего долга в том, чтобы кормить толпы трутней, собиравшихся вокруг короля Якова и вокруг королевской казны. Они наотрез отказали королю в новых налогах. Они составили меморандум, в котором изложили принципы справедливого и разумного обложения, и подали его королю. Едва узнав об отказе, король Яков не стал читать меморандум и швырнул бумагу в огонь, давая понять, что не ставит представителей нации ни во что. Буря негодования по этому случаю готовилась разразиться, но не успела. В июне того же года король Яков разогнал неудобный парламент. Несколько представителей нации, резко выступавших против него во время дебатов, попали в тюрьму. Было вспыхнувшие надежды

горожан Гентингтона сменились унынием. Томас Бирд, точно был не проповедником, а купцом, доказывал своим внимательным слушателям, указывая на всем известные живые примеры соседей из ближней и дальней округи, что ещё несколько лет такого правления, все они разорятся, превратятся в нищих бродяг.

Немного сведений вынес Оливер Кромвель из школы, зато он твердо усвоил главные положения истинной веры и главные положения общественной жизни, как понимали их пуритане. Никогда в жизни он не поколебался в том убеждении, что всеблагодатный и всемогущий Господь управляет всем миром, управляет народами, управляет войсками, управляет лично им, Оливером Кромвелем, какое бы решение ни приходилось ему принимать, он прежде пытался проникнуть в волю Господа, и что бы он ни совершил, он искал знамения свыше, верно ли он уразумел волю Того, Кто ещё до рождения определил его земной путь и расчертил всю его жизнь, не сомневаясь, что будет жестоко наказан за каждую ошибку, за каждое отступление от того, что предназначено ему совершить. Никогда во всю свою жизнь он не поколебался и в том, что правитель обязан и предназначен свыше на то, чтобы управлять в интересах народа и в полном согласии с ним, а если правитель нарушает эту святую обязанность и отступает от предназначения свыше, он должен быть осужден, как постоянно в своих неторопливых беседах осуждают короля Якова его отец и учитель. И тем более он не имел причин поколебаться в том убеждении, что все придворные кавалеры не более, чем паразиты и туеядцы, бесполезно и нагло пожирающие плоды его рук, плоды рук горожан Гентингтона, плоды рук всей страны.

Кого-кого, а туеядцев и паразитов он видел своими глазами с самого детства и с самого детства проникался презрением к ним. Его дядя сэра Оливер часто приглашал в Хинчинбрук младшего брата с семьей. С утра до вечера занятый коровами, овцами, пастбищами, покосами, выделкой сукон и продажей скота, Роберт Кромвель редко его посещал, но считал своим христианским долгом посещать старшего брата по большим праздникам и непременно на Пасху и Рождество. Он приезжал в своем простом суконном камзоле и привозил подраставших детей. Вместо богослужений и чтения Библии в эти дни, священные для каждого верующего, в Хинчинбруке устраивали рыцарские турниры и фейерверки, роскошные пиры и охоты. Серебряные блюда и серебряные кубки загромаждали праздничные столы, не переводились французские вина, наряды из шелка и бархата менялись по три, по четыре раза на дню, игрища одно другого бесстыднее сменяли друг друга. Сэр Оливер не переставал улыбаться и осушать кубки с вином под шуточные тосты, произносимые им самим или кем-нибудь из пьяных гостей. Он всё толстел и становился похож на бочонок. Его жирное лицо лоснилось от пота, дряблые щеки тряслись, слова его были отрывисты, пусты, не запоминались ничем. Будущие наследники Хинчинбрука часто потешались над бедным кузенком из Гентингтона и зло шутили над ним. Тогда оскорбленный Оливер пускал в ход кулаки. Они были слишком изнежены, слабы, чтобы справиться с ним, и отступали, бормоча угрозы и хныча. Раза два или три король Яков навещал сэра Оливера в полюбившемся замке. Тогда празднества становились ещё пышней и развязней. Маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками быстро старел, с годами на его желтом лице всё чаще появлялась злая усмешка, его глаза не смеялись. Он и сам по себе был мало приятен, для Оливера Кромвеля он был неприятен вдвойне, ведь этого человечка с большой головой и кривыми тонкими ножками проклинал весь Гентингтон.

Глава вторая

1

Так Оливер Кромвель воспитывался, учился и рос. В семнадцать лет он был юношей несколько выше среднего роста, плечистый и крепкий, с некрасивым, но мужественным лицом. В тот год, когда Томас Бирд, доктор богословия, учитель и проповедник, друг семьи, подарил Роберту Кромвелю свою новую, крайне злободневную книгу, в которой он обрушивался на безбожных папистов и доказывал, как дважды два, что антихрист есть папа римский и, стало быть, другого не надо искать, и таким образом осуждал опрометчивое сближение короля Якова с католической Испанией и католической Францией, пришло время продолжить учение. Роберт Кромвель выбрал Кембридж, в котором сам не учился, но который ставил выше всех английских университетов, как он говаривал в увлечении, вместе взятых. По совету Томаса Бирда, доктора богословия, знакомого с миром английских ученых этого профиля, предпочтение было отдано Сидни-Сассекс-колледжу, самому чистому, самому пуританскому среди всех, по уверению Томаса Бирда.

В день отъезда Оливер поднялся до света. Он сошел вниз. За большим столом его ждал отец. Они молча позавтракали. Обтерев губы салфеткой небеленого полотна, не поднимая глаз, Роберт Кромвель сказал неторопливо, негромко, точно рассуждал сам с собой, только лицо его было строже обычного:

– Древо познания растет не вне, а внутри человека, преобразуя ум и приготавливая его к приобретению знаний, которые не должны быть ни чересчур теоретическими, ни чересчур практическими. Насколько будет подготовлен твой ум, зависит исключительно от тебя самого, от того, какой будет твоя внутренняя жизнь, я лишь надеюсь, что ты не отступишь от благочестия. А что до меня, то я хотел бы видеть тебя человеком практическим, деловым. Познакомься с историей, изучи космографию и математику, это необходимо для того, чтобы познать благословенный порядок, установленный Господом. Главное же, главнейшее в том, что эти науки необходимы для дел общественных, в которых участвовать должен каждый. Борись с ленью, с тщеславием, не гоняйся за удовольствиями, это мать всех пороков.

Они молча вышли во двор, оба крепкие, в одинаковых домотканых камзолах с белым воротником, в высоких шляпах и сапогах. Здесь они обнялись, без слов, без слез, по-мужски. Оливер поднялся в седло и тотчас выехал из ворот. Денег в его кошельке было немного, в переметные сумки поместилось всё его достояние. Молодой жеребец с белым пятном и длинной челкой на лбу бойко шагал по пыльной дороге. Роса уже пала и прибила потемневшую пыль. Ехать было приятно. Иногда для большего удовольствия он переводил жеребца на рысь.

Была середина апреля. Стояла в полном разгаре весна. Он ехал плоской равниной, покрытой изумрудно-зеленой травой. Иногда на равнине возникали холмы, невысокие, точно срезанные и сглаженные чьей-то могучей рукой. То здесь, то там на равнине были разбросаны небогатые фермы арендаторов и богатые фермы свободных крестьян и таких же сельских хозяев, как его отец, как он сам, как десятки горожан Гентингтона. Вблизи ферм паслись отары овец и стада рыжих коров. Это была его Англия. Он любил её просто, без пафоса, без громких обещаний и клятв. Он ехал учиться, чтобы потом ей служить, в должности мирового судьи, как отец, или депутата парламента, если король образумится и снова его созовет.

Двадцать третьего апреля он увидел перед собой странную смесь старинных и новейших строений из красного и белого кирпича. Когда-то на этом месте располагался католический монастырь Серых братьев, с величавым собором поздней английской готики, с обширной трапезной, кельями и кладовыми, в которых монахи держали запасы хлеба, колбас и вина. Повеле-

ние короля Генриха V III монастырь был разрушен Томасом Кромвелем. Нынче от монастыря почти ничего не осталось, даже фундаментов, все-таки сохранившихся от многих монастырей, тоже разрушенных Томасом Кромвелем и его продолжателями после него. На месте собора была разбита лужайка. На лужайке человек десять студентов, здоровых и шумных, гоняли мяч, набитый старым тряпьем. Одна низкая массивная трапезная напоминала о том, что здесь когда-то стоял монастырь, рассадник папизма. Двадцать лет назад устроители колледжа превратили её в домовую церковь, в которой должны были молиться по-протестантски и слушать проповеди студенты.

Оливера провели в кабинет ректора с невысокими узкими окнами. Он вручил немолодому, но молодежавшему человеку в пасторском одеянии рекомендательное письмо от Томаса Бирда. Ректором колледжа был Сэмюэль Уорд, доктор богословия, переводчик Библии на родной английский язык, правоверный из правоверных среди пуритан. Томас Бирд хвалил своего ученика за примерное благочестие, обходя стороной его успехи в учебе. Такой рекомендации было довольно. Оливер Кромвель бы занесен в списки студентов. Ему выдали табель. В таблице он отметил лекции богословия, истории и математики, которые решил посещать, следуя наказу отца. Его поселили в небольшой комнатке с железной кроватью, полкой для книг и столом для письма. В углу помещался комод для белья. Он разложил пожитки и стал учиться.

Устав Сидни-Сассекс-колледжа был самым суровым из всех колледжей Кембриджа, а Кембридж ещё со времен королевы Елизаветы славился на всю Англию как рассадник пуританского духа. Из молодых людей, в него поступавших, колледж готовил будущих проповедников. Молодые люди должны были служить образцом нравственной жизни, а потому им запрещалось отращивать длинные волосы, тем более их завивать, как это вошло в моду среди придворных папистов. По той же причине им запрещалось носить пышные кружевные воротники и короткие бархатные штанишки, какие предписывала придворная мода. Они не имели права посещать бои быков, медвежьих травли и театральные представления, заходить в городские таверны, тем более посещать дома, где содержались девицы легкого поведения, им возбранялось играть в кости, в карты и во все иные азартные игры, изобретенные дьяволом.

Сэмюэль Уорд держал своих воспитанников поистине в ежовых рукавицах. Мало того, что он позволял им шагу ступить и просто-напросто устранял от них полную соблазнов светскую жизнь, он неукоснительно требовал внимания и прилежания. Дисциплина в колледже должна была быть образцовой. Присутствие на проповеди считалось священной обязанностью, а чтобы разного рода ленивцы и разгильдяи не могли ускользнуть от его неумолимого ока, они должны были пересказывать проповеднику в мельчайших подробностях содержание проповеди, на которой присутствовали, так что молодым людям поневоле приходилось ловить каждое слово и застывать наподобие статуи. Стоило проворонить нить рассуждений наставника, стоило хоть в чем-нибудь отступить от предначертанных правил, и преступник подвергался наказанию розгами в присутствии всех остальных.

Само собой разумеется, что профессора Сидни-Сессекс-колледжа на все лады проклинали безбожных папистов. Почти так же мало устраивала их и новая, реформированная, англиканская церковь. Постоянно ощущая нарастающую угрозу гонений, неистовые проповедники пуританства улавливали обостренным чутьем, что церковная организация, какого бы толка она ни была, жестоко подавляет отдельную личность, требует рабского исполнения уставов и предписаний, навязывает свои догмы и частные мнения священнослужителей. Теоретически они уже опровергли англиканскую церковь. Если Господь своим предвечным решением определяет всё наше будущее ещё до рождения, то никакая церковь уже не в состоянии ничего изменить, а её утверждение, будто она служит посредницей между верующим и Господом ложно, как ложны все действия и речи во время богослужения и вся церковная иерархия.

Каждый верующий сам лично обращается к Господу, чтобы уразуметь свое земное предназначение по намекам и знакам, из милости или особого расположения ниспосланным Им.

Следуя этому доводу, пуританские проповедники предлагали заменить церковь обыкновенным собранием верующих, которые сами избирают себе духовного руководителя и пресвитера. Этот избранный самими верующими пресвитер управляет делами общины, настолько несложными, что они по плечу любому из верующих. Понятно, что в таком случае власть епископа теряет свой смысл. Проповедники и пресвитеры данной местности составляют совет-консисторию и совместно решают дела своих общин. Если понадобится, из тех же проповедников и пресвитеров избирается общенациональный синод, который на своих съездах разрешает назревшие проблемы вероисповедания.

Некоторые из пуритан шли ещё дальше. Они угадывали, что в пресвитеры сами верующие станут избирать только самых богатых, ибо земная сила богатства неодолима, богатство застилает глаза своим жирным блеском, подавляет волю своей невидимой властью над умами и душами и покупает чужую волю за деньги, стало быть, не кто иной как богатство станет навязывать свою волю собранию верующих в делах веры, а что там ни говори, богатство исходит от дьявола. Всем известно, что богатство противно воле Христа, ибо легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царствие Небесное. Истинная вера внутри нас, и потому никто не имеет права предписывать веру другому. Каждый верующий и община верующих подвластны только Христу, из чего следует, что верующие сами управляют своей общиной, им принадлежит последний, решающий голос в её духовных делах. В вопросах веры община верующих должна быть независима от любых властей, церковных и светских.

В железных тисках Сэмюэля Уорда юный Оливер учился много прилежней, чем под надзором Томаса Бирда. Конечно, и в Сидни-Сассекс-колледже его не могла удержать никакая узда. Он был слишком норовист, физическая сила, энергия так и переливалась в нем через край. Он и в Кембридже с увлечением практиковался в стрельбе из большого тугого английского лука, не раз решавшего победы англичан в Столетней войне, и с удовольствием скакал на своем молодом жеребце, стоявшем в общей конюшне, примыкающей к колледжу. Его нередко видели за игрой в кегли и в мяч. Он плавал и фехтовал, точно его готовили не в проповедники, а в солдаты.

Он лишь давал выход своим жизненным силам. В солдаты он не готовился, точно так же, как не собирался стать проповедником. Его отец был сельским хозяином, и он тоже должен был стать сельским хозяином, в этом он видел предназначение, определенное свыше. Железные тиски Сэмюэля Уорда имели мало отношения к его прилежанию. Он повзрослел, осознал свое назначение и сознательно отбирал только то, что могло ему пригодиться в городской общине, на пастбищах и в лугах. Он исправно посещал проповеди, у него обнаружилась крепкая память, он хорошо запоминал их содержание, Сэмюэль Уорд был им доволен, но этим и ограничивалось его богословское рвение, в глубины и тонкости вероучения он не вдавался. Зато в математике он стал одним из первых студентов, его в особенности увлекла геометрия, ведь без геометрии нельзя обойтись, когда имеешь дело с землей. Он познакомился с начатками астрономии, без которой в сельских работах тоже не обойтись, но по-прежнему оставался равнодушен к логике и риторике, а его латынь стала немногим лучше, чем была в гентингтонской начальной школе. Чтобы приготовить себя для общественных дел, о чем напоминал ему перед отъездом отец, он увлекся историей, и величие и разнообразие событий, потрясавших греков и римлян, производили на него такое сильное впечатление, что он ушел в нее с головой. Ему попала в руки «Всемирная история», составленная Уолтером Рэли, в которой старый адмирал и пират, славный дерзкими налетами на колонии испанцев в Америке, каждому историческому событию старательно подбирал соответствие в Библии. Он основательно проштудировал и полюбил эту книгу, найдя в ней не разрозненные отрывки, как всякий раз отчего-то получалось на лекциях по истории, а связующую нить, которая придавала историческим событиям осмысленную цельность.

Его ум явным образом пробуждался для серьезных занятий, но так и не успел пробудиться для них. В Сидни-Сассекс-колледже ему суждено было провести только год. Мать вызвала его в Гентингтон: внезапно скончался отец. Не успел Оливер возвратиться домой, как умер отец Элизабет, его дед. Он становился главой семьи, хозяином дома, хозяином коров и овец. На его юные плечи ложились заботы о матери и о сестрах. Слава Богу, старшая из них уже вышла замуж, но самой младшей было только шесть лет. Предназначение свыше обозначилось само собой: не труды проповедника, не уже увлекавшее его поприще светских наук предстояли ему, он должен был пасти коров и овец, продавать мясо и шерсть и кормить большую семью.

Без сожаления склонил Оливер голову под указующий перст Провидения. Как прежде отец, он отныне поднимался со светом, затракал ломтем хлеба и молоком, садился верхом на своего любимого повзрослевшего жеребца с белым пятном и длинной челкой на лбу, объездал пастбища и луга, своим усердием удивляя соседей, которые помнили его непоседой, забиякой и драчуном, возвращался с вечерними сумерками, ужинал вместе со всеми за большим, от времени потемневшим столом и читал Библию воскресными вечерами. Сын заместил отца, и это также было предназначено свыше.

Король Яков смотрел на дело иначе. Оливеру шел девятнадцатый год, а по королевским законам совершеннолетие наступало в двадцать один. Только в двадцать один год он имел право вступить во владение отцовским наследством, до этого в собственном доме он не являлся хозяином. Его дому, его коровам, его овцам, пастбищам и лугам угрожала опека. Опека означала только одно: владельцем его достояния становился король, его сюзерен, и в качестве сюзерена король мог делать с ним всё, что хотел. А чего мог хотеть король Яков, казна которого была вечно пуста? Король Яков хотеть мог только денег и денег, Чтобы получить как можно больше денег с опеки, чиновники короля придумывали всевозможные штрафы, платежи и повинности, и когда Оливер наконец достигнет двадцати одного года и уплатить пошлину за право наследования, ему, скорее всего, не за что и нечем будет платить: своей ненасытностью королевские чиновники далеко превосходили голодных волков.

По счастью, Роберт Кромвель некоторое время служил мировым судьей по выбору горожан Гентингтона и не понаслышке знал об ужасах королевской опеки. Предчувствуя близкую смерть, умный хозяин, он до совершеннолетия сына завещал всё свое движимое и недвижимое имущество своей верной жене Элизабет Кромвель, в девичестве Стюард. Конечно, столь изощренная изворотливость его подданного очень не понравилась королю Якову. Решительно не согласное с королевскими интересами завещание королевскими чиновниками было оспорено в королевском суде. Чтобы Элизабет Кромвель, в девичестве Стюард, могла ступить в права наследства, ей, по мнению королевских чиновников, следовало заплатить выкуп королю, который, как-никак, был также и её сюзереном, а сумма выкупа называлась такая, что в права наследства не стоило и вступать, проще было всё движимое и недвижимое имущество передать без суда королю или сжечь.

Всем известно, что чиновники падки на мзду, и мзда была дана, на что ушла некоторая часть небольших сбережений Роберта Кромвеля, который не был расточителен, подобно старшему брату: сэра Оливер к тому времени не только прожил в пирах и забавах родительское достояние, но и запутался в неоплатных долгах. К делу о наследстве привлечена была также родня, которая имела влияние и в Гентингтоне, и в Кембридже, и в Лондоне, главным образом в среде торговцев и сукноделов, то да сё поставлявших двору, были приглашены хорошие адвокаты, и общими усилиями удалось доказать, что раз Роберт Кромвель наследовал свое имущество от Генриха Кромвеля и уже уплатил выкуп в казну короля, то никакой сюзерен не обладает правом получать выкуп за одно и то же имущество дважды. Нетрудно заметить, что была допущена явная юридическая натяжка, поскольку сюзерен имеет право на выкуп при

каждой смене владельца, однако королевские судьи, убежденные мздой, признали этот довод вполне обоснованным, и вдова Элизабет Кромвель вступила в права наследства без выкупа.

Без сомнения, судебное разбирательство тоже было указанием свыше. В день совершеннолетия Оливера король вновь предъявит свои права сюзерена, и дело о наследстве вновь дойдет до суда, и мало ли судов предстоит в жизни тому, кто владеет движимым и в особенности недвижимым, хоть и довольно средних размеров имуществом, недаром же говорят: кто с землей, тот с войной. Оливер не мог не понять этого указания так, что ему надлежит изучить те законы и те юридические науки, которые понадобятся ему для защиты своих прав и в день совершеннолетия и впоследствии, во время неизбежных столкновений с королевскими чиновниками и с владельцами соседних участков земли. Другими словами, ему было необходимо учиться, но теперь уже не в Кембридже, не в Сидни-Сассекс-колледже у Сэмюэля Уорда, который пытался сделать из него проповедника, а в Лондоне, в Линкольн-Инн, на судебном подворье, где обучаются и проходят судебную практику будущие юристы. Что ж, так должно быть, если это необходимо. Пришлось вновь седлать своего жеребца, набивать пожитками переметные сумки и отправляться в путь, а хозяйство пока что придется вести маме Элизабет, всё равно, пока он не вступит в права наследства, он не может заключить никакой сделки, не может шагу ступить.

2

Лондон с первого взгляда стал ему неприятен. Громадный сумрачный королевский дворец, громадные неприветливые дворцы кавалеров, рядом с которыми замок дяди Оливера в Хинчинбруке представлялся скромным жилищем, а его собственный дом в Гентингтоне выглядел чуть не курятником, роскошь нарядов, роскошь карет, драгоценные кружева, редкие перья на шляпах вельмож, разодетые слуги, разодетые кучера, рядом с которыми он, сельский хозяин, выглядел нищим, расточительство на каждом шагу, противное заповедям Христа, непереносимое для человека истинной веры, а к этому времени Оливер Кромвель был с головы до ног пуританин.

Слава Богу, в этом бесовском вертепе он не был оставлен судьбой. В Лондоне у него оказалась многочисленная родня. Одна из его теток была замужем за Баррингтоном, другая была женой Гемпдена, третья оказалась замужем за Уолли. В ближнем и дальнем родстве он состоял с Сент-Джонами, с Гоффе, с Хеммондами, с Инголдсби и кое с кем из богатых и влиятельных людей в лондонском Сити. В этих домах он принят был как родной. Его окружили его сверстники, двоюродные, троюродные братья и сестры. На Судебном подворье он бывал вместе с Оливером Сент-Джоном, который был всего на год старше его. Оливер Сент-Джон познакомил его с Дензилом Холлзом, с Эдмунтом Уоллером, с Артуром Гезлригом, с Томасом Ферфаксом, тоже студентами, учеными-книжниками, будущими юристами. Он близко ни с кем не сошелся: по натуре он был нелюдим. Молодые люди хоть и приняли его в свой тесный круг, но тоже близко с ним не сходились. Всё же они были товарищи, они знакомили родню из провинции с жизнью столицы, от них он узнавал последние новости, они разжигали в душе его дух недовольства, живший в ней с детских лет, когда он слушал сетования отца на глупости нового короля и проповеди Томаса Бирда, который не уставал повторять, что добрые государи случаются до крайности редко во все времена, что даже величайшие, могущественнейшие из них не избавлены от карающей десницы Всевышнего и что они должны быть подчинены гражданским законам точно так, как и последний из подданных.

Казалось, королем Яковом был недоволен весь лондонский Сити. Причина и предмет недовольства были для всех очевидны. Как ни тщился маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками, уже получивший оскорбительное имя Вонючки, наполнить казну, торгуя решительно всем, что удавалось и даже не удавалось продать. Он продавал титулы

рыцаря и баронета и принуждал торговых людей покупать эти титулы, ни для чего не нужные им. Он взваливал на мастерские ремесленников разного рода контроль, считая своим долгом определять сроки ученичества подмастерьев, и размер заработной платы, и добротность сукна, вывозимого за рубеж, и требовал за свое непрошеное усердие неумеренную оплату. Ему не помогало ничто: казна не только не наполнялась, но становилась год от года бедней. За пятнадцать лет, прошедшие с несчастного дня его коронации, государственный долг вырос в три раза и перевалил за два миллиона, потери же сельских хозяев, владельцев сукновален и других мастерских, в особенности потери торговых людей были неисчислимы. Главным же бедствием для всех тех, кто своими трудами наращивал богатство страны, все-таки растущие несмотря ни на что, была продажа патентов на монополию: без сомнения, монополия обогащала владельца патента, однако разоряла всех тех, кому не досталось этой королевской бумажки, ведь бумажка на этот вид деятельности продавалась только одна.

Самые громкие речи, направленные против грабительских выходок маленького человека с большой головой и кривыми тонкими ножками, Оливер слышал в доме тетки, вышедшей замуж за Гемпдена. Джон Гемпден, молодой человек двадцати пяти лет, успевший выдвинуться в лидеры парламентской оппозиции, с бледным высоким лбом, с хищным носом на узком лице, с тонким маленьким ртом, с презрительно выпяченной нижней губой, тонким голосом, привычно, четко перечислял:

– Мы обязаны жить в доме, построенном из кирпича, который продан нам монополией, окна этого дома должны быть застеклены монопольным стеклом, наш дом должен отапливаться монопольным углем, который горит в монопольном камине, мы спим в монопольной постели, расчесываем волосы монопольными щетками и монопольными гребнями, мы носим монопольное белье, монопольные ремни, застегиваемся на монопольные пуговицы, закалываемся монопольными булавками, едим монопольное масло, монопольную селедку, приправляем свою пищу монопольной солью, монопольным перцем и монопольным уксусом, мы пьем монопольное вино из монопольных бокалов, мы пьем монопольное пиво, приготовленное из монопольного хмеля, хранившееся в монопольных бочках и продаваемое в монопольных пивных, мы в монопольных трубках курим монопольный табак, пишем монопольными перьями на монопольной бумаге, при свете монопольных ламп читаем сквозь монопольные очки монопольную Библию, мы ловим мышей в монопольные мышеловки и заверяем свои завещания у нотариуса-монополиста. В сущности, только продажа хлеба не стала ещё монополией. Это большое упущение со стороны короля. Мы платим штрафы за то, что у нас нет монополии. Мы даем взятки министрам, придворным, секретарям, чтобы купить монополию, а когда нам удастся за взятку приобрести патент на монополию, мы должны взять министра, придворного, секретаря в долю, выделить ему пай и выплачивать ему часть своего дохода. Мы должны платить даже за то, что чуть не каждый день нас досматривают налоговые агенты и проверяют, не нарушаем ли мы монополию. С того дня, как был распущен парламент, королем продано около семи сот патентов на монополию. Разве они обогатили его? Общим счетом продажа патентов на монополию принесла ему около ста тысяч фунтов стерлингов, зато владельцы патентов, взвинтив цены, положили в свой карман приблизительно полтора миллиона. Попросту говоря, у нас эти деньги украли.

Недовольство перерастало в негодование, как только под руку подворачивался испанский посол. Все знали, что в Испании не оставляли преступных замыслов возвратить будто бы заблудшую Англию в лоно римской католической церкви и что Испания различными средствами препятствовала английской торговле и английскому мореплаванью. Вопреки соглашению, испанские суды никак не защищали интересы английских торговцев и капитанов, а на предложение создать особый, апелляционный суд Испания неизменно отвечала отказом, английские консульства не открывались, продолжался досмотр английских судов. Все ждали, что король Яков защитит интересы английской торговли и не допустит, чтобы испанский посол

вмешивался во внутренние дела королевства. Ничуть не бывало. Ожидания очень скоро были рассеяны самим королем. Тот, кто считался и сам себя величал королем англичан, очень скоро сделал испанского посла Диего Сармиенто графа Гондомару не только своим близким другом, но и советником по всем делам управления и внешней политики, чего не может быть и не должно быть ни в каком независимом государстве, тем более не может быть и не должно быть с иноземным послом, который представляет недружественную державу.

Граф Гондомара был яростным сторонником и одним из вождей возобновления истребительной войны с протестантством и возвращения всей Европы в лоно римской католической церкви, уже пролившей реки протестантской крови и в Германии, и во Фландрии, и во Франции. Предполагалось, что новая истребительная война вновь подчинит голландских мятежников их законному, то есть испанскому королю, лишит французских гугенотов политического влияния, подчинит австрийским Габсбургам немецких протестантских князей, в протестантской Швеции возведет на престол верного католика польского короля, возродит католичество в Англии и составит из католиков такой парламент, который станет беспрекословно исполнять любые пожелания короля. Таким образом в Европе должен возникнуть новый порядок, который будет поддерживаться железной рукой испанских и австрийских Габсбургов.

Не успели предприниматели и денежные воротилы лондонского Сити глазом моргнуть, как испанский посол овладел всеми помыслами маленького человека с большой головой и кривыми тонкими ножками. Граф Гондомара с благосклонным вниманием выслушивал его слезливые жалобы на несговорчивость представителей нации, соглашался, что если парламент и представляет собой большое тело страны, то без полного и беспрекословного повиновения королю это тело остается без головы, поддакивал, что так называемые прения в палате общин не что иное, как беспорядочные крики, бессмысленные возгласы и хулиганский шум, и вполне одобрял его убеждение, что раз он король, то ему принадлежит неотъемлемое право созывать и распускать это чудовищное учреждение по своему усмотрению или даже капризу.

Главное же, граф Гондомара внушил маленькому человеку с большой головой и кривыми тонкими ножками неосторожную мысль, будто одни католики способны составить непоколебимую опору английского трона, Дальнейшее уже не составляло труда. По его настоянию король Яков не только с каждым годом всё теснее сближался с Испанией, тем самым предавая английские интересы, но и освободил прежде арестованных за подрывную деятельность иезуитов и служителей католической церкви, он разрешил им выехать на континент или оставаться в стране. Понадобилось немного времени, чтобы испанский посол стал смещать и назначать английских министров. Из правительства шаг за шагом удаляли все те, кто был правоверным сторонником англиканства и один за другим назначались католики или те, кто сочувствовал им. Вокруг короля усилиями Гондомары создавалась испанская партия, которая готовилась начать наступление на английских протестантов, в особенности на пуритан.

Родственники Оливера, которых он посещал, были растеряны. Джон Гемпден вопрошал, растерянно улыбаясь:

– Как это стряслось, что в правительстве, в королевском совете, в армии, в казначействе, в портах, в адмиралтействе главные должности оказались в руках людей, которых держит в руках испанский посол? Поразительно, но они служат испанскому послу даже тогда, когда это противоречит намерениям самого короля!

Масла в огонь подливали действия испанского флота. Каждый день приходили известия, что ещё один английский корабль, идущий в Вест-Индию, остановлен испанскими капитанами по обвинению в пиратстве и контрабанде, осмотрен или задержан, а товары захвачены, причем английских моряков принуждают покидать свои корабли и служить испанскому флагу. Брожение в лондонском Сити усиливалось. Растерянные владельцы кораблей и торговые люди с недоумением вопрошали друг друга, с каких это пор испанцы установили свой суверенитет над всеми морями, а самые сведущие припоминали, что назад тому лет сто римский папа

своей буллой поделил весь земной шар между католической Испанией и католической Португалией. Натурально, во всех бедах винили католиков, прежде всего ненавистного испанского посла Гондомару. Стоило его карете появиться на лондонских улицах, как ей вслед раздавались возмущенные крики. Возмущение заходило так далеко, что граф Гондомара пожаловался маленькому человеку с большой головой и кривыми тонкими ножками на недостойное поведение его скверно воспитанных подданных, и королевский Тайный совет обратился с письмом к лорду-мэру, в котором потребовал, чтобы предприниматели и торговые люди относились к испанскому послу в полном соответствии с дружеским отношением английского короля к испанскому королю.

Угадывалось по всему, что католическая Испания перешла в наступление. Война уже вспыхнула, правда, пока что на другом конце континента. Австрийские Габсбурги, поддержанные испанскими Габсбургами, усилили в Чехии гонения на протестантов, права которых всего несколько лет назад были гарантированы так называемой императорской Грамотой величества. Страсти накалились мгновенно. Вооруженная толпа ворвалась в королевский дворец Пражского Града. Нескольких ставленников австрийского императора в чешском правительстве поймали и вышвырнули в окно. Правда, жертвы насилия каким-то чудом, свалившись с восемнадцатиметровой высоты, остались живы, однако восстание за независимость началось, чешский сейм избрал новое, национальное правительство, были изгнаны отовсюду иезуиты, вооруженные силы были приведены в боевую готовность, начались переговоры с соседними, тоже поработанными славянскими землями о создании независимой федерации. Не дожидаясь, пока соседи ответят согласием, пользуясь замешательством в стане противника, чешская армия, поддержанная отрядом добровольцев из Трансильвании, двинулась к Вене и нанесла несколько чувствительных поражений растерявшимся австрийским войскам. Воодушевленный победами, чешский сейм провозгласил своим королем протестанта, курфюрста пфальцского Фридриха, не только главу Евангелической лиги, но и зятя английского короля, рассчитывая на широкую поддержку со стороны всех протестантских держав.

Расчеты повстанцев оказались ошибочными. В Лондоне вскоре стало известно письмо, направленное десятого октября 1618 года лордом Бекингемом, фаворитом и первым министром маленького человека с большой головой и кривыми тонкими ножками. Письмо было адресовано испанскому послу Гондомару. В письме говорилось:

«Его величество обещал сделать всё, что он может и что в его власти, и закончить дело мирно и спокойно, если богемцы захотят его слушать и пожелают следовать его совету. С другой стороны, если он найдет, что богемцы упорствуют и твердо держатся своего, он будет просить своего зятя и других князей Германской унии не давать им никакой помощи и поддержки».

Восставшая Чехия не в состоянии была следовать его советам и наставлениям, даже если бы этого захотела. Против малочисленного народа, с бою взявшего свою независимость, в злобе ожесточения ополчилась вся католическая Европа. В казну австрийского императора хлынул поток денег от римского папы и от Католической лиги, во главе которой утвердился баварский курфюрст Максимилиан. На эти деньги австрийский император нанимал войска. На помощь ему шли войска из Испании, Свою помощь обещал ему польский король. Чешские протестанты ждали ощутимой помощи единоверцев, однако их помощь оказалась ничтожной. Английский король ограничился советами и наставлениями. Его зять Фридрих не имел средств, чтобы наберечь достаточное количество наемных солдат, а бесплатно за веру никто из протестантов воевать не хотел. Несколько германских князей из Евангелической унии спешно набрали в северных территориях рейтар и ландскнехтов, имевших опыт войны, и выступили на помощь чешским повстанцам. Если бы им удалось соединиться с отрядами нового чешского короля, они могли бы достаточно долго сопротивляться католическим армиям: немецкие солдаты уже

прославились во всей Европе отличной подготовкой, выносливостью и склонностью к опустошительным грабёжам, которая делала ожесточенным и напористым их наступление.

Однако им не суждено было отличиться на этой войне. Трусливый пфальцский курфюрст Фридрих, внезапно превратившийся в чешского короля, был крайне напуган одними слухами о многочисленности католических войск. Он заранее пошел на такие уступки Католической лиге, которые вели и в конце концов привели его к поражению. Надеясь задобрить уже оштрафованного врага, он согласился вести военные действия только в пределах крохотного своего королевства и своих немногих славянских союзников, и ни в коем случае не переносить их в германские княжества. Трудно сказать, соображал ли он что-нибудь в тот день, когда принимал это губительное, прямо самоубийственное решение. Он собственной волей разъединил протестантские силы. В соответствии с этим решением отряды германских князей из Евангелической унии не имели права соединиться с его слабой, малочисленной армией. Его ошарашенные советники предлагали поднять чешских горожан и крестьян, славных потомков протестантского вождя Яна Гуса и его героического сподвижника Яна Жижки, вооружить их и создать большую, боеспособную армию. Это предложение королю Фридриху показалось химерой. Он полагал, что времена Гуса и Жижки давно миновали и что мирным горожанам и землепашцам не одолеть профессиональных солдат.

Решающее сражение произошло у Белой Горы. Чешские повстанцы были наголову разбиты. Католические отряды растеклись по Чехии и Моравии как саранча. Следом за ними шли иезуиты и суды инквизиции. Они хватили всех, кто ещё пытался сопротивляться. Пленных и арестованных подвергали изощренным пыткам и казням. Чешские святыни, напоминавшие о легендарных подвигах Гуса и Жижки, были осквернены. Богослужение в духе Мартина Лютера было запрещено. Восстанавливались католические монастыри. Лютеране бежали на север Германии, других изгоняли насильно. Земли казненных и изгнанных передавались местным и пришлым католикам. Чешское ремесло и торговля были подорваны. Чехия была унижена и стремительно погружалась в нищету. Чешским королем стал Фердинанд Габсбург. Испанские войска овладели Нижним Пфальцем. Фридрих, кузнец собственного несчастья, лишился не только чешской короны, но и собственных пфальцских владений. Евангелическая уния вскоре распалась.

Почтенными людьми, с которыми успел познакомиться Оливер, овладевало отчаяние. В родственных домах его всё чаще встречали растерянные взгляды, тревожные лица, отрывочные, несвязные речи. Без исключения все пуритане, все предприниматели и воротилы из Сити, парламентские ораторы и владельцы земель понимали, что маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками, ставший их королем, вел Англию не только к позору, который после бесславного поражения его зятя Фридриха стал очевиден, но и к таким же беспощадным гонениям на протестантов, к такому же хищному переделу земель, известия о которых с необыкновенной скоростью достигали английского берега, проникали в самые отдаленные уголки королевства и, обнадеживая и радуя тайных и явных католиков, приводили в замешательство протестантское население. Замешательство парализовало и самые дерзкие, самые находчивые умы. Никто не мог толком сказать, можно ли что-нибудь предпринять, какими средствами отвлечь грядущие бедствия, которые многим представлялись неотвратимыми. В семействах Гемпденов, Баррингтонов, Гоффе, Сент-Джонов, Уоллеров, Хаммондов время от времени зарождалась в испуганных душах и осторожно выступала наружу пока что робкая, неопределенная мысль: надо бежать! Но куда? Самые богатые соблазнились, хотя бы на время, переправиться в Гамбург, где с некоторых пор обосновалась английская «Компания купцов-авантюристов», превратившая этот было заглохший ганзейский город в оживленный торговый порт, однако их останавливала опасность, грозившая и Гамбургу, и Любеку, и всей северной протестантской Германии со стороны воинственной Католической лиги. Самые дерзкие предпочитали навсегда переселиться в Америку, где на восточном побережье уже завелись

крохотные английские поселения, однако и самыми дерзкими овладевала робость, когда они представляли себе те нетронутые, может быть, погибельные места и постоянные набеги краснокожих индейцев.

У Оливера оставалось довольно много свободного времени. Его наклонности обозначились окончательно. Он мало интересовался отвлеченными, теоретическими науками. Его ум приобретал всё более и более практический склад. На лекциях в Линкольн-Инне он усваивал только то, что могло и должно было пригодиться ему, когда он вернется домой, получит в наследство земли и хозяйство отца и столкнется с той массой будничных, мелких проблем, которые изо дня в день придется решать самому, не прибегая к помощи адвокатов, во-первых, не существующих в его захолустье, а во-вторых, слишком для него дорогих. По этой причине он основательно познакомился с английским законодательством, тогда как римское право и юриспруденция как таковая оставили его вполне равнодушным.

Странные склонности маленького человека с большой головой и кривыми тонкими ножками, которого он видел раза два или три в Хинчинбруке, и по его вине всё более очевидное, более наглое оживление английских католиков, особенно иезуитов, было дело другое. Возвращение католиков означало возвращение монастырей, возвращение монастырских земель и неистовое, может быть, кровопролитное искоренение истинной веры, а он был пуританин и владел бывшими монастырскими землями, и уж тогда никто не посмотрит, что эти земли его дед, и его отец, и он сам получил по наследству: известия из Чехии о кровавой резне и насильственной перемене владельцев на этот счет не оставляли сомнений ни его родне, ни ему самому.

Он был не из пугливых, и в случае необходимости был готов за себя постоять, разумеется, за себя одного. О судьбе Англии он мало думал. Он только видел, пристально наблюдая, как пала Чехия, как черная католическая чума расползлась всё дальше и дальше на север и запад, так что на стороне протестантов оставались только разрозненные отряды графа Мансфельда. Ему нетрудно было предвидеть, что удачливому полководцу Тилли понадобится немного труда, чтобы загнать куда-нибудь в угол и перебить эту горстку отчаявшихся бойцов. Тогда вся Европа, ставшая вновь католической, если не произойдет чуда, обрушится на протестантскую Англию. В таком случае Англии не устоять. Тогда у него отнимут его достояние, а у него на руках стареющая мать и пятеро малолетних сестер. Чем он их станет кормить?

С той поры его прельстила мысль переселиться в Америку. Америка манила его: казалось, там всё было возможно, туда его звало дело, которое было бы ему по плечу, там его семейство было бы обеспечено, он верил в себя, может быть, эта мысль была знаком ему, его таинственная звезда, он уже ощущал, что только бескрайний простор удовлетворил бы его. С разочарованием слушал он путанные речи в знакомых домах. С удовольствием проводил он часы на берегу Темзы, вниз по течению, где громоздились причалы, склады товаров, конторы известных торговых компаний, сомнительные толчки, на которых темные личности нанимали матросов и грузчиков, таверны с азартными играми в кости и карты, притоны грязных девиц, шхуны и бриги с высокими мачтами, свернутыми парусами и густой паутиной снастей. Он любил наблюдать, как эти шхуны и бриги снимались с якорей, поднимали на носу косою парус, осторожно, медленно словно бы крались свинцовыми водами Темзы к выходу в море, уже там поднимали все паруса и, как белые призраки, уходили к невидимой цели, полагаясь только на Бога и компас.

Утомленный, он входил в одну из грязных таверн, присаживался к замызганному столу и заказывал себе кружку пива. Вокруг него бесновались, кричали хриплыми голосами, курили крепкий испанский табак, пили пиво и ром, дрались, выхватывали кривые ножи или матросские кортики, бесстрашно, беспечно проливали кровь, свою и чужую, падали мертвыми, вытаскивали за ноги трупы и бросали на пустыре или в Темзу, и до того иной раз кипели неукротиво-

мые страсти, что и он обнажал свою шпагу и, спасая жизнь, наносил удары плашмя или жалил противника её острием.

Крики, драки и кровь не смущали его. Он с куда большим удовольствием посещал эти места, чем юридический факультет, и, без сомнения, приобретал в этих притонах преступления и разврата куда более разносторонние и полезные знания, чем в Линкольн-Инне и на Судебном подворье. Он слышал фантастические рассказы о дальних походах, о смелых налетах на испанские порты и корабли, о стычках с индейцами и узнавал, что в Карибском море, на побережье, на островах, на всех океанских дорогах промышляют пираты, голландские, французские и английские, грабят испанские галеоны, везущие золото и серебро, грабят друг друга, занимаются контрабандой, торгуют рабами, с одинаковым безразличием обращая в рабство и черных, и красных, и белых. Он слышал не менее фантастические рассказы о поселенцах, которые ставили деревянную крепость, которая защищала их от индейцев, чьи земли они захватили, вырубали девственный лес, охотились, пасли скот и сеяли хлеб, в тех неведомых землях зарождались какие-то новые, ещё не понятные, несколько странные отношения. Там грабили и убивали, там грабежом и разбоем создавались громадные состояния, там возделывали земли, прежде не знавшие пашни, и жили так, как хотели, не спрашивая согласия или несогласия своего короля. Однажды будущие поселенцы, именовавшие себя пилигримами, собрались на «Майском цветке», отплывавшем в Америку, и составили договор, в котором постановили и торжественно поклялись, что по своему усмотрению станут учреждать законы и органы власти в своем поселении. Во главе пилигримов шли проповедники-пуритане. В тех языческих, стало быть, диких местах никто не стеснял, не преследовал истинной веры. Напротив, там люди истинной веры неустанно сражались с язычниками и где примером нравственной жизни, где убеждением, где огнем пушек обращали их в христианство, чем спасали их заблудшие, непросвещенные души.

Он видел толпы желающих переселиться в Америку. Они были обездолены, гонимы и нищи. Больше всего среди них было крестьян-арендаторов, Огораживания, начатые полтора века назад, продолжались. В Англии становилось невыгодно сеять хлеб и выращивать скот. Ощутимые доходы владельцам земли давали только овцы и шерсть. Для овец нужны были пастбища и луга, и будущий овцевод, едва дождавшись окончания арендного договора, сгонял арендатора с его участка земли, чтобы обратить пашню в пастбище и сенокос. Арендатор с семьей, внезапно потеряв всё, что имел, становился свободным, как ветер, но идти ему было некуда. Обездоленные, они бродили в поисках работы и пищи. К ним присоединялись безработные ткачи и суконщики, ставшие жертвой монополий и спада в английской торговле. Они превращались в бродяг, а бродяг ждал кнут палача или виселица. Они собирались на побережье, скрывались от полиции и жаждали поскорее переселиться в Америку, но у них не было денег, чтобы заплатить за место на корабле. Тогда им помогали уехать общины пуритан, собиравших для пилигримов пожертвования.

Однако Оливеру уехать было не суждено. Провидение распорядилось иначе. Совершенное уже наступило. Пришла пора утверждаться в праве наследника, без чего всё равно нельзя было ничего предпринять, ведь на переезд и обустройство в Америке нужны были деньги. Провидение явило свой знак через теток. Тетки пошушукались, посоветовались и постановили, что для племянника настала золотая пора обзаводиться семьей, нельзя же здоровому крепкому парню обходиться без женщины, долго ли до греха. У тетки Гемпден имелись владения в Эссексе. Её соседом был торговец из Тауэр-Хилла рыцарь Бушье, человек состоятельный и почтенный. Дочь Бушье давно засиделась в невестах: Элизабет шел двадцать четвертый год. Эта вторая Элизабет в семье Кромвелей была точной копией матери Оливера. Она была воспитана в духе строжайшей пуританской морали, решительно во всем полагалась на Бога, была покорна родителям, любила добро и сама была добродетельна в той высшей степени, какой отличались все пуритане, так же, как та, редко выходила из дома и никогда не сидела без дела. К

тому же она была привлекательна, её высокий лоб, излучавший невинность, обрамляли пышные светлые волосы, широко расставленные прозрачные огромные глаза лучились юмором и умом, на её губах нередко появлялась насмешливая полуулыбка, тогда на её здоровых свежих щеках появлялись милые ямочки. Её добродетели и приятная внешность дополнялись солидным приданым, и если она долго не выходила замуж, то единственно оттого, что папаша Бушье искал для нее подходящего жениха.

После непродолжительных закулисных переговоров Оливер был представлен папаше Бушье. На этот раз разборчивый отец нашел жениха достойным руки своей дочери, в порочной жизни он не был замечен, его добродетели были признаны безукоризненными, его состояние было хоть и не очень большим, однако вполне достаточным для того, чтобы горячо любимая дочь не нуждалась ни в чем. Двадцать второго августа 1620 года жених и невеста обвенчались в церкви святого Джайлса на Криппос-гейт, вблизи дома Бушье. Живя в Лондоне, часто бывая в домах богатых людей, Оливер так и не приобрел ни расшитого бархатного камзола, ни плюевого воротника, ни перьев на шляпу, и торжество, по обычаю пуритан, было скромным. Вскоре молодожены покинули Лондон, и Оливер возвратился в родной Гентингтон.

Глава третья

1

Он возвратился с женой. В старом тесноватом доме отца появились две женщины. Человек семейный, привязанный к доброй добродетельной матери, он спрашивал себя, как-то старая Элизабет уживется с молодой и не станет ли молодая Элизабет относиться пренебрежительно к ней, почувствовав себя в доме хозяйкой. Одинаково воспитанные в строгом духе христианской морали, обе женщины легко и просто поладили между собой. Такая же добродетельная и добрая, спокойная и уступчивая, деловитая и неболтливая, как и старая, молодая Элизабет взяла на себя все заботы и хлопоты о домашнем хозяйстве, а старая, рано поседевшая Элизабет без упреков и возражений отошла в сторону и занялась воспитанием подрастающих дочерей в том же духе строгой христианской морали, в каком воспитала её, в свою очередь, добродетельная и добрая мать. Рождение внука, названного в память о дедушке Робертом, окончательно их примирило. Молодая Элизабет часто рожала, старая Элизабет принимала на руки нового внука или новую внучку, и чем больше разрасталась семья, тем она становилась дружнее.

Оливер оказался необыкновенным отцом. Он был нежен с детьми, он был привязан к ним так, что готов был отдать им всё, что имел. Он оказался таким же верным и преданным мужем. Элизабет любила его той непритязательной кроткой любовью, от которой таяло и замирало его беспокойное сердце и его сильные, не находившие выхода страсти рядом с ней утихали хотя бы на время. Глядя на её заботливое сосредоточенное лицо, отвечая на её быструю нечаянную полуулыбку, он с каждым годом чаще, уверенней думал о том, что нет у него на свете существа дороже и ближе милой Элизабет, скорее всего, дороже и ближе, чем мать.

На самом деле этот счастливейший человек был глубоко несчастен и не находил себе места. Он с утра до вечера не покладал рук, бился как рыба об лед, бывал на пастбище и на покосе, следил за каждым шагом наемных рабочих, а его дела шли вполовину хуже, чем у отца, и с каждым днем всё ухудшались. Конечно, наследство он получил небольшое: пахотный надел под зерно, пастбище не более десятины и лугов около двух десятин. Он выращивал хлеб, у него было дойное стадо и отара овец. Всё было, как у отца, однако у отца в доме было прочный достаток, а у него концы едва сходились с концами, и если принять во внимание, что его семья беспрестанно росла, ему грозила неприятная бедность.

Он старался и мог бы себя оправдать. Случались неурожайные годы, медленно, но неуклонно понижались цены на мясо, на хлеб, англичан с внешних рынков всюду вытесняли испанцы, голландцы, французы, с победой Католической лиги были потеряны и восточные рынки, правительство короля запретило вывозить необработанное сукно, надеясь высоким качеством вернуть стране рынки, однако деревенские прядильщики и ткачи в своем мастерстве далеко отставали от европейцев, к тому же они не имели красителей, которые европейцы, в особенности испанцы везли из колоний, производство сукна сразу упало, спрос на шерсть сократился, у многих, не у него одного, доходы катились стремительно вниз. Отец не ограничивался своим скромным владением. Имея большие доходы, он арендовал соседские и общинные земли и благодаря этому упрочивал свое состояние. Оливер зарабатывал мало, аренды ему были не по карману. Он представить не мог, что предпринять.

Это было злое указание, ибо избран лишь тот, кто успешен в делах. Оливер впал в беспокойство. Он мало ел, мало спал, много думал, разъезжая верхом по делам и ночами, когда вдруг просыпался и нередко уже не в состоянии был уснуть до утра. Тогда он тупо глядел в немой, невидимый потолок и с раздражением слушал ровное дыхание Элизабет. От непри-

вычки и несклонности к размышлению его мысли разбегались и своей неопределенностью ещё больше пугали его. Будущее представлялось глухим и бездомным. Вновь единственным выходом представлялось переселение на американские обильные вольные земли, со своими законами, со своей истинной верой, которую там никто не стеснял. Он верил, что там, на просторе, не стесненный никем, он развернется, покажет себя, преуспеет в делах, оправдает себя перед Господом, однако препятствия возникали и тут. Эти препятствия едва ли можно было преодолеть. Как он выяснил, слоняясь по лондонским портовым тавернам, место на корабле стоило дорого, а ему надо бы было купить десять мест, если с ним согласятся ехать незамужние сестры и матушка Элизабет, ещё больше денег требовалось на обзаведение в новых, незнакомых, почти безлюдных местах, под вечной угрозой нападения строптивых индейцев. Где ему взять столько денег? Даже если он продаст свою землю и дом, едва ли наберется и половина того, что он насчитывал в бессонные ночи и тревожные, беспросветные дни.

Не видя проку в собственных размышлениях, он всё чаще отлучался из дома. Верхом на своем верном коне он колесил по грязным осенним и зимним дорогам, укрываясь под тяжелым плащом с капюшоном от непрестанных тягучих морозящих дождей. Он навещал друзей и знакомых, вместе с которыми в Сидни-Сассекс-колледже гонял мяч и слушал проповеди Сэмюэля Уорда. Приятели и знакомые были владельцами таких же крохотных пастбищ, покосов и пашен, как он, и, как он, проводя свои дни в неустанных трудах, тоже бились как рыба об лед. Они радовались его появлению, помня его хорошим товарищем. Они подолгу сидели за столом, пили пиво, вспоминали веселые времена своей ранней юности и толковали об урожаях, овцах и ценах, и с кем бы он ни встречался, выходило всегда, что дела идут плохо, что суровая бедность стучится в окно, что нечем становится жить и никому неизвестно, что предпринять.

Несколько раз он побывал в Хинчинбруке. Дядя Оливер всё так же шутил и кутил, но его толстое лицо пожелтело и взгляд с каждым годом становился печальней. Пышный замок ветшал, Хинчинбрук разорялся, дядя жил в долг, лавина долговых расписок и закладных всё нарастала и нарастала и готовилась его раздавить.

Оливер пробовал искать путь спасения в Лондоне, но только больше запутывался и больше мрачнел. Рыцарь Бушье, его тесть, торговец мехами, жаловался на трудные времена. Шведы, голландцы, французы хозяйничали на северном торговом пути и на Балтике, их пираты грабили английские корабли, драгоценные меха из Московии поступали всё реже и становились дороже, а у лордов и кавалеров, главных его покупателей, денег становилось всё меньше. Только те сколачивали громадные состояния, кто содержал пиратов и снаряжал их корабли или занимался контрабандной торговлей, особенно солью, которая становилась ценнее мехов. По мнению печального тестя, Англии была необходима сильная и умная власть, чтобы на всех рынках, на всех торговых путях защищать её интересы либо выгодными союзами, либо силой оружия, а король Яков, похоже, трус и круглый дурак.

У Гемпденов, Баррингтонов, Сент-Джонов и Хэммондов толковали о том же. Для людей мыслящих трезво пример европейских, католических стран слишком был убедителен в том, как необходима сильная власть, Единоличная королевская власть торжествовала в Испании, в королевствах и княжествах Католической Лиги, а в самое последнее время единоличная королевская власть укрепилась во Франции. Результат был налицо. Во всех этих странах единоличная, никем и ничем не ограниченная, не стесненная королевская власть умела служить интересам дворянства и горожан, под сенью её процветали ремесла, процветала торговля, горожане обогащались неслыханно и вместе с ними богатело дворянство. Королевская администрация работала превосходно, обеспечивая строгий порядок, во все времена необходимый для процветания. Королевская армия, большей частью наемная, обеспечивала победы Испании, победы Католической Лиги, а в последнее время и Франции на континенте, на всех морях и в колониях, так что Испания, одержав полную победу над Португалией, нынче владела половиной

известного мира, и куда бы ни направился английский корабль, он всюду бывал атакован двумя или тремя испанцами или французами.

Во всех домах, в которых Оливер бывал как близкий родственник или хороший знакомый, сходились на том, что Англию нельзя относить к семье европейских держав. Её история выпускникам Оксфорда, Кембриджа и Линкольн-Инна представлялась слишком самобытной, своеобразной, слишком во всем не похожей на историю континентальной Европы, в особенности на историю ближайших соседей и неутомимых врагов, в первую очередь, разумеется, на историю Испании или Франции. Они находили, что именно в Англии невозможна единоличная, никем и ничем не ограниченная, не стесняемая королевская власть, которую пытался установить маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками, постоянно указывая на пример испанского и французского королей. В Англии издавна сильная власть устанавливалась только тогда, когда достигалось согласие между королем и парламентом. Старшее поколение отлично помнило счастливое правление королевы Елизаветы и упрекало её только в том, что упрямая девственница так и не пожелала обрести мужа и произвести на свет принца-наследника, на чем безуспешно настаивали министры, не пожелала из страха потерять власть, как только рядом с ней появится соправитель-мужчина. Не будь она так труслива и так упряма, Теперь Англией управлял бы протестантский король, а не плюгавый сынок проклятой папистки, шотландской королевы Марии Стюарт, с которым, как ни старайся, ни о чем договориться нельзя.

В самом деле, сколько бы ни провозглашал себя маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками абсолютным монархом, с какой бы настойчивостью не убеждал его испанский посол Гондомар, что это именно так, без парламента власти у маленького человека с большой головой и кривыми тонкими ножками оказывалось очень немного. Он должен был по всем своим обязательствам и лично хотел помочь пфальцскому курфюрсту Фридриху, протестанту, женатому на его дочери, только что наголову разбитому под Белой Горой и выгнанному из собственных владений войсками Католической Лиги, однако ему нечем было помочь, он не имел армии, не имел денег, чтобы нанять наемных солдат. В его отуманенном Гондомаром уме возник поразительный план воротить протестанту утраченные владения руками католического испанского короля. Он шел на уступки, ради сближения он решил женить своего сына Карла, наследника, на Изабелле, испанской инфанте, яростной католичке, Гондомар усердствовал, переговоры велись, его обнадеживали и уже не просили, а требовали, как всегда приключается со слабым правителем, всё новых и новых уступок.

Нечего делать, семь лет спустя король Яков созвал новый парламент, лишний раз подтвердив непоколебимое мнение большинства, что в Англии никакому королю без парламента не обойтись. Королю нужны были деньги. К его немалому удивлению, представители нации довольно спокойно обсудили плачевное состояние королевской казны, положение Англии, её международные обстоятельства, на которые король особенно напирал, испрашивая согласия ввести новый налог, и вотировали семьсот тысяч фунтов стерлингов. Сумма была поистине чрезвычайная.

Однако маленького человека с большой головой и кривыми тонкими ножками в дальнейшем ожидало глубокое разочарование. Заплатив королю столь серьезные деньги, представители нации нашли справедливым потребовать от него скорейшей и полной отмены всех монополий. Охваченный благородным негодованием, маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками наотрез отказался, а затем отверг почтительную просьбу предать суду тех министров, которые патенты на монополию продавали за взятки. Тогда парламент, пренебрегая мнением упрямого короля, подверг самых наглых монополистов и самых отъявленных взяточников собственному суду, таким образом возвратив себе старинное право, как-то само собой заглохшее при последних Тюдорах. В число обвиняемых попал и королевский канцлер Френсис Бэкон барон Веруламский. Это было уж слишком. Король возражал, ссылаясь

на то, что судить королевских министров имеет право только палата лордов. Однако и с этой стороны его ждал внезапный и сильный удар: палата лордов, ненавидевшая Френсиса Бэкона за его неродовитость, поддержала обвинение, выдвинутое против него палатой общин.

Маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками не успел прийти в себя после такой неслыханной дерзости, а представители нации уже принялись сокрушать его внешнеполитические хитросплетения. В жарких прениях двадцать шестого и двадцать седьмого ноября 1621 года тридцать семь ораторов высказались категорически против внешней политики короля, причем кое-кто из самых решительных представителей нации выступил дважды. Сближение с Испанией отвергалось самым категорическим образом, брак английского принца с испанской инфантой признавался несовместимым с коренными интересами Англии. По мнению многих, с Испанией предстояла война. Джордж Гастингс предлагал без промедления направить в испанские Нидерланды на помощь протестантским повстанцам от двадцати до тридцати тысяч солдат. Его предложение взбудоражило всех. В самых горячих головах возник план морской экспедиции против испанской Вест-Индии, откуда рекой текут несметные богатства Испании, которым куда как приличней течь в английские закрома. В речах ораторов вновь и вновь вспыхивало ярким светом благородное имя нынче боготворимой королевы Елизаветы, которая не страшилась противодействовать претензиям католической Испании установить свою железную власть над всем христианством и давать отпор ненавистному папскому Риму.

Одного упоминания римского папы оказалось достаточно, чтобы разразилась буря протеста. В Англии становится слишком много папистов, испанский посол наглеет день ото дня и вмешивается во внутренние дела королевства. Престарелый Эдуард Кок, юрист, главный королевский судья, объявил, что Англия кишмя кишит внутренними врагами, которых тайно поддерживают испанцы, сокрушался о том, что испанский посол установил тесные связи кое с кем из влиятельных англичан, и с особенным ударением упомянул о троянском коне. Томас Уентворт, будущий граф и министр, пробовал умиротворить представителей нации:

– Король и народ друг от друга не делимы, цель настоящего собрания связать короля и народ теснейшими узами.

Его не хотели слушать. Большинством голосов было принято решение подать петицию королю. Петиция была составлена в несколько дней. Члены комиссии испросили аудиенцию. Король согласился принять депутацию третьего декабря. Иронически улыбаясь, он приказал перед началом приема:

– Приготовьте двенадцать кресел: я буду принимать двенадцать королей.

Двенадцать депутатов разместились на двенадцати креслах. Председатель комиссии в полной тишине зачитал категорические требования представителей нации. Отвергая сближение с Испанией, представители нации именовали это сближение дьявольскими ухищрениями папизма. Возражая против предполагаемого брака английского принца с испанской инфантой, представители нации настаивали, чтобы принц Чарлз, в русскую литературу вошедший под именем Карла, своевременно и счастливо женился на принцессе, которая исповедовала бы не католическую, а его собственную религию. Они предлагали королю неукоснительно исполнять принятые королевой Елизаветой суровые законы против папистов, которые отказываются признать государственную англиканскую церковь.

Бешенством исказилось угрюмое личико маленького человека с большой головой и кривыми тонкими ножками. Король закричал истерически, брызжа слюной, как попало швыряя и проглатывая слова, так что удавалось не без труда разобрать, что он запрещает общинам совать свой нос в дела столь глубокой государственной важности, как его сношения с французскими Бурбонами или испанскими Габсбургами, тем более касаться такого сугубо личного дела, как брак наследного принца. Выплеснув давно копившийся гнев, он поднял брови и растерянно замолчал. Не найдя, что возразить, сомневаясь, нужно ли возражать, двенадцать представи-

телей нации молча поднялись с двенадцати кресел и так же молча, гуськом, один за другим покинули тронный покой.

Довольный, что задал общинам перцу, король Яков все-таки некоторое время оставался растерянным. Семьсот тысяч фунтов стерлингов он получил. Такая значительная, даже непомерная сумма лучше всяких доводов разума и осознания незыблемости английских традиций доказывала ему, что с общинами куда выгоднее дружить, чем враждовать, что именно дружба с ними принесет ему весьма ощутимый доход и покой. К несчастью, разум маленького человека с большой головой и кривыми тонкими ножками был слишком слаб, взамен разума природа и воспитание наделили его непомерным упрямством. Даже понимая, что куда лучше дружить, он никак не мог и не хотел согласиться дружить с теми, в ком видел ничего более, как бунтующих подданных, обязанных покориться своему королю. Он жаждал их покорить, подмять под себя, заставить исполнять свое любое желание, платить тогда, когда ему нужны деньги, и платить столько, сколько он изволит им указать. Правда, он правил этой страной уже восемнадцатый год и начинал понимать, что никого ему не покорить, не подмять под себя и не заставить исполнять его бестолковые прихоти.

Он бросился плакаться на свое невыносимое положение к испанскому послу Гондомару. Испанец не мог и представить себе, чтобы какие-то представители нации чего-то не то что бы требовали, а хотя бы о чем-то робко просили своего короля, тем более не мог представить себе, чтобы испанский король стал выслушивать каких бы то ни было представителей нации. В Испании нация благоговейно молчала, купаясь в награбленном золоте и серебре, чтילה своего короля, организатора великих открытий, завоеваний и ограблений, и с готовностью исполняла любое его повеление по части новых открытий, новых завоеваний и ограблений, и вот неоспоримый результат этого единственного, без сомнения, справедливейшего порядка вещей: нынче Испания первая, самая сильная, самая богатая, самая непобедимая из европейских держав. Понятно, что испанский посол Гондомар, указав на благой пример своего короля, только что не приказал английскому королю без промедления наказать мятежные общины, в противном случае пригрозил навсегда покинуть эту варварскую страну:

– Моим долгом было бы так поступить, ведь вы перестали бы быть королем, а я не имею здесь войска, чтобы самому наказать этот народ.

Восемнадцатого декабря, две недели спустя, не подозревая о тайных совещаниях короля с испанским послом и гнусных советах испанского посла королю, палата общин подавляющим большинством приняла протестацию, в которой представители нации ещё раз недвусмысленно указали, что брак английского принца с испанской инфантой грубо нарушает интересы Англии и подрывает авторитет самого короля. Тридцатого декабря маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками внезапно явился в парламент, объявил, что немедленно отпускает его, и своей дрожащей рукой вырвал из протоколов парламента лист, на котором было записано постановление о протестации. Едва ли отдавая себе отчет о последствиях, он повелел арестовать самых видных представителей нации, а несколько менее видных из них было отправлено в ссылку в Ирландию, в полной уверенности, что тюрьма и ссылка приведут ослушников в чувство и превратят конституционную монархию в неограниченную.

Крутые меры удовлетворили одного испанского посла Гондомара. Гордый новым подвигом на службе своему королю, он пышными красками расписал происшествие в многословном, хвастливом письме к одной из дочерей короля. На радостях он именовал роспуск английской палаты общин лучшим событием, которое служит интересам Испании и католической вере, лучшим с той, пожалуй, печальной поры, когда сто лет назад безбожный Лютер начал проповедь ереси. И он поспешил ещё больше послужить интересам Испании, втянув Англию в войну Испании против мятежных нидерландских провинций. Пользуясь тем, что король Яков наконец попал в его руки, он выхлопотал у него разрешение вербовать среди его подданных солдат на испанскую службу, один полк в Шотландии, другой полк в самой Англии. Англий-

ские и шотландские католики с восторгом ринулись в эти полки. Полки были сформированы и переброшены в мятежную Фландрию, что ухудшило и без того натянутые отношения между протестантской Англией и протестантской Голландией.

Вырвав лист из протоколов парламента, маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками внезапно уверовал в то, что с этого дня он неограниченный монарх, по образцу испанской или французской монархии, и может поступать, как захочет. Вопреки ясно выраженному мнению представителей нации, он продолжил переговоры о браке между своим сыном и дочерью испанского короля. В марте 1623 года принц Карл в сопровождении легковесного, пустоголового и потому верного придворного герцога Бекингема отправился в Мадрид. Пять месяцев тянулись переговоры о брачном контракте. Испанская сторона вытягивала из первого министра и жениха уступки одну за другой, усиливая испанское влияние в английских делах. Вскоре в переговоры ввязались представители римского папы. Римский папа потребовал восстановить в Англии свободу католического вероисповедания, с этой целью в Англии должно было учредиться епископство, которое подчинялось бы непосредственно Риму. Испанская инфанта, став женой английского принца, должна была иметь право учредить в своих покоях католическую капеллу, при ней должен был находиться испанский епископ со своей юрисдикцией. Герцог Бекингом согласился на все эти невозможные требования, двадцать пятого июля принц Карл бестрепетной рукой подписал этот ни с чем не сообразный брачный контракт. Правда, в Испании не поверили, что все эти нелепости можно будет исполнить. Испанский король решил подождать, как будут приняты условия в Англии, и предложил на год отложить заключение брака, причем на всё это время инфанта оставалась в Мадриде.

Как ни держал маленький человек с большой головой и кривыми тонкими ножками содержание брачного контракта с испанской инфантой в строжайшем секрете, смысл его вскоре стал очевиден. Возмущение охватило лондонский Сити и покатило из города в город. Едва ли недовольство нации могло его испугать, к этому злу он был безразличен, да вот беда, семьсот тысяч фунтов стерлингов, преподнесенные ему третьим парламентом, который он разогнал, истаяли, как снег по весне, казна опустела, и сам он стал смутно догадываться, что никакой он не абсолютный монарх, наподобие испанских и французских монархов, а конституционный король, не способный прожить без парламента. Нужда заставляла унижаться и просить пода-
яния.

Унижаться, естественно, не хотелось, и король Яков стал отступать, понемногу, не торопясь, делая вид, будто перемена во внешней политике была его давней и душевной мечтой. На счастье, Гондомар был отозван в Мадрид для внутренних надобностей. Брачный контракт с испанской инфантой без особенных церемоний был отодвинут на неопределенное время. Отношения с коварной Испанией стали охладевать. Граф Джон Дигби Бристоль, английский посол, ярый приверженец союза с Испанией, был из Мадрида отозван. Граф Генри Вир Оксфорд, попавший в тюрьму за слишком непочтительные нападки на испанского посла Гондомара, был выпущен, после двух лет отсидки в сыром каземате, на свободу. В правительстве короля начались пробные толки о действительной помощи голландцам против Испании, о сближении с Францией, которая враждовала с Испанией, о возможном браке принца Карла с французской принцессой, младшей сестрой короля Людовика XIII.

Почва кое-как была подготовлена. Двенадцатого февраля 1624 года король Яков собрал свой четвертый парламент. На этот раз стало намечаться некоторое согласие между королем и парламентом: королю уж очень нужны были деньги, представителям нации уж очень осточертели интриги Испании, грозившие возрождением католической веры, восстановлением католических монастырей и возвращением монастырских земель. И король попросил денег, а представители нации набросились на происпанскую политику короля. Одиннадцатого марта разразились самые бурные прения. В течение одного рабочего дня умудрилось выступить двадцать четыре оратора, и все как один осудили внешнюю политику короля. Представители нации

были единодушны: не союз с Испанией, даже не мир, но война, как в славные времена великой королевы Елизаветы Тюдор, война прежде всего за возвращение Пфальца её законному владельцу курфюрсту Фридриху. Престарелый Эдуард Кок назвал такую войну более чем справедливой, поскольку это война на стороне обиженного, ограбленного, против обидчика и грабителя, причем, утверждал он, англичанам стыдно страшиться этой справедливой войны, ибо: – Англия никогда не была более богатой, чем тогда, когда воевала с Испанией!

Его призыв был поддержан бурей аплодисментов. Ораторы один за другим обещали поддержку не только внешней, но и внутренней политике короля, если король станет следовать советам парламента, Двадцать девятого марта король Яков пригласил испанского посла, сменившего Гондомара, и объявил, что переговоры с его королем прерываются, поскольку все его предложения слишком туманны, чтобы стоило их обсуждать. Едва испанский посол удалился, с трудом скрывая свое возмущение, теряясь в смятии, как и что он станет докладывать своему королю, король Яков демонстративно тут же принял давно томившихся Лондоне без всякого дела уполномоченных Соединенных провинций, как на то время прозывалась Голландия, и выразил желание выслушать их предложения о военной помощи с его стороны и согласился помочь, как только они эти предложения представят ему.

В те же дни он с неожиданной энергией выразил желание укрепить отношения с Францией, которая под руководством кардинала Армана де Ришелье выступила против испанских и австрийских Габсбургов, стремясь отвоевать себе первое место в Европе, а в мае, точно позабыв о брачном контракте с испанской инфантой, начал переговоры о браке наследника Карла с принцессой Анриеттой-Марией, сестрой французского короля. Он повелел своим дипломатам обсудить с французским послом, насколько могут совпадать интересы Англии и Франции в Пфальце, в какой мере обе стороны могут поддержать протестантскую армию Мансфельда, возможно ли королям английскому и французскому проводить единую политику в разгорающейся войне, которая впоследствии станет называться Тридцатилетней, каким статусом будут пользоваться католики в Англии. Пятого июня был продлен оборонительный союз между Англией и Соединенными провинциями, к которому был добавлен пункт о совместных усилиях по восстановлению возлюбленного зятя пфальцкого курфюрста Фридриха в его владениях.

Представители нации не могли не смягчиться, наблюдая, с какой готовностью король Яков идет навстречу их пожеланиям. Трижды в этом году они вотировали денежные субсидии, так что в конце концов они выросли до трехсот тысяч фунтов стерлингов. Заплатив деньги, они обратились к насущным проблемам внутренней жизни. Вновь был поднят проклятый вопрос о вреде и недопустимости монополий. Королю предложили выпустить ордонанс об отмене всех патентов на монопольное право производства, продажи, покупки и потребления чего бы то ни было в королевстве. Министр финансов граф Лайонел Кренфилд Мидлсекс был привлечен к судебной ответственности. Правда, король Яков не выпустил ордонанса и не утвердил приговор, но страсти начинали стихать, в растревоженные умы представителей нации как будто закрадывалась здравая мысль, что с королем Яковом можно найти общий язык, особенно если давать почаще, но понемногу субсидии, и король Яков как будто готов был смириться с необходимостью выслушивать, обсуждать и принимать не такие уж глупые советы представителей нации, жизнь Английского королевства как будто готовилась войти в мирное русло, когда между королем и парламентом восстанавливается согласие, но тут король Яков скончался и на английский престол взошел его сын.

2

Радость охватила все слои английского общества. Возрождались надежда на лучшее будущее. Многие были убеждены, что грязные нравы двора, болтливое высокомерие, вялая, малодушная и непоследовательная внутренняя и внешняя политика, наносившая Англии тяжелый

ущерб, навсегда останутся в прошлом, что отныне политика короля будет тверда и благоразумна и что благодаря такой долгожданной политике Англию ждет процветание.

В самом деле, сын выглядел как прямая противоположность отца. У него имелись достоинства, которых тот не имел. Король Карл отличался искренним благочестием, высокой нравственностью и склонностью к аскетизму, впрочем, весьма далекому от пуританского фанатизма, он был хорошо образован, беспечная расточительность отца вызывала у него отвращение, в его покоях царили приличие и порядок, он держал себя с достоинством, был важен, но добр, его манеры вызвали почтительность и уважение, он представлялся другом правды, человеком прямым и возвышенным, серьезно относился к своим королевским обязанностям, занимался государственными делами, был чуток к изящному, умел верно ценить полотна великих художников, многие часы проводил за чтением Ариосто и Тасса, но в особенности увлекался Шекспиром. Все решили, что английский престол занял достойный, чуть ли не идеальный монарх.

Первым же своим действием король Карл подтвердил общие ожидания: после его коронации истекло только шесть дней, когда был обнародован ордонанс о созыве парламента. Зато вторым своим действием он показал, как мало он готов или способен считаться с коренными устремлениями английского общества: всего два месяца спустя он женился на французской принцессе, дочери Генриха Наваррского и Марии Медичи, которая была ревностной католичкой, верной последовательницей римского папы. Его новый брачный контракт мало чем отличался от брачного контракта с такой же ревностной католичкой испанской инфантой. Вместе с пятнадцатилетней королевой в Лондон прибыли католические священники и молодые придворные, для которых протестантская религия Англии была ненавистна. Понятно, что первая радость несколько потускнела, протестантская Англия встретила королеву-католичку холодно и настороженно. Многие опасались, что королевский двор рано или поздно превратится в расадник папизма.

Тем не менее нация продолжала верить своему новому, такому обаятельному, такому добропорядочному монарху. Депутаты парламента съехались в Лондон восемнадцатого июня. Двадцать второго июня Бенджамен Редьяр, только что в предыдущем парламенте горячо осуждавший порочную практику короля Якова созывать общины когда ему вздумается, с той же горячностью призвал представителей нации поддержать то долгожданное, безусловно плодотворное согласие, которое с такой очевидностью наконец установилось между английским королем и английским народом. С энтузиазмом, поразительным для зрелого мужа на пятьдесят третьем году, он возгласил:

– От короля, который нами управляет отныне, мы вправе ожидать всевозможного блага и всевозможных щедрот для нашей страны!

Представители нации дружно согласились с оратором. Все-таки они сочли своим долгом прежде очистить королевскую власть от прежних ошибок. Ораторы, сменившие Редьяра, понимались один за другим и обстоятельно изъясняли, какой серьезный ущерб нанесли Англии необдуманные соглашения с королями-папистами, какой тяжелый ущерб понесли английская промышленность и торговля от злонамеренного сближения с папистской Испанией, к каким злоупотреблениям привели монополии и налоги, вводимые помимо воли парламента, какие оскорбления наносились истинной вере послаблениями папистам в самой Англии, до какой степени недостойно поведение королевского духовника, который защищает римскую церковь, и с каким равнодушием глядит королевский флот на те бедствия, которые терпит английская торговля на всех морях от своих вооруженных до зубов конкурентов.

Собственно, новый король не успел совершить ни одного из перечисленных прегрешений. Представители нации, разгоряченные собственными речами, всего лишь предупреждали его, чтобы он не совершал горьких и непростительных ошибок упрямого, занозистого отца. Предупреждения были не только уместны, но и понятны, ведь король Карл не имел ещё опыта

управления, был молод, ему едва-едва исполнилось двадцать пять лет, все эти годы он только учился, читал умные книги, наслаждался живописью и музыкой, а с делами, с порядком и, главное, с тонкостями государственных дел, от которых зависит благо или разорение подданных, не имел случая познакомиться непосредственно близко и представлял их себе в самом неверном, фантастическом свете. Он обладал пылким воображением, он посещал Мадрид и Париж, и всё то великолепии, пышность и непрерывное чествование единовластного короля представлялись ему единственно возможными почестями и образом жизни, единственно достойными его самого. Неприметно для всех и прежде всего для себя самого он успел превратиться в идеалиста монархического самодержавия, в коронованного мечтателя, которому одному дано знать, в чем состоит благо подданных, а потому он один обязан и может это благо устроить по своему образцу, он был убежден, что он знает и любит народ, что народ бесконечно и преданно любит его и что каждым своим появлением он делает свой народ безусловно счастливым, благодарным и сытым. На самом деле он не знал ни своего народа, ни истинного положения Англии, и всё, что в фантастических образах носилось в его голове, не имело ни малейшего соприкосновения с действительной жизнью.

Представители нации всего-навсего предостерегали его от пагубных ошибок отца, а для него их горячие речи звучали как несносимое оскорбление. Мудрый политик и ухом бы не повел, польстил бы охваченным патриотическим жаром ораторам, покаялся бы в грехах, которых не совершал, и своим представителям в палате общин строго-настроено наказал бы молчать или при случае поддакивать обличениям, в которых он сумел бы найти справедливость и пищу для размышлений, после чего получил бы от представителей нации всё, что хотел, ведь в большинстве случаев представители нации вполне удовлетворяются самой пылкостью собственных обличений. Королю Карлу были чужды эти обычные хитрости и увертки прожженных политиков. Эдуард Кларк, представлявший в парламенте короля, просидев два месяца в ненарушимом молчании, вдруг взорвался благородным негодованием и объявил, что многие ораторы употребляют неприличные выражения, которые оскорбляют величество. Тотчас вскочил с места Роберт Коттон, знаменитый ученый, из вполне умеренно настроенных представителей нации, и разразился филиппикой, полной ещё более благородного негодования и чрезмерной учености:

– Мы не просим у короля удаления дурных советников, как этот делал парламент при его предшественниках, Генрихе Пятом и Генрихе Шестом. Мы не желаем вмешиваться в выборы, как это было при Эдуарде Втором и Ричарде Втором, при Генрихе Четвертом и Генрихе Шестом. Мы не желаем, чтобы те, кого выберет король, были обязаны присягать перед парламентом, как это делалось при Эдуарде Первом, Эдуарде Втором и Ричарде Втором. Не желаем мы и того, чтобы парламент заблаговременно предписывал им образ действий, которому они должны следовать, как парламент считал своей обязанностью делать это при Генрихе Третьем и Генрихе Четвертом. Мы не желаем даже того, чтобы его величество дал обещание, как давал обещание Генрих Третий, делать всё с согласия верховного народного совета и ничего не предпринимать без его приговора. Напротив, как верные подданные мы только высказываем наши скромные пожелания. Мы хотим всего лишь того, чтобы король, окружив себя советниками мудрыми, почтенными и благочестивыми, исцелил с их помощью бедствия государства и никогда не руководился какими-либо личными мнениями или советами неопытных, недостойных людей.

Это была спокойная, однако искусная речь, в которой таился жестокий упрек молодому монарху. С одной стороны, просвещенный оратор давал понять, что нынешний парламент своей умеренностью значительно отличается от всех прежних парламентов, что на этот раз представители нации настроены мирно и готовы сотрудничать с ним, если он действительно возьмется исцелять бедствия государства, с таким единодушием указанные в предыдущих речах. С другой стороны, он указывал молодому монарху, что английский парламент в силу

давной традиции обладает непререкаемым правом не только советовать своему королю, но и требовать от него определенных гарантий, когда тот нарушает традицию.

Главное в его речи было именно то, что смиренный знаток ордонансов и хартий подтвердил это право, неоспоримое и священное для представителей нации, постоянно отвергаемое многими королями, а королем Яковом вовсе отвергнутое, признанное несуществующим. Своими учеными ссылками на Эдуардов и Генрихов он дал толчок прежде сдержанным, однако давно наболевшим страстям. Не успел тихий ученый из самых умеренных депутатов опуститься на место, как весь зал заседаний вскочил. На Эдуарда Кларка обрушилась буря негодования. От него требовали без промедления объяснить, что именно в обличении бедствий народных показалось ему неприличным и оскорбительным, но не давали ему говорить. Когда вспышка гнева понемногу утасла, этот верный приверженец короля повторил свои обвинения. Буря негодования вновь подняла представителей нации на дыбы. Самые непримиримые потребовали, чтобы Эдуард Кларк покинул зал заседаний. Он всё же остался, поддержанный незначительным большинством.

Раскол в рядах представителей нации стал очевиден. Согласие между королем и парламентом всё ещё оставалось возможным. Оценив по достоинству это новое обстоятельство, король Карл сделал неожиданный хитрый дипломатический ход. Вы ненавидите Испанию, вы хотите войны, я готов воевать, – приблизительно такова была его мысль, – вотируйте налог на войну. Король Карл недаром учился, его логика была безупречной. Однако у представителей нации была своя логика, не менее основательная. Да, мы хотим войны с ненавистной Испанией, но ещё больше мы хотим устранить бедствия, причиненные Англии вашим отцом, устраним бедствия и отправимся на войну. Устранять бедствия, учиненные неудержимым отцом, королю не хотелось. Рассчитывая, по всей видимости, вызвать сочувствие представителей нации, он представил в палату общин ясный отчет о состоянии королевской казны. Из отчета следовало, что казна также находится в бедственном состоянии, и уж если начинать устранять бедствия, учиненные его неудержимым отцом, то начинать следует с королевской казны. Эта своеобразная мысль представителям нации не пришлась по душе. Понимая, что король все-таки должен на что-то существовать, они вотировали кое-какие субсидии, однако лишь одним годом ограничили королевские пошлины, прозрачно указывая, что сперва народные бедствия, а после них бедственное положение королевской казны. Палата лордов отказалась утвердить такое решение палаты общин, признав его оскорбительным, к тому же и в палате лордов нашлись неглупые знатоки королевских ордонансов и хартий, а по ордонансам и хартиям выходило, что прежде королевские пошлины утверждались на всё время правления короля, а не на какой-либо ограниченный срок. Тем не менее представители нации объявили, что они не отступятся от своих прав. В ответ король Карл объявил, что он уважает права представителей нации, но сумеет обойтись и без них. Двенадцатого августа он распустил представителей нации по домам.

Все-таки он не решился идти напролом. Чтобы несколько погладить дурное впечатление от своей женитьбы на ревностной католичке, что тоже воспринималось как бедствие, он распорядился провести долгожданные процессы против папистов. Отныне католикам запрещалось без особого разрешения отлучаться от своего дома более чем на пять миль, им запрещалось носить оружие, их обязывали вызвать в Англию тех сыновей, которые обучались в католических странах. Это делалось явно. Тайно католикам разрешалось откупаться от охочих до денег духовных властей или испрашивать милость у самого короля.

Король начал двойную игру. Очень скоро это вышло наружу. Впечатление сгладить не удалось. Короля открыто обвинили в двуличии. Его репутация стала стремительно ухудшаться особенно после того, как Тайный совет предписал лордам-наместникам в графствах учинить принудительный заем с зажиточных подданных, которые будто бы по первому требованию обязаны помогать своему королю. Несмотря на угрозу Тайного совета разобраться с каждым, кто откажется делиться своими доходами с королем или хотя бы промедлит заявить свою предан-

ность значительной суммой, жаждущих ни с того ни с сего помогать королю оказалось немного, суммы займа были собраны смехотворные, а о короле стали отзываться с легким презрением.

Тогда в пустой голове Бекингема созрела дурацкая мысль. Всем известно, что испанцы истребляют и грабят туземцах в колониях и награбленное добро, большей частью в слитках золота и серебра, отправляют в Испанию морем. Что из этого следует? Из этого следовало, по мнению первого королевского лорда, что не может быть ничего дурного в том, чтобы грабить испанские порты и испанские корабли, пополнять королевскую казну награбленным у испанцев награбленным ими золотом и серебром, на это золото и серебро снаряжать корабли, вербовать солдат и матросов, чтобы снова грабить испанские порты и испанские корабли и наполнять королевскую казну награбленным у испанцев награбленным ими золотом и серебром. Стоит только начать ограбление испанских грабителей, и замечательный процесс непрерывного наполнения королевской казны покатится сам собой, без малейших усилий со стороны короля, Тайного совета, министров, первого лорда и представителей нации, стало быть, процесс надобно начинать не откладывая.

Дурацкая мысль имела только один недостаток, но недостаток существенный: чтобы приняться за ограбление испанских грабителей, требовалась первоначальная, довольно крупная сумма. В королевской казне такой суммы не обнаружилось. Зажиточные подданные отказывались королю давать в долг. Кое-какую сумму все-таки наскребли и сделали так: наняли несколько английских пиратов, славившихся своей крайней жестокостью в ограблении испанских грабителей, с тем, чтобы они тайно делились добычей с королевской казной, снарядили несколько кораблей королевского флота и отправили их пиратствовать в Атлантический океан, затем на последние деньги укомплектовали флотилию сбродом, слонявшимся без дела по портовым тавернам, и нагрянули на Кадикс, чтобы ограбить его и доставить добычу королевской казне.

В самые сжатые сроки королю Карлу и его прислужнику Бекингему пришлось убедиться, что никакого ограбления нельзя организовать на медные деньги, тем более нельзя на медные деньги захватить хорошо укрепленный, подготовленный к длительной обороне испанский порт. Эдуард Сесил виконт Уимплдон оказался плохим адмиралом, королевские офицеры никуда не годились, солдаты и матросы, набранные большей частью из безработных пиратов, не знакомые с дисциплиной, пьянствовали и не повиновались своим командирам. Флотилия втянулась в Кадикский залив, рассчитывая своим маневром отрезать все подступы испанскому флоту, высадить экспедиционный корпус и захватить порт, однако никаких подступов не отрезала, никого не высадила и ничего не взяла. От длительного стояния на якорях команды окончательно развалились, продовольствие подходило к концу, солдаты и матросы умирали от голода и болезней, и шестнадцатого ноября 1625 года Эдуард Сесил виконт Уимплдон отдал приказ о поспешном возвращении к родным берегам. Так же печально завершились и предприятия королевских пиратов. Руководимые столь же скверными офицерами, они редко вступали в схватки с испанцами, ограбить никого не смогли или, возможно, скрывали добычу и возвращались в английские порты потрепанными, с порванными снастями и парусами, с поломанными мачтами, с разбитыми надпалубными постройками, следствие бурь, и с уменьшенными наполовину командами, следствие болезней и беспробудного пьянства. Одни подкупленные Бекингемом пираты по-прежнему свирепствовали на торговых путях и в колониях, однако по не понятным для Бекингема причинам отказывались по-братски делиться с королевской казной.

Шестого февраля, всего полгода спустя после начала самостоятельного правления, пришлось созвать новый парламент, На этот раз по совету герцога Бекингема король Карл решил получить только самых покладистых, самых верноподданных депутатов. Графу Джону Дигби Бристоллю, самому непримиримому противнику всевластия Бекингема, было отказано в приглашении, а Эдуарда Кока, Роберта Филиппса, Томаса Уентворта, Френсиса Сеймура, Грея

Палмера, Уильяма Флитвуда и Эдуарда Элфорда, самых сильных и самых опасных ораторов распущенного парламента, назначили шерифами в графствах, и право быть избранными ими было утрачено. И король и его первый министр по наивности полагали, что одна эта жалкая кучка обозленных смутьянов портит всё дело, без них депутаты будут покладисты и королевская казна, которую не удалось наполнить ограблением испанских грабителей, благополучно наполнится новыми налогами и повышением пошлин.

Однако спустя всего несколько дней пришлось убедиться, что передраги с королевской казной приключаются вовсе не по вине жалкой кучки обозленных смутьянов. Впрочем, и представители нации, тоже по своей невинности в делах государства, считали, что все разногласия между королем и парламентом возникают единственно по вине дурных, озлобленных и непримиримых советников, какими себя по неопытности окружает король. Самый недостойный, самый несносный советник, лишенный малейших проблесков государственного ума, был у всех на виду. Виновником всех бедствий, неурядиц и несурзностей и родовитые лорды, и менее родовитые представители нации, и последний из горожан называли герцога Бекингема. Достаточно было перечислить все титулы, звания и должности этого жадного до почестей, мелко тщеславного, ничтожного человека, чтобы понять, что он присосался к королевской власти единственно ради того, чтобы безмерно возвеличить себя: Джордж Вильерс герцог, маркиз и граф Бекингем, виконт Вильерский, барон Уэлдонский, генерал-адмирал Англии и Ирландии, главный командир кораблей и морей, генерал-лейтенант-адмирал, генерал-капитан и начальник флотов и армий его величества, обер-шталмейстер, лорд-телохранитель, канцлер и адмирал над пятью портами, констебль дуврского замка, судья в управлении королевскими лесами и охотами на юге от Трента, констебль виндзорского замка, камергер, кавалер ордена Подвязки, тайный советник и ещё с десятков менее важных званий и должностей, которые в общей сложности, вместе с другими подачками короля, приносили ему доход около 284 395 фунтов стерлингов из вечно пустой королевской казны. Терпеть и кормить этого сибарита и бонвивана, тем более продолжать держать его около короля представители нации считали недопустимым, и двадцать первого февраля они вошли в палату лордов с ходатайством начать против герцога Бекингема судебный процесс.

Правда, обвинить первого министра на законном основании было нельзя, ведь он никаких законов не нарушал, ничего не украл, никого не убил, а всё, чем он владел, было ему добровольно даровано королем. Род рукой у представителей нации были только разнообразные слухи, легенды, молва. Среди представителей нации было немало юристов, стало быть, они понимали, что этакую дребедень невозможно в качестве доказательства вины представить – суду. Они и не хотели суда. Им было достаточно опорочить первого министра и любимчика короля и таким недостойным путем принудить его отправить Бекингема в отставку. Двадцать второго апреля на основании слухов, легенд и молвы было зачитано обвинение. Нечего удивляться, что герцог Бекингем без труда опроверг все статьи.

Тем не менее разразился скандал, на который, собственно, и рассчитывали представители нации. Граф Джон Дигби Бристоль подал в палату лордов жалобу на то, что его не пригласили в парламент. Палата лордов признала жалобу справедливой. Королю Карлу пришлось послать опальному приглашение, однако видеть его в парламенте он не хотел, и следом за приглашением отправил приказ, запрещающий графу покидать свои замки. Граф сочинил новую жалобу. Король Карл обвинил строптивного графа по самой скользкой статье: оскорбление величества. Верно сообразив, что тучи сгущаются, настойчивый граф обвинил герцога Бекингема в злоупотреблении властью, что подбросило жару в скандал, поскольку граф Бристоль был старым придворным и не понаслышке знал проделки генерал-адмирала, лорда-телохранителя и обершталмейстера. Теперь герцог Бекингем был обвинен с двух сторон. Его положение при дворе повисло на волоске. Не считаться с этим было нельзя. Король Карл попытался урезонить разгорячившихся представителей нации. Самых непримиримых из них он пригласил к себе для

беседы. Вновь были поставлены кресла. Вновь приглашенные депутаты вступили в тронный зал один за другим и в строгом молчании сели, приготовившись слушать, ожидая, что король Карл наконец сознает свои заблуждения и пойдет на уступки. Король Карл им сказал:

– Я должен объявить вам, что не потерплю, чтобы вы преследовали кого бы то ни было из моих слуг, тем менее тех, которые поставлены так высоко и так близко ко мне. Бывало, спрашивали: что мы сделаем для человека, которого почтил король? Теперь находятся люди, которые ломают себе голову, придумывая, что бы сделать против человека, которого королю угодно было почтить. Я желаю, чтобы вы занялись делом о моих субсидиях. Если же нет, тем хуже будет для вас самих. И если из этого выйдет какое-нибудь несчастье, я, конечно, почувствую его после всех.

Депутаты всё в том же строгом молчании поднялись со своих кресел, отдали поклон королю и удалились один за другим. Молчание было зловещим. Опасаясь, что жалобы графа Бристоля будут уважены, король Карл запретил судьям отвечать на запросы палаты лордов. Тогда против герцога Бекингема объединились обе палаты. Представители лордов и общин собрались на совместное заседание, чтобы выработать общие требования. Не успело закончиться их совещание, как повелением короля Дадли Дигтс и Джон Элиот были арестованы за дерзкие речи и отправлены в Тауэр. Представители нации обязали представителей короля передать, что не станут заниматься никакими субсидиями, пока арестованные не получат свободу. Арестованные были освобождены. Со своей стороны палата лордов потребовала освобождения несколько ранее арестованного графа Эрундела. Король Карл освободил и его.

Колебания повредили ему. Он всем показал, что он нерешителен, слаб, сам не ведает, как ему поступить. Окрыленные замешательством короля представители нации изготовили генеральную ремонстрацию. Король Карл распустил слух, что разгонит парламент, вместо того чтобы сразу его разогнать. Вновь против него ополчились и лорды, что лишало его всякой опоры в парламенте. В палате лордов изготовили адрес, в котором советовали королю воздержаться от столь несообразного обращения с парламентом, и все лорды вызвались войти в депутацию, которой поручалось передать адрес по назначению. Королем овладела паника. Он заспешил. Пятнадцатого июня парламент был объявлен распущенным. Королю показалось этого мало. От его имени была распространена прокламация. Прокламация объясняла, что представители нации не имеют права привлекать к суду королевских министров, что единственно от воли и желания короля может зависеть, когда и на какой срок созывать парламент и когда его распускать, и что отчета свои действия король дает только Богу. Текст генеральной ремонстрации был изъят и сожжен публично на площади. Лорд Эрундел был посажен под домашний арест. Граф Бристоль попал на излечение в Тауэр. Туда же был во второй раз отправлен Джон Элиот.

Откровенная вражда ничего хорошего не принесла королю. Он повелел собирать налоги, которые отказались утвердить представители нации, – многие налогоплательщики увидели в его повелении грубое попрание своих прав, записанных в Великой Хартии вольностей, и на этом основании отказывались платить. Его лорды-наместники вновь получили приказ обложить горожан принудительным займом – горожане всюду были возмущены и не повиновались властям. Власти прибегали к арестам – насилие не возымело успеха. Королевской казне попадали жалкие крохи, которых не хватало даже на подачки придворным.

Между тем война с Испанией продолжалась. Без денег и талантливых полководцев она велась вяло, ограничиваясь отдельными скоропалительными стычками на море, более похожими на внезапные налеты пиратов, чем на умело организованные сражения королевского флота. Становилось ясно, что пора заканчивать эту бессмыслицу, а Бекингом умудрился затеять другую. Будучи сватом в Париже, этот тщеславный красавец, известный множеством любовных интриг, заварил наполовину искренний, наполовину искусный любовный роман с королевой АННОЙ Австрийской. Роман тлел кое-как. Любовникам, разделенным Ла Маншем,

редко удавалось встречаться. Разумеется, их быстрые короткие встречи окружала строжайшая тайна, однако во Франции не могло быть таких тайн, о которых рано или поздно не узнавал кардинал Ришелье. Его агенты дежурили в портах. Поездки Бекингема сделались невозможны. Бекингом пригрозил великому кардиналу войной. Великий кардинал не мог поверить в эту очевидную дурь, но он был истинный, прирожденный политик, государственный человек, он должен был принять надлежащие меры. Его трудами началось укрепление прежде слабого королевского флота, его тайные посланцы вступили в переговоры о союзе с Испанией. Его приготовления не могли укрыться от английских шпионов, Бекингема нетрудно было убедить легковерного Карла, что война неизбежна. Третьего декабря 1626 года последовал указ, которым предписывалось захватывать в английских территориальных водах французские корабли и товары. Великий кардинал не остался в долгу, французские власти арестовали около двухсот английских и шотландских торговых судов, вышедших из Бордо с грузом вина, а двадцатого апреля 1627 года ему удалось заключить с Испанией военный союз о взаимной помощи на случай войны с какой-либо из третьих держав, и война стала действительно неизбежной.

Запугав короля французской опасностью, Бекингом надумал приманить англичан религиозной идеей. Всенародно провозглашалось благородное нападение на проклятых папистов во имя защиты и спасения притесненных и униженных гугенотов, нашедших свое последнее прибежище в Ларошели. На благое дело был объявлен принудительный заем, причем оказалось, что сумма займа каким-то образом равна сумме как раз тех субсидий, которые палата общин соглашалась утвердить только ценой низвержения герцога Бекингема. Лордам-наместникам было предписано расследовать каждый случай отказа, дознавая, почему отказался, кто подучил, какими речами и с какими намерениями, чем опять-таки грубо попирались права англичан. Набранных наспех солдат размещали постоем в частных домах. Постой стоил мирным подданным дороже любого королевского займа. Портовыми городам вменялось в обязанность поставлять на свой счет королевскому флоту военные корабли с полным вооружением и экипажем. Жителей Лондона обложили двадцатью кораблями, столько на отражение Непобедимой Армады с них не потребовала и королева Елизавета. Лондонцы попытались протестовать, указав на её достойный пример, и получили в ответ, что прошедшие времена должны подавать пример повиновения, а не протеста. По всем церквям рассылались обязательные проповеди о благодати слепого повиновения данному Богом монарху, а когда кентерберийский архиепископ Джордж Эббот запретил в своих приходах эти явным образом корыстные проповеди, его отрешили от должности и сослали в дальний приход.

Для возбуждения народного негодования ничего лучше придумать было нельзя. Англичане негодовали. Негодующих вербовали в матросы или в солдаты или отправляли в тюрьму. Ни один деспот в прежние времена не решался на столь суровые и несправедливые меры, попиравшие национальную гордость каждого англичанина и Великую Хартию вольностей. Немудрено, что негодование не только не пошло на убыль, но продолжало расти, точно кучи сухого хвороста подбрасывались в костер.

Герцог Бекингом не смущался ничем. Он не стал объявлять французам войну, рассчитывая на успех вероломного нападения. Двадцать седьмого июня 1627 года из Портсмута вышел кое-как сколоченный флот из девяноста разношерстных кораблей с наспех набранными солдатами и матросами. Малые корабли сдерживали большие, и флотилия почти целый месяц тащилась до Ларошели, так что великий кардинал успел получить донесения своих шпионов и принять первые меры для обороны. Правда, казна французского короля тоже оказалась пуста, и численность его армии была незначительной. Однако великий кардинал был не чета великому адмиралу, как не стеснялся сам себя величать Бекингом. Он тотчас пожертвовал на войну полтора миллиона ливров собственных средств. Его достойный пример вдохновил зажиточных горожан. Без вымогательств, без лживых проповедей, без арестов и тюрем и без парламента казне был открыт кредит в четыре миллиона ливров. Не успел великий адмирал войти в

залив Ларошели, высадиться на острове Ре, запирающий порт, и осадить форт Сен-Мартен, как великий кардинал реквизирует все торговые корабли на атлантическом побережье Франции, вооружил их, набрал десять тысяч солдат и перебросил их к Ларошели. Нападение замялось и затопталось на месте, дисциплина падала, солдаты начинали голодать, появились больные, а к острову Ре проскользнули французы и доставили в форт Сен-Мартен продовольствие и боеприпасы. Только двадцатого октября великий адмирал решился на приступ. Нестройные ряды атакующих были отбиты с большими потерями. Пользуясь замешательством англичан, великий кардинал высадил на остров десант. В ночь с пятого на шестое ноября великий адмирал скоординировал новый приступ. И этот приступ был с успехом отбит. Англичане потеряли только убитыми около шестисот человек. Армия великого адмирала разваливалась у него на глазах. Великим адмиралом овладела трусливая паника. Паника передавалась солдатам. Он поспешил скоординировать отступление. Отступление велось в беспорядке. Солдаты и офицеры, сбивая друг друга, бросились на корабли. Французы преследовали их по пятам. Великий адмирал потерял ещё около двух тысяч солдат. На торжествующем острове были брошены пушки, лошади, почти всё снаряжение и знамена. Английские корабли поспешили выбрать якоря, подняли паруса и вышли в открытое море. Посреди этой паники, вероятно, не отдавая отчета, что говорит, великий адмирал пообещал гугенотам, запертым в Ларошели, доставлять продовольствие и боеприпасы и ничего не доставил, поклялся вскоре вернуться и не вернулся.

3

Оливер слушал внимательно и молчал. Его сведения, полученные в Сассекс-Сидни-колледже и в Линкольн-Инне, были слишком не велики, чтобы осмелиться высказать и свое мнение среди ученых юристов, почитателей Френсиса Бэкона, знатоков Платона, любителей Сенеки и Цицерона, которые чаще беседовали с книгами, чем с людьми, а если вступали в беседу, то по каждому поводу ссылались на авторов, имени которых он прежде не слышал, а их трудов и в глаза не видал, да и по натуре он не был склонен к праздным дискуссиям, отвлеченные, теоретические проблемы вовсе не занимали его.

У него был цепкий практический ум, а его убеждения сложились сами собой из наставлений отца, из проповедей Томаса Бирда и Сэмюэля Уорда. Они были просты и непоколебимы. Он не сомневался ни на минуту, что вся истина в Боге, что та вера, которую он исповедует, единственно истинная, что он обязан по мере сил и возможностей её защищать. Он ненавидел папизм и жаждал его истребления. Его до глубины души оскорблял и позор Кадикса и позор Ларошели, не столько потому, что это был позор англичан, сколько потому, что это был урон, нанесенный папистами истинной вере. Он считал, что королевская власть должна быть сильной и умной и что король должен всеми средствами, данными ему Богом, служить благу подданных, и его возмущало, что король слаб и не очень умен, потакает папистам, больше следует советам глупца Бекингема, чем слушает советы представителей нации, что он не только не служит благу подданных, трудолюбивых и честных, но и наносит их достойному серьезный ущерб. Он не нуждался в тех обличениях, которые постоянно слышал и у Баррингтонов, и у Гемпденов, и у Сент-Джонов, и у Хеммондов. Он размышлял только над тем, как сделать так, чтобы торжествовала истинная вера, чтобы королевская власть была сильной и умной и служила благу своих трудолюбивых и честных подданных. Он этого не знал. Этого не знали и те, кто так горячо обличал папистов, Бекингема и короля.

Станным образом его особенно увлекали экспедиции в Кадикс и Ларошель и военные действия Католической лиги на континенте. Казалось, он стремился понять, отчего паписты, эти еретики, богоотступники и слуги Антихриста, всюду одерживают победы, и на приверженцев истинной веры насылаются одни поражения. Его изумляла та бесчеловечная наглость, с которой действовал новый, только что появившийся полководец папистов Альбрехт Валлен-

штейн. Этот Альбрехт Валленштейн был онемеченный чех, тип в тех местах довольно распространенный. Когда после победы под Белой Горой паписты избивали и сгоняли лютеран с их насиженных мест, он скупал по дешевке имения, рудники и леса, так что отныне ему принадлежал чуть ли не весь северо-восточный угол Богемии. Он стал несметно богат, однако собственных денег на армию не давал, У австрийского императора казна пустовала, а истребить лютеран до последнего колена и тому и другому очень хотелось. Тогда онемеченный чех придумал вернейшее средство: всюду, куда он приводил свою армию, он взимал с населения громадную контрибуцию, которая шла на содержание его наемных солдат и обогащала его самого. Благодаря такому приему ему удалось в кратчайшие сроки набрать около тридцати тысяч солдат всех национальностей и разных вероисповеданий. Он выплачивал им очень высокое жалование и выдавал его вовремя, но за свои деньги требовал первоклассной выучки и безукоризненной дисциплины, Как только его армия разоряла до нитки округу, он вел её дальше. Его солдаты дрались как дьяволы, лишь бы не оставаться в голодном краю. Немудрено, что очень скоро Альбрехт Валленштейн разгромил датского короля и протестантских князей, овладел Мекленбургом и Померанией и стал хозяином северной, прежде протестантской части Германии.

Оливера поражали такие приемы, такие успехи не давали покоя. В этом мире происходило что-то неладное. Он твердо верил, что избран лишь тот, кто успешен в делах, и вот выходило, что избран папист и грабитель, а он, честный труженик, преданный истинной вере, верный муж и добрый отец, обречен. Сомневаться в своей вере он не умел, его ум не был способен распутать эту невероятную путаницу, Как только он углублялся в эту загадку, которую ему задал Господь, у него всё валилось из рук, он плохо слышал то, что ему говорят, и не спал по ночам.

Ему всё чаще хотелось забыться. Он устраивал многодневные охоты на лис. Ему нравились ловчие птицы. Он сажал сокола на толстую кожаную перчатку и целыми днями пропадал на болотах, выслеживал уток или гусей и с замирающим сердцем следил, как пернатый охотник, сложив крылья, падал камнем и наносил смертельный удар. По зимам, когда кончались охоты, ему стало скучно. Библия больше не открывала того, что он искал. Воскресными вечерами он всё чаще отправлялся в таверну. Там ждала его дружеская компания, доброе пиво и бестолковая, но приятная болтовня. Ему нравились тяжеловесные деревенские розыгрыши, он сам любил пошутить, порой прибегая к тем разудалым намекам и выражениям, которые совестно ляпнуть при дамах. Порой его веселье становилось судорожным, крикливым, точно он отгонял от себя какую-то неприятную мысль. Неприметно пиво заменилось на херес, но и херес только больше его веселил, и пьян он никогда не бывал. Он тал поигрывать в кости и в карты, чего Роберт Кромвель не желал своим детям как последнего зла. Он оказался азартен, но его разум всегда оставался холодным, и он обыкновенно выигрывал, сначала мелкие суммы, которых хватало на пиво и херес, потом страсть к игре стала одолевать, и порой он выигрывал и тридцать, и сорок, и пятьдесят фунтов стерлингов, громадные деньги для Гентингтона, где годовой доход горожанина редко доходил до трехсот.

Так прошло несколько лет, года два или три. Он очнулся внезапно. Его как будто ударило, как будто бездна растворилась у него под ногами. Одна простая мысль сверкнула в его голове: истинно сказано, что избран лишь тот, кто успешен в делах, но ведь избран лишь тот, кто успешен в добрых делах, а он какой уже год успешен только в бесовских забавах, ибо охоты, кости, карты, вино даны нам не Богом, но дьяволом. Как он живет?! Как попал он во мрак и как свет праведной жизни стал ему ненавистен?! Как превратился он в грешника и стал, может быть, первым из них?!

Для него настало черное время беспросветных мучений. Он тяжело страдал оттого, что сбился с пути, и ещё больше страдал оттого, что не знал, как ему воротиться на праведный путь, на который наставляли его и отец, и Томас Бирд, и Сэмюэль Уорд, и бродячие проповедники, на день ли два заходившие в Гентингтон. Он снова не спал по ночам, а если ненадолго

погружался в полусон-полубред, ему снились страшные сны. То из кромешной тьмы выступал поганый Тофит, скалил редкие зубы и тянулся к нему когтистыми лапами, то он видел черный громадный крест, воздвигнутый на главной площади Гентингтона, и был тот крест так необъятно-высок, что не было видно домов, а церковь Иоанна Крестителя представлялась детской игрушкой, но самое ужасное таилось в том, что крест был пуст, он же знал, что это крест, на котором язычники распяли Спасителя, он силился увидеть Его и видел одну перекладину, которая вдруг отступала и таяла вдалеке, на месте креста вырастали дома, и в конах домов не светились огней.

Он кричал, пробуждался и вскакивал, ошалело глядя перед собой. Следом за ним вскакивала взбешенная Элизабет, таращила глаза, причитала, тормошила его, гнала служанку за доктором и рыдала над ним. Добрый доктор осматривал его с должным вниманием, считал пульс, трогал голову мягкой рукой, что-то изъяснял об ипохондрии, о неподобающей меланхолии, прописывал пить на ночь отвар зверобоя, валерьяны и мяты, качая головой и вздыхая, и как было доктору не вздыхать и не качать головой, когда больной был высок ростом, широк в плечах и в груди, с мясистым лицом и крепкими кулаками, под которые лучше не попадать, откуда тут привязаться болезням, более свойственным истерическим женщинам в обычный период кровей.

Он пил отвар, засыпал и по-прежнему видел кошмары: то хмурое небо, пологий берег, свинцовые воды реки и кругом ни души, то безлюдное мрачное поле и на нем одинокое дерево с кривыми ветвями и на ветвях ни листа, то отвесный обрыв он стоит на самом краю и чувствует, что может упасть, всем телом гнется, гнется назад и вдруг просыпается в холодном поту. Ужасным тут была именно пустота, было безлюдье, была эта возможность упасть с высоты, хотя он не падал ни в одном сне, и это тоже было ужасно, потому что он твердо знал, как низко он пал.

Он худел, тяжелые морщины набегали на лоб, вокруг рта залегали глубокие складки. Он думал о смерти, и чем чаще думал о ней, тем становился уверенней в том, что скоро умрет. Элизабет тоже поверила в его близкую смерть и тоже сала худеть. Он стал готовиться к смерти. Душа его была грязна и черна, с такой душой нехорошо умирать, им овладела страсть покаяния. Он припоминал свои бесовские игрища, свои постоянные выигрыши, чужие деньги жгли ему руки, при встрече он затаскивал к себе своих бывших партнеров по картам или костям и, человек небогатый, подчас нуждавшийся в лишней копейке, трясущими руками совал остолбеншему приятелю несколько фунтов и торопливо шептал скрипучим срывавшимся голосом:

– Это ваше, это вам, это я у вас выиграл в карты, эти деньги мне достались греховным путем, мой грех, мой грех, простите меня, ради Христа.

Он находил себя до того недостойным, что перестал посещать воскресные службы в церкви Иоанна Крестителя. Томас Бирд знал всех своих прихожан, знал всё о своих прихожанах, знал тревоги и беды своих прихожан и спешил подать руку помощи, даже тогда, когда они его ни о чем не просили. Однажды, окончив проповедь о неизреченной милости Господней, он пришел в дом своего покойного друга Роберта Кромвеля, сел как обычно к столу, принял с благодарностью пищу и, когда хозяин и гость остались одни, снял с полки потертую Библию, раскрыл её и просто сказал:

– Это наше всё.

И Оливер стал читать с того места, которое, намеренно или случайно, открыл для него Томас Бирд:

«Когда Иисус окончил все слова сии, то сказал ученикам Своим: вы знаете, что через два дня будет Пасха и Сын Человеческий предан будет на распятие...»

Так он читал до позднего вечера, а с позднего вечера до утра, и мир, тишина, спокойное созерцание вошли в болящую, усталую душу. С того дня он читал только эту потертую Библию, с которой при жизни не расставался отец. Библия стала для него не только единственной

книгой, она стала его единственным другом, она указывала ему правильный путь, и преобразование его началось.

Он тесно сошелся с Томасом Бирдом, старым другом отца, своим первым учителем и наставником веры. Им обоим становилось тесно и душно в стенах церкви Иоанна Крестителя, которая находилась под явным и тайным надзором епископа. С её кафедры разрешалось читать только казенные проповеди, а казенные проповеди не могут исходить из души. Эти проповеди писались верными слугами короля и присылались из Лондона. И Оливеру, и Томасу Бирду, и многим из прихожан хотелось живого, честного, задушевного слова. Живого, честного, задушевного слова ждала, искала вся Англия, не желавшая платить королю, если налоги не утвердили её представители, она ждала, искала живого, честного, задушевного слова о Боге, об избрании и спасении, о праве короля и праве народа. Ничего подобного не было в казенной церкви, которая находилась под наблюдением, ничего подобного не было в казенных проповедях, в которых за каждым словом слышалась ложь.

Живое, честное, задушевное слово разносили по Англии вольные проповедники. Очень скоро им запретили проповедовать в церкви. Они приспособились проповедовать в тавернах, на площадях городков, как две капли воды похожих на тихий, приветливый Гентингтон. Вольных проповедников стали преследовать. Самые популярные, самые непокорные попадали в тюрьму. Вольным проповедникам пришлось именовать себя лекторами, в наивной надежде, что название обманет епископа и лорда-наместника, верных слуг, верных псов короля. Вольных проповедников продолжали преследовать и под именем лекторов. Они стали скрываться. По всей Англии появились тайные пристанища и молельни. Они появлялись под разными именами, в разных обликах, нигде не задерживаясь, произносили проповедь и уходили неизвестно куда, в другое пристанище, в другую молельню, где жаждали слышать живое, честное, задушевное слово.

Томас Бирд оказался непримиримым бойцом. Как только в Гентингтоне появился Бернард, королевский чиновник, и принялся загонять истинных пуритан в епископальную церковь, которую они с некоторых пор посещали неохотно и редко, он открыто выступил против гонителя истинной веры. Оливер с готовностью присоединился к нему. Знание законов и некоторое знакомство с юридическими науками, полученное в Линкольн-Инне и на Судебном дворе, послужили доброму делу.

Наконец его творческая энергия нашла себе применение. Он превратил свой дом в прибежище окрестного пуританства. Он укрывал у себя пуритан, которых преследовали епископы и король. Он помогал им из своих скудных средств и переправлял в надежное место. Ему всё было мало. В своем саду, выходящем на общественный выгон, он приспособил большой сарай под молельню. Ранним воскресным утром, сквозь плотный туман или под мелким дождем, сюда шли за пять, за шесть, за семь миль свободные фермеры, арендаторы, пастухи, прядильщики, ткачи, сапожники, бакалейщики, кузнецы, шли мужчины, женщины, дети, рассаживались на длинных деревянных скамьях, которые он поставил для них, в ненарушимом суровом молчании слушали нового проповедника, которого он приютил у себя на день или два, спорили, пели псалмы и в сумерках расходились по своим ближним и дальним домам, чтобы в течение недели поразмыслить над тем, что узнали, и ранним воскресным утром снова вернуться сюда, снова слушать и узнавать.

Оливер тоже слушал с напряженным вниманием. Преобразование его совершилось. Он жаждал как можно больше узнать о Боге, о жизни, о том, как он должен жить, а вольные проповедники, которых он укрывал от ока епископа, раскрыв библию, читали каждый свою любимую притчу и принимались толковать её так, что именно неустроенная смутная английская жизнь вдруг представала перед слушателями как на ладони. Они возвещали от имени Господа, что ждать им осталось недолго, что время перемен уже близко. Они редко касались предопределения, избрания, успеха в делах, который служит указанием избранности. Они утверждали,

что дорога спасения открыта для всех, что судьба верующего вручена ему самому, а кое-кто из них брал на себя смелость учить, что в свое спасение надо уверовать, и это всё, что требуется от верующего, чтобы спастись. Они говорили, что достоверное слово Господне открывается каждому истинно верующему и уж конечно не мудрствующим в себе ученым мужам, ибо истинно верующий в своем сердце знает об Иисусе Христе много больше, чем доктора университетов вычитывают о Нем в своих книгах, в которых извращаются истины библии, лишь бы доказать то, что угодно их авторам, которые не заботят об открытии истины. А самые смелые возглашали с горящими гневом глазами:

– Кто те святые, которые призваны управлять, когда придет Господь, если не бедные! Глас Иисуса Христа первым раздастся из уст простого народа, ибо Господь пользуется простыми людьми, чтобы провозгласить грядущее царство Свое. Евангелие получили не мудрые, не знатные, не богатые, а только бедные, ибо Господь вознамерился воспользоваться ими в великом деле проповеди Царствия Божия, дорогу в которое указал Его распятый Сын. Так возвысьтесь и возвысьте свой голос во имя Иисуса Христа! Только вы заслужили блаженство на земле и спасение после смерти!

Очень скоро Оливер Кромвель, вернейший из пуритан, превратился в одного из самых уважаемых граждан маленького английского городка Гентингтона, и когда весной 1628 года поиздержавшийся король Карл был принужден пустовавшей казной созвать свой третий парламент, горожане единодушно избрали его представителем нации.

Глава четвертая

1

Король Карл не мог выбрать худшего времени, но у него уже не было возможности выбирать: его заставляла злая нужда. Под Ларошелю англичане понесли большие потери, в беспорядке бежали и возвратились с позором. Многие корабли королевского флота нуждались в ремонте, в экипажах не хватало матросов, морской пехоте требовалось несколько тысяч новых солдат. Англия негодовала. Вдовы носили траур, отцы и братья бесславно погибших стискивали зубы и сжимали кулаки. В сердцах пылала жажда отмщения, но это была жажда отмщения бесславному королю и самозванному великому адмиралу, в котором англичане видели первый источник всех своих зол. А причиненное зло умножалось день ото дня. Стремясь закрепить свою первую победу под Ларошелю, великий кардинал бросил свой флот против английских торговых судов. Их захватывали на северных и на южных торговых путях, их товары конфисковывали в пользу французской казны, вплоть до окончания войны их команды оставались в плену. Торговые суда страшились покидать английские порты. Матросы шатались без жалованья и ругательски ругали проклятого герцога. Торговые обороты стремительно сокращались, торговые люди несли большие убытки, а тут бесстыдный король собирает парламент, который дважды сам разогнал, чтобы потребовать новых субсидий и продолжать с тем же успехом разорительную войну.

Понятно, что возмущенная нация избрала в палату общин лишь самых известных, самых стойких, самых проверенных противников короля. Среди этих двадцати семи человек были опытные ораторы, неисправимые узники Тауэра, неплательщики незаконных налогов и непримиримые сторонники истинной веры. В палате общин вновь появился Эдуард Кок, семидесятилетний седовласый старик, ещё полный энергии, знаток законов, сильный оратор и умелый политик, из Норфолка. Вновь оказался в парламенте Томас Уентворт, тридцати пяти лет, красноречивый оратор, пылкий проповедник своих скорее заимствованных, чем задушевных идей, к сожалению, слишком честолюбивый, слишком любящий власть над людьми, из Лондона. Были избраны Дензил Холлис, младший сын лорда, товарищ детства короля Карла, слишком гордый, чтобы повиноваться такому ничтожеству, как Бекингам, непримиримый сторонник идеи пресвитерианства, тридцати одного года, из Ноттингема, и Джон Пим, сорока четырех лет, ученый юрист, знаток истории английских парламентов, их традиций и прав, человек смелый, но хладнокровный, из Соммерсета, и, разумеется, Джон Гемпден, приходивший Оливеру двоюродным братом.

Король Карл скоро понял, что оппозиция сильна и непримирима. Ему предстояло решить, бороться с ней или пойти на уступки, запугать ее или попробовать приручить. После позорнейших поражений в двух войнах, только что с Францией и прежде с Испанией, ему следовало бы смириться, принести парламенту повинную голову, поскольку за эти поражения вина лежала только на нем, и для начала уволить герцога Бекингема в отставку, причину всех его провалов во внутренней и внешней политике и разногласий с парламентом. Но он был Стюарт. Все Стюарты отличались монаршей гордыней и непобедимой непримиримостью, как только затрагивалась их королевская честь и право на единоличную, абсолютную власть. Эта непримиримость, эта гордыня привели его бабку Марию Стюарт под топор палача.

Теснимый обстоятельствами, он выбрал средний путь, который хуже всего. Семнадцатого марта, в тот день, когда открывался парламент, он вступил в зал заседаний в пышном наряде испанского гранда, в сопровождении так же пышно разодетого Бекингема, что само по

себе было вызовом оппозиции, и во вступительной речи попытался и умиловить и запугать представителей нации. Он сказал:

– Джентльмены! Отныне пусть каждый действует в соответствии с совестью. Если бы случилось, от чего сохрани нас господь, что вы, презрев свои обязанности, усомнились бы доставить мне то, что требуют теперь нужды нашего государства, моя обязанность повелевает мне принять другие меры, которые вручил мне Господь, чтобы спасти то, что могло бы погибнуть от безумства немногих. Не примите моих слов за угрозу. Я не унижусь до того, чтобы угрожать кому-либо, кроме равных мне. Это всего лишь предупреждение, которое вам дает тот, кому природа и долг вверили попечение о вашем благе и счастье. Он надеется, что ваше нынешнее поведение позволит ему одобрить ваши прежние советы и что он, в благодарность за это, примет на себя обязательства, которые дадут мне повод чаще вас созывать.

После короля с краткой речью выступил лорд хранитель печати:

– Его величество счел своим долгом обратиться к парламенту для получения субсидий, но не как к единственному средству, а как к наиболее приличному из средств, не потому, что у него не было иных средств, но потому, что это средство более согласуется с его благими намерениями и с желанием его подданных. Если это средство окажется безуспешным, необходимость и меч врага заставит нас принять другие меры. Не забывайте предостережения его величества, не забывайте!

Представители нации тоже должны были выработать свою линию поведения. Кое-кому из них показалось, что король готов пойти на попятную и заключить с парламентом мир, которого всегда хотели и сами представители нации. От их имени выступил Бенжамен Редьярд:

– Джентльмены, я умоляю вас тщательно избегать всякого повода к пустым возражениям. Сердца и сан королей так высоки, что им прилично уступать там, где им, в свою очередь, уступают. Дадим королю возможность возвратиться к нам, как будто это произошло само собой. Я убежден, что король нетерпеливо ожидает этого случая. Употребим все усилия, чтобы расположить короля в нашу пользу, и получим всё, чего только можем желать.

Однако большинство представителей нации расслышало в речи короля не смирение, но угрозу, особенно глубоко оскорбившую тех, кого уже отрезвляли в каменных камерах Тауэра. От имени бывших узников совести высказался Джон Элиот, заклятый враг Бекингема:

– Джентльмены! Здесь оспариваются не только наши земли и наши имущества, но и всё то, что мы называем самым важным своим достоянием, оспариваются наши права, оспариваются те привилегии, которые сделали наших отцов и дедов свободными, наши права, наши привилегии поставлены нынче на карту.

Прения разразились. Очень скоро представители нации обнаружили, что им предстоит выбирать между патриотическим долгом и своими правами. Права по их понятиям были бесценны, в борьбе за свои права они были готовы отправиться в Тауэр, однако в Портсмуте готовилась к выходу в море вторая флотилия, чтобы на этот раз разгромить католические войска и спасти осажденную Ларошель, а не все корабли были готовы к отплытию, не все команды укомплектованы, матросы не получали жалованье уже десять месяцев, со дня на день на кораблях мог вспыхнуть бунт, и король Карл просил денег на укрепление королевского флота. Деньги надо было давать, но нельзя было давать деньги герцогу Бекингему, самозванному великому адмиралу, терпевшему одно поражение за другим. Представителям нации предстояло пройти по лезвию ножа, проголосовав так, чтобы дать субсидии и не дать их, и после пятнадцати заседаний они довольно успешно прошли столь головоломной тропой. Второго апреля они вотировали значительные субсидии, но лишь предварительно, пока что не доведя решение до закона.

Король Карл не тотчас уловил эту тонкость. Шестого апреля он спешно созвал большой королевский совет, сообщил о счастливом исходе и с простодушным хвастовством объявил:

– Когда я вступил на престол, я парламент любил, Потом они как-то мне надоели. Теперь я возвращаю им мои прежние чувства. Я их снова люблю и буду рад совещаться с моим народом

как можно чаще. Да, по правде сказать, этот день дает мне в христианском мире такой кредит, какого я не получил бы, выигравши десяток сражений!

Министры его поздравляли. Герцог Бекингом старался особенно и, пользуясь случаем, похвалил и себя:

– Это важнее субсидий. Это целый родник субсидий, который вы открыли в сердцах ваших подданных. Позвольте, ваше величество, и мне присовокупить несколько слов. Признаюсь, моя жизнь была долго печальной, сон не приносил мне покоя, богатство не радовало меня, так горько было мне слыть человеком, который ссорит короля с народом и народ с королем! Теперь становится ясно, что только предубежденные умы хотели выдать меня за злой дух, который вечно становится между монархом и его верными подданными. Пользуясь бесконечными милостями вашего величества, я приложу все старания, чтобы всем доказать, что я благодетельный гений, думающий беспрестанно только о том, чтобы оказывать всем услуги, услуги мирные, хочу я сказать.

Всеобщее ликование было ответом на его хвастовство. Все выражали готовность служить королю. Государственный секретарь поспешил в зал заседаний и объявил представителям нации, какое благоволение готов оказать им великий король. Всеобщее ликование охватило и представителей нации. Казалось, мир был заключен, прочный, основанный на общем доверии мир. Но тут государственный секретарь совершил грубый промах: он упомянул о речи герцога Бекингема и принес представителям нации заверения о самых добрых намерениях также и от него. Воцарилось молчание. Представители нации были растеряны. Только минуту спустя поднялся Джон Элиот и в мертвой тишине произнес:

– Неужели есть человек хотя бы и самого высокого сана, который дерзает думать, что его благоволение и его слово нужны нам для исполнения наших обязанностей относительно его величества? Или полагают, что кто бы то ни было может внушить его величеству больше расположения к нам, чем король сам захочет нам оказать? Я так не думаю. Я готов хвалить, даже благодарить всякого, кто употребляет свое значение и силу для общего блага, но такие притязания противны обычаям наших предков и нашей чести. О них я не могу слышать без удивления, не могу пропустить их без порицания. А потому я желаю, чтобы подобное вмешательство больше не повторялось. Будем служить королю. Но я надеюсь, что мы сами сможем сделаться полезными ему и не нуждаемся ни в какой посторонней помощи для приобретения его любви.

Королю Карлу такое заявление не могло не показаться чересчур дерзким, а герцог Бекингом не мог не понять, какая серьезная опасность подстерегает его со стороны представителей нации, однако оба предпочли промолчать, ожидая полной победы под Ларошелю, чтобы после нее расплатиться с представителями нации железной рукой. Тем не менее уже ничто не могло исправить совершенной ошибки. За три дня перед тем представители нации предложили верхней палате совместными усилиями определить коренные, неотделимые права граждан и потребовать, чтобы король торжественно их подтвердил. Теперь они сами, не дожидаясь ответа верхней палаты, принялись выработать эти права. Тут уж король Карл не смог промолчать. Двенадцатого апреля он отправил в палату общин одного из министров. Министр от имени короля объявил представителям нации, чтобы они не тратили попусту драгоценного времени и как можно скорее приняли закон о субсидиях, а от себя лично решил прибавить:

– К прискорбию своему я должен вам доложить, что до сведения его величества дошло, будто бы вы желаете действовать не только против злоупотреблений власти, но и против самой власти. Это слишком затрагивает его величество, а также и нас, кто пользуется его высоким благоволением. Будем говорить его величеству о злоупотреблениях, которые вкрадываются в исполнение его высоких предначертаний, он нас выслушает охотно, но не будем посягать на пределы его власти: он готов исправлять её уклонения, но не захочет урезать своих прав.

Вскоре после этого заявления более смирные лорды усомнились посягать на пределы королевской власти и предложили представителям нации испросить у короля декларацию,

которой король Карл должен бы был подтвердить, что он почитает неприкосновенной Великую Хартию вольностей и ненарушаемыми древние статуты, что все льготы и привилегии английского народа сохраняются, как и в прежние времена, и что король будет пользоваться правами, которые предоставлены верховной власти, единственно для блага своих подданных.

Со своей стороны, стремясь предотвратить появление на свет крайне нежелательной для него петиции о правах, король Карл собрал обе палаты на совместное заседание и заявил, что он полагает в полном действии как Великую Хартию вольностей, так и статуты, которые её подтверждают, что же касается иных каких-либо прав, король Карл просил представителей нации положиться на его честное королевское слово, поскольку в честном королевском слове они найдут более твердые гарантии, чем в любом новом предложенном ими законе.

Представители нации не были склонны отныне полагаться именно на колеблемое ветром честное королевское слово соблюдать Великую Хартию вольностей, тем более соблюдать их права, множество раз нарушенные за истекшие двадцать пять лет, срок для проверки честности королевского слова достаточный, ведь и король Яков и сам король Карл ни разу не колебались отринуть и Великую хартию вольностей, и статуты, и права представителей нации, и права своих подданных, когда взимали незаконные налоги и пошлины, вымогали деньги взаймы, обременяли постоями и отправляли в тюрьму тех, кто отказывался исполнять их незаконные требования. Обсуждение петиции о правах пошло полным ходом. Совместными усилиями были выработаны фундаментальные права, которые впоследствии назовут правами человека и гражданина: верховная власть не имеет права принуждать своих подданных к выдаче займов и к уплате налогов, не утвержденных парламентом, никто не может быть лишен имущества и свободы иначе как по законам страны и по приговору суда, в мирное время никто не может подвергаться аресту по законам военного времени и никто не может быть обременен армейскими постоями без его согласия.

Восьмого мая 1628 года палата общин передала эти статьи на утверждение палаты лордов. Так случилось, что в тот же день из Портсмута вышла флотилия в составе тридцати трех боевых и двадцати вспомогательных кораблей и взяла курс на Ларошель. На этот раз король Карл не решился поручить командование герцогу Бекингему. Флотилию возглавил лорд Денбиг. Он должен был прорваться к Ларошели, доставит осажденным протестантам продовольствие и боеприпасы и тем заставить французского короля снять осаду и заключить с протестантами мир. Таким образом судьба петиции о правах была отдана в руки адмирала Денбига, и все ждали, чем закончится его экспедиция.

По существу петиции о правах лордам было нечего возразить, поскольку злоупотребления короля, министров и лордов-наместников вызывали уже всеобщее возмущение, однако они колебались. Король Карл, на этот раз уверенный в полной победе под Ларошелью, которая, бесспорно, возвысит и укрепит его власть, направлял лордам и представителям нации послание за посланием, призывая ограничиться ещё одним королевским указом, которым он был готов подтвердить Великую Хартию вольностей, но пока флотилия адмирала Денбига только плыла и разворачивалась под Ларошелью, он себя сдерживал, тон его посланий был довольно миролюбив, он продолжал заверять, что не допустит ущемления собственных прав, но впредь не станет употреблять их во зло своим подданным.

Прислушиваясь к заверениям короля, сами не склонные к разногласиям с ним, лорды принялись трудиться над неразрешимой задачей: с одной стороны, они желали обеспечить фундаментальные права англичан, которые лишат короля возможности злоупотреблять своей властью, а с другой стороны, не меньше желали ничем не стеснять королевскую власть. Для начала они попробовали смягчить петицию о правах во всех отношениях сомнительной, уклончивой оговоркой:

«Мы подносим вашему величеству это всенижайшее прошение с тем, чтобы обеспечить наши собственные права, но в то же время с подобающим уважением к полной неприкосно-

венности верховной власти, которой облечено ваше величество для покровительства, безопасности и счастья ваших подданных».

С этой бессмысленной поправкой и одобрением лордов петиция о правах была получена палатой общин семнадцатого мая. Едва представители нации успели с ней ознакомиться, как последовал взрыв возмущения. Первым вскочил с места малоизвестный депутат Мэтью Элфорд и закричал, возбужденно размахивая руками:

– Откроем наши протоколы, посмотрим, что заключается в них! Что такое верховная власть? Как утверждает Боден, это власть, не связанная никакими условиями. Следовательно, мы будем принуждены признавать две власти: одну законную, другую королевскую! О нет, дадим королю только то, что ему дается законом, и больше не дадим ничего!

Оглядывая зал заседаний насмешливым взглядом, Джон Пим подтвердил:

– Я не в состоянии обсуждать этот вопрос, поскольку представить себе не могу, в чем, собственно, он состоит. Наше прошение ссылается на законы Англии, тогда как в поправке, сделанной лордами, дело идет о власти, отличной от власти законов. Где же она? Её нигде нет, ни в Великой Хартии вольностей, ни в каком-либо статуте. Где же нам её взять, чтобы мы могли её дать?

Томас Уентворт, печальный, с вытянутым лицом, негромко сказал:

– Если мы примем эту поправку к нашей петиции о правах, мы оставим дела в гораздо худшем положении, чем то положение, в каком мы их нашли, мы запишем в число законов такую верховную власть, которой никогда не знали наши законы.

К представителям нации незамедлительно присоединился торговый и ремесленный Лондон, который от петиции о правах ждал защиты от королевского произвола, который больно ударял по его кошелькам. Никаких открытых выступлений пока не последовало, слышался только ропот, неразличимый, глухой, что-то вроде отдаленного подземного гула, да в гостиных богатых торговцев и финансистов оживленно, настойчиво обсуждался вопрос, будет или не будет принята королем петиция о правах, и слышалось недовольство непоследовательной, уклончивой позицией лордов. Этого оказалось довольно. Лорды сами отозвали свою несостоятельную поправку. Обе палаты утвердили петицию о правах, и двадцать восьмого мая она была представлена королю.

Для короля Карла это был самый неподходящий момент. Мало того, что королевский флот под Ларошелю потерпел новое поражение. О таком позоре в Англии давно никто не слышал. Погода в середине мая выдалась славная. Крепкий попутный ветер надувал паруса, и уже неделю спустя англичане увидели французские берега. Однако там их ожидал неправдоподобный сюрприз. Великий кардинал, весьма начитанный в античной истории, припомнив славные подвиги Александра Великого, повелел перегородить вход в залив Ларошели плотинной. В течение нескольких месяцев солдаты и окрестные жители трудились не разгибая спины, и когда английские корабли попытались приблизиться к Ларошели и выгрузить осажденному городу продовольствие и боеприпасы, изумленным взорам адмирала и офицеров, солдат и матросов открылось сооружение из камней и песка, которое возвышалось метров на двадцать, а в длину простиралось километра на полтора. Обойти это сооружение было нельзя, нельзя было и пройти сквозь него. Потоптавшись на месте, лорд Денбиг отдал единственно разумный приказ: все корабельные пушки открыли шквальный огонь, направив его в одно место, в надежде пробить достаточно широкий проход и прорваться в залив. Им ответила французская артиллерия, причем у одной из пушек простым канониром стоял сам французский король. Разрушить плотину не удалось: основанием ей служили остовы затопленных кораблей. Зато французские ядра наносили английским кораблям ощутимый урон. Всё ещё не теряя надежды исполнить повеление своего короля, лорд Денбиг бросил против плотины специальную команду морских пехотинцев на шлюпках и начиненный порохом брандер, рассчитывая мощным взрывом проложить себе путь к Ларошели, однако меткие французские канониры отбили и эту атаку. Ещё

можно было высадить десант севернее или южнее невероятного заграждения и попытаться прорваться по суше. Сделай в таком случае осажденные протестанты встречную вылазку, и победа могла бы быть обеспечена. Вдруг два дня спустя английские корабли подняли все паруса и ушли, своей трусостью вызвав в стане французов изумленное ликование.

Сам лорд Денбиг впоследствии объяснял свое странное бегство досадной неувязкой в действиях своих подчиненных. Неверно истолковав приказ адмирала, поднятый на флагманской мачте, несколько кораблей, подняв паруса, ходко вышли в открытое море, тогда адмирал, испугавшись, что ослабленная флотилия может сделаться легкой добычей французов, тоже вывел её в открытое море, не имея понятия, что происходит. Объяснение довольно правдоподобное, ведь его офицеры было плохо обучены и вполне могли перепутать сигналы, однако многим англичанам это объяснение показалось слишком наивным. Хорошо, рассуждали и в Портсмуте, и в Лондоне, и в других городах, офицеры что-то там перепутали, опасность попасть в лапы французов была велика, однако в открытом море флотилия снова соединилась, недоразумение выяснилось, отчего же адмирал не отдал приказ возвратиться и продолжить битву за Ларошель?

Поползли скверные слухи. Одни уверяли, что коварный кардинал Ришелье попросту подкупил лорда Денбига, на эти штуки великий кардинал был неподражаемый мастер. Другие передавали за истину, что великий кардинал затеял интригу и вынудил Людовика XIII так круто побеседовать с Анной Австрийской, своей неверной супругой, что она написала герцогу Бекингемию письмо, которое было исправно передано в руки её любовника шпионами великого кардинала, и герцог Бекингеми, известный распутник, сам отдал приказ флоту бросить Ларошель на произвол судьбы, иначе его любовнице грозила чуть ли не гибель.

Всё это были злые, зловещие слухи, доказательств против Денбига и Бекингема не было никаких, но король Карл вынужден был с ними считаться. Поначалу он ответил неопределенно, уклончиво: мол, дело серьезное, надо подумать, а там поглядим. Неопределенность, уклончивость короля только распалили представителей нации пуще, чем самый определенный, самый грубый отказ. Они продолжили прения. Вновь впереди недовольных встал Джон Элиот. Раскрасневшийся, с нахмуренным лбом, он в сильных выражениях перечислил самые вопиющие нарушения прав, допущенные королевской властью за последние двадцать пять лет. – В мгновение ока явилось решение изложить приведенные факты письменно и подать королю порицание, причем оформить это решение было поручено тому комитету, который готовил закон о субсидиях, этим королю прямо давали понять, что без петиции о правах он не получит ни пенса.

Положение стало критическим. С минуты на минуту между королем и парламентом мог разразиться непоправимый конфликт. Внезапно откуда-то пополз слух, будто король готовится арестовать всех представителей нации и в полном составе законопатить в тюрьму. Взрыв негодования и страха потряс зал заседаний. Страх поразил большинство, которое вечно колеблется и склоняется на сторону сильного, кто бы он ни был. Предводителям возмущения не дали говорить. Их встречали криками негодования. Джона Элиота, которого только что слушали с одобрением, внезапно обвинили в недостойной личной вражде к Бекингемию, Томасу Уентворту поставили в упрек безрассудство, Эдуард Кок оказался повинен в упрямстве и грубости.

Впрочем, грязные страсти кипели недолго. Все-таки слишком многих глубоко оскорбил неопределенный, уклончивый ответ короля, но они терялись в догадках, что предпринять. Вскоре на представителей нации опустилось уныние. Наконец поднялся только что жестоко обруганный Джон Элиот и сказал:

– Должно быть, очень велики наши грехи. Богу известно, с какой любовью, с каким усердием мы старались смягчить короля! Нет сомнения, неудовольствие с его стороны навлекли на нас чьи-то доносы. Говорят, что мы бросили какую-то тень на некоторых министров, однако, как бы ему ни был дорог министр, король не может...

Председатель вскочил и умоляющим голосом закричал:

– У меня повеление короля заставлять замолчать любого и каждого, кто станет дурно говорить о королевских министрах, молчите!

Джон Элиот посмотрел на председателя с удивлением и медленно сел на скамью. Председатель упал в свое кресло и истерически зарыдал. Когда он оправился и вытер слезы платком, Дадли Диггс раздраженно заметил:

– Если в парламенте нельзя говорить об этих вещах, встанем и уйдем или останемся сидеть праздными и немыми!

Ему громко возразил Натаниэл Рич:

– Нет, мы должны говорить, должны говорить теперь или никогда! Представителям нации в такую минуту неприлично молчать! Да, я согласен, молчание нас может спасти, но оно спасет только нас и погубит государя и государство! Направимся к лордам, объявим им о нашей опасности, наше порицание представим королю сообща!

Перелом наступил. Уныние внезапно сменилось негодованием. Представители нации разом вскочили, завопили разом, перебивая друг друга:

– Король добр, никогда ещё не было такого доброго короля! Это враги отечества вооружили его против нас! Пусть Господь пошлет нам непоколебимость сердца, верность шпаги и твердость руки, чтобы перерезать всех врагов, наших и нашего короля!

– Это не король, это Бекингем говорит нам, чтобы мы не вмешивались в государственные дела!

– Бекингем! Бекингем!

– Это он! Это он!

Председатель снова вскочил, но его голоса не было слышно. Беспорядок усиливался. Не нашлось никого, кто бы остановил бесполезный, беспорядочный крик. Молчали и Элиот, и Уентворт, и Кук. Именно те, кто только что их обвинял в поджигательстве, во вражде, предлагали самые немислимые, самые жестокие меры. Председатель неприметно покинул зал заседаний и поспешил во дворец. Не успел он донести о случившемся, как смятение, в свою очередь, охватило короля и министров. Страх сковывал мысли, трусость подвигала идти на любые уступки. Лишь на другой день пробудилось благоразумие. В палату общин было направлено объяснение, что представителям нации не возбранялось обсуждать государственные дела и порицать королевских министров.

Король Карл отступал, но отступал как слабый человек, а не как сильный и мудрый политик. Его слабость тотчас уловили представители нации. В зале заседаний не ослабевало волнение. Вновь поползли зловещие слухи. Передавали, будто герцог Бекингем уже на вербовал немецких наемников, известных своей кровожадностью и безрассудной жестокостью, превосходящей даже неумолимую жестокость испанских папистов, и готовится перебросить их в Англию. Именно, именно, один из депутатов не далее как вчера видел двенадцать немецких офицеров на улицах Лондона! Тотчас стало известно, будто два корабля королевского флота получили приказ доставить немецких солдат и готовятся выйти из Портсмута. Кое-кто в самом деле стискивал рукоять своей шпаги, готовясь к кровавой борьбе.

Тем временем во дворце смятение и трусость усиливались. Король Карл и герцог Бекингем совещались два дня подряд. Герцог Бекингем настаивал на новом походе под Ларошель и выражал готовность снова возглавить флотилию. Он убеждал окончательно потерявшего самообладание короля, что только победа сможет восстановить и укрепить его власть, однако о новом походе нечего было и думать, ведь закон о субсидиях так и не утвержден, а чтобы вырвать этот закон,

Следует успокоить представителей нации, необходимо швырнуть им петицию о правах, как швыряют кость голодной собаке, после славной победы будет нетрудно от нее отказаться. На седьмое июня было назначено заседание лордов. На заседание пригласили представителей

нации. Явился король, в испанском наряде, с испанским клинышком бороды и по-испански подстриженными усами, и начал он с оправданий:

– Напрасно в нашем ответе предположили какую-то заднюю мысль, там её нет. Мы готовы ответить так, чтобы рассеять всякие подозрения.

Старший из лордов громко, отчетливо зачитал петицию о правах. Все глаза обратились на короля Карла. Король Карл прикрыл на мгновение глаза, поднял бессильно раскрытые пальцы и медленно произнес:

– Быть по сему.

Представители нации ликовали. Они одержали свою первую и значительную победу. Этой победой открывалась новая, ещё никогда не бывавшая страница в истории отношений верховной власти с народом. Они спешили её закрепить. Для этого было необходимо оповестить всю страну. Палата общин постановила без промедления напечатать петицию о правах вместе с заключительным словом короля «быть по сему». Пока текст сверялся и рассылался по лондонским типографиям для скорейшего распространения в королевских судах, был единодушно принят закон о субсидиях. Своим единодушием представители нации давали королю Карлу понять, что они готовы к сотрудничеству, к взаимным уступкам. Королю Карлу оставалось только держать данное слово. Казалось, он и сам склонялся к сотрудничеству. Получив закон о субсидиях, он произнес:

– Я сделал всё, что зависело от меня. Если этот парламент кончит плохо, он будет в этом сам виноват. Отныне меня не могут ни в чем упрекнуть.

Он ошибался. Петиция о правах пока что была только бумагой. Записанные в ней права человека и гражданина ещё только предстояло соблюдать и защищать. Кто станет их исполнять и кому предстоит защищать? Ясно, что соблюдать права человека и гражданина предстояло самому королю Карлу и его министрам во главе с Бекингом, а защищать должны будут представители нации. Ни один из них не доверял герцогу Бекингу, да и сам король Карл пока что не отказался забирать в казну пошлины, в которых представители нации ему отказали. Стало быть, сам король без малейшего угрызения совести продолжал нарушать те права, которые его только что вынудили признать. Чего же после этого ждать от ненавистного Бекинга?

Было понятно, что представители нации не должны останавливаться в борьбе за права, да и остановиться они уже не могли, победа кружила их возбужденные головы. Тринадцатого июня они подготовили протест против герцога Бекинга и направили его королю, прямо не требуя, но решительно подталкивая его дать отставку своему ненавидимому всеми любимцу. Двадцать первого июня был подготовлен протест против взимания не установленных пошлин, поскольку все сборы, согласно петиции о правах, могли взиматься только в том случае, если их узаконил парламент. Двадцать шестого июня король Карл явился на совместное заседание обеих палат и, ещё не решившись вовсе обойтись без парламента, распустил и лордов и представителей нации на каникулы.

2

На этот раз король Карл предоставил палате общин на борьбу с ним сто два дня. Это были знаменательные, бурные, яркие дни. И все эти дни Оливер Кромвель, неприметный депутат от неприметного Гентингтона сидел на задней скамье и угрюмо молчал. Страсти кипели, выступали ораторы, знаменитые и никому не известные, настроение менялось, внезапно переходя от уныния к ликованию, его сердце учащенно колотилось в груди, кровь прилиwała к голове и стучала в висках, кулаки сжимались сами собой, рука искала рукоять шпаги, но он вынужден был молчать, он не рожден был оратором, у него не было слов, к тому же, проведя тридцать лет в деревенской глуши, он не всегда понимал, отчего волнуются представители нации, о чем так громко толкуют ораторы и по какой причине им возражает король.

Оливер снова худел, терял аппетит, плохо спал по ночам и видел страшные сны. Отвары, прописанные доктором в Гентингтоне, перестали ему помогать. В желудке появлялись боли спустя после еды три часа, и никакая диета ничего не приносила ему облегчения. Стали появляться боли в левом боку. Он точно усыхал, а тело его становилось горячим. Он хотел отдохнуть, съездить домой, успокоиться, но не мог оторваться от Лондона. Череда всё новых и новых событий парализовала его.

Объявив парламентские каникулы, король Карл поначалу делал уступки, продолжая задабривать представителей нации. Им были приняты некоторые меры против папистов, которые в последнее время проникали повсюду и проповедовали чуть не открыто. Его повелением англиканская церковь прекратила безобразные проповеди слепого повиновения королю и министрам. Он всё ещё колебался. Вновь его собственная судьба, судьба парламента, судьба петиции о правах и судьба Англии зависели от победы в войне.

Не находя более достойного адмирала, он вновь назначил командовать флотом герцога Бекингема. Бекингом выехал в Портсмут. Он нашел, что повеления короля не исполнены, что флотилия не готова к выходу в море, что ремонт кораблей тянулся вяло и проводился только для вида, что матросы не хотят воевать, что кругом саботаж и подрывная деятельность французских шпионов. Он с энтузиазмом взялся за дело, может быть, понимая, что наступают последние дни: он должен либо победить, либо умереть. Подготовка флотилии пошла побыстрее, офицеры подтягивали дисциплину в командах. Бекингом чувствовал себя всё уверенней. Двадцать третьего августа он обедал весело и с аппетитом. Наконец он допил вино, вытер влажные губы, смял и бросил салфетку, потянулся и поднялся из-за стола. Вдруг из рядов его стражи твердо выступил молодой офицер, Джон Фелтон, лейтенант королевского флота, тридцать три года, и уверенной рукой нанес самозванному адмиралу два неотразимых удара кинжалом. Бекингом успел выхватить шпагу, намеренный защищаться от нападения, но тут же, обливаясь кровью, упал, коснеющим языком прошептав:

– Да ты убил меня, экая сволочь!

Офицер стоял неподвижно. На него набросились с криками:

– Это француз! Это француз!

Кто-то припомнил, что был канун ужасной Варфоломеевской ночи, когда неистовые паписты перерезали уйму безоружных сторонников истинной веры. Офицер не сопротивлялся, не возражал. Он был англичанин, больше того, он именно придерживался истинной веры. Он спокойно отвечал на вопросы. Был ли у него личный мотив для убийства? Да, у него был личный мотив, он участвовал в первом походе под Ларошель, отличился на острове Ре, ему по праву следовал чин, он дважды обращался с прошением к герцогу Бекингему, и герцог Бекингом дважды ему отказал, причем оскорбил честь офицера, тогда как другие получали награды за деньги. Однако, продолжал арестованный, он убил не личного врага только, но врага королевства, человека низкой морали, распутника, взяточника и казнокрада. В доказательство своей правоты он указал на свою шляпу. Шляпу исследовали, вспороли подкладку, под подкладку была зашита записка, которую Фелтон написал, когда готовился к покушению. В записке стояло:

«Тот позорный трус и не заслуживает звания дворянина или солдата, кто не готов положить свою жизнь за честь своего Бога, своего государя и своего народа. Пусть никто не хвалит меня за мой поступок, но каждый пусть скорее обвиняет себя самого, поскольку был причиной тому, что сделал я, ибо если бы Бог, в наказание за наши грехи, не отнял у нас сердца, Бекингом не оставался бы не наказан так долго».

Джон Фелтон умер с достоинством и спокойно. Англия ликовала, восхищалась убийцей и признавала герцога Бекингема достойным именно такого возмездия. Король Карл был возмущен столь дерзким поведением подданных, ведь он лишился любимца, советника, своей правой руки, без герцога Бекингема он почувствовал себя сиротой. Он не пожелал рассмот-

реть беспристрастно, как подобает правителю, те обвинения, которые молва предъявила этой правой руке. Он предпочел мстить, однако за это убийство мстил не одному человеку, а нации. Первым делом он исподтишка отобрал у нее те права, которые только что ей даровал, объявив на заседании обеих палат «быть по сему». Его агенты проникли во все типографии, где набиралась или печаталась петиция о правах. Все наборы были рассыпаны, все отпечатанные экземпляры были изъяты и сожжены. Владельцам типографий было приказано заменить это королевское «быть по сему» первым ответом, неопределенным, уклончивым, ничего не решающим, который возмутил представителей нации, после чего петиция о правах была отпечатана всего лишь как пожелание представителей нации, без утверждения короля.

Этой подлости ему было мало. Он стремился оскорбить и унижить парламент, ещё лучше разрушить его изнутри. Он возвратил свою милость доктору Монтегю, которого ненавидел парламент, назначил на доходное место доктора Меноринга, осужденного лордами, архиепископ Уильям Лод, ярый гонитель проповедников пуританства, был поставлен на епархию в Лондон, Томас Уентворт, самый пылкий, самый красноречивый оратор, но и самый честолюбивый из депутатов получил титул барона и был принят на королевскую службу, за ним последовали Дигген, Литлтон, Ной, Уондесфорд и некоторые другие. Неутвержденные парламентом пошлины взимались ещё неукоснительней, ещё строже, чем прежде, вновь заработали трибуналы, судившие непокорных по законам военного времени.

Не только слепая жажда мести толкала короля Карла на скользкий путь подлога, насилия и вызывающей наглости, которые не могли не раздражать представителей нации, Он по-прежнему с непоколебимым упрямством рассчитывал на громкую победу под Ларошелю, уверенный в том, что победа заткнет и самые непримиримые рты. На место убитого Бекингема был назначен граф Роберт Берти Линдсей. Семнадцатого сентября 1628 года третья флотилия вышла из Портсмута и спустя одиннадцать дней была на подступах к Ларошели. Ларошель приветствовала английские паруса праздничным перезвоном колоколов. У осажденных подходило к концу продовольствие. Изможденные голодом люди понемногу начинали охоту на кошек, собак и мышей. С появлением англичан у них появилась надежда, но она с каждым днем угасала.

Граф Линдсей наткнулся на ту же плотину, которую возвел в заливе кардинал Ришелье. Несколько дней он простоял перед ней в недоумении и раздумье. Он попытался выманить более слабый французский флот, чтобы разгромить его в генеральном сражении и предъявить осаждающим ультиматум, однако французы уклонились от прямого столкновения с ним. У него оставалась единственная возможность – высадить на берег десант и разгромить французов на суше, но, подсчитав свои силы, он вынужден был отказаться от этой возможности, поскольку против двадцати тысяч французских солдат он мог выставить не более шести тысяч своих морских пехотинцев.

Собственно, графу Линдсею оставалось только не солоно хлебавши возвратиться к родным берегам. Он был опытный морской волк и попытался хотя бы спасти свою честь. Третьего октября он начал бомбардировку плотины, пытаясь пробить в ней проход для своих кораблей, зная заранее, что никакого прохода он не пробьет. Он бил по плотине, французские пушки палили по его кораблям, причем король Людовик XI вновь обслуживал одну из них простым канониром. В первый же день с обеих сторон было выпущено не менее пяти тысяч ядер. Итог столь интенсивной пальбы был довольно печальным: английские ядра не причиняли французской плотине никакого вреда, тогда как французские ядра наносили неподвижно стоящим английским судам немалый урон. Пальба продолжалась и четвертого октября. К вечеру сломанные мачты, простреленные борта, разрушенные надпалубные постройки со всей очевидностью показали графу Линдсею, что очень скоро он может остаться вовсе без флота. Утром пятого октября он отправил к великому кардиналу парламентаря. Парламентар просил пощадить обреченную Ларошель. Великий кардинал, убедившись в полнейшем бессилии англий-

ского флота, согласился только на то, чтобы англичане уговорили осажденных сложить оружие и сдать на милость своего законного короля. Посчитав, что честно исполнил свой тяжкий долг, граф Линдсей приказал поднять якоря и взять курс к родным берегам. Три недели спустя, прикончив всех кошек, собак и мышей, осажденная Ларошель отворила ворота. Площади, улицы, общественные места и дома горожан были завалены трупами, причем тела были до того иссушены страшным голодом, что не поддавались гниению. Оставшиеся в живых уже не способны были держать оружие и хоронить умерших братьев по несчастью и вере.

Оливера душило негодование. Коварные выходки короля, провал третьего похода английского флота, падение Ларошели и торжество папистов над приверженцами истинной веры в его страстной душе вызвали бессилие гнева. Он был призван к активному действию, однако активное действие по-прежнему оставалось для него невозможным. Его здоровье стремительно ухудшалось. Наконец его хандра вызвала беспокойство родни. Его чуть не силой гнали к врачам. Он сам сознавал необходимость лечиться. К нему пригласили известнейшего лондонского доктора Майерна, своим врачеванием заработавшего крупное состояние, что в глазах многих служило наилучшей рекомендацией. Доктор Майерн осмотрел его с должным вниманием и поставил диагноз, уже поставленный бедным лекарем из Гентингтона: крайне подвержен меланхолии, и прописал всё тот же отвар из валерьяны, зверобоя и мяты, которому надлежало привести расшатанные нервы исхудавшего пациента в должный порядок и вернуть ему крепкий сон, радость жизни и аппетит.

Оливер продолжал пить целебный отвар, но едва дождался конца каникул, установленных королем. Заседания палаты общин возобновились двадцатого января 1629 года. Наслышанные о том, до какой степени вызывающе в эти шесть месяцев вел себя король Карл, представители нации на другой день приступили к расследованию. В первую очередь их волновала судьба петиции о правах. Ими был официально допрошен владелец королевской типографии Нортон. Типографщик показал, что заседания парламента прекратились семнадцатого июня, а уже восемнадцатого он получил повеление заменить утвердительный ответ короля, Преступно подделанная прокламация была доставлена в зал заседаний, были подняты протоколы голосования, и все убедились, что король тайно, трусливо и подло пошел на подлог и отменил петицию о правах.

Это казалось невероятным. Король Карл так низко уронил свою честь, как себе не мог бы позволить и простой дворянин. Представители нации были поражены. Словно стыдясь своего короля, они сняли вопрос с обсуждения и перешли к текущим делам. Два вопроса были признаны главными. Первым был вопрос о таможенных сборах. В пользу короля приходилось платить с каждого фунта любого товара, который вывозился на внешние рынки, отчего английские товары существенно дорожали, а положение английской торговли и без того ухудшалось. Стремясь сохранить торговые прибыли и престиж государства, представители нации три раза подряд отказывались вотировать закон о пошлинах в пользу ненасытной королевской казны. На этот раз, не желая вновь и вновь повторять свои доводы, они лишь подтвердили, что такие поборы не имеют силы закона.

Второй вопрос казался религии. В ноябре прошедшего года король Карл, после гибели герцога Бекингема попавший под влияние архиепископа Лода, объявил, что считает себя выше церковных соборов, что впредь не допустит так называемых ученых изысканий по вопросам религии, поскольку в разного рода толкованиях и дискуссиях видит корень зла и семя всех смут и что все верующие обязаны безоговорочно подчиняться единой и незыблемой англиканской церкви, во главе которой король Карла поставил сам Бог.

Напротив, всё большее число англичан становилось пуританами. Они и в палату общин направили самых испытанных, самых проверенных пуритан. Естественно, они не могли снести этой новой выходки короля. Страсти наконец закипели. Представители нации выплеснули весь свой чрезмерно накопившийся гнев. Депутаты от общин обрушились на короля, обвинив его

в том, что он покровительствует папистам, они указывали, что папистам привольно живется при королевском дворе, что с ведома короля паписты наводнили Ирландию, что среди высшего англиканского духовенства всё больше становится соглашателей, которые готовы уступить папизму не только в богослужении, но и в основах вероучения, и всё это творится в то время, когда папизм побеждает в Европе, когда во Франции по вине английского короля пал последний оплот истинной веры, когда кровавые собаки Валленштейна добивают протестантов в Германии, а испанцы подбираются к протестантам Соединенных провинций, как не понять, что не сегодня так завтра очередь дойдет и до Англии.

В разгар прений на задней скамье поднялся неприметный, до сей поры угрюмо молчавший депутат из провинции, в простом домотканом камзоле, с болезненным видом, с изможденным бледным лицом, с зловещим блеском в глазах. Это был Оливер Кромвель. Он ощутил в первый раз, что может сделать реальное дело. В его родном Гентингтоне преследуют его старого учителя Томаса Бирда. Он обязан его защитить. Он заговорил нескладно, но горячо:

– Доктор Алабастер в церкви святого Павла проповедовал открытый папизм. Достопочтенный доктор Бирд хотел урезонить его, тогда епископ винчестерский вызвал его к себе и приказал не перечить доктору Алабастеру.

Для начала и этого было довольно. Оливер вернулся на место. Он был весь в поту. Выступления продолжались. Более опытные ораторы громили наглый папизм и предлагали подать новый протест королю. Протест против чрезвычайного распространения папизма в Англии, Ирландии и Шотландии был принят – подавляющим большинством голосов. Естественно, за него отдал свой голос и Оливер Кромвель. Собственно, любые протесты представителей нации не имели никакого значения. Король мог произнести «быть по сему», и в этом случае протест получал силу закона, а мог попросту промолчать, и протест оставался всего лишь сотрясением воздуха и мертвой бумагой. Стало быть, не от чего было расстраиваться, однако беда состояла именно в том, что болезненно щепетильный король Карл каждый протест представителей нации воспринимал как личное оскорбление, как возмутительное посягательство на его неограниченные права, данные Богом, чего не должен делать истинно государственный человек. Протест против чрезвычайного распространения папизма он ещё стерпел кое-как, но протест против взимания не утвержденных парламентом пошлин в пользу королевской казны возмутил его до глубины души. Поистине, пошрины – это святое. Он благополучно собирал эти неутвержденные пошрины уже пятый год, представители нации протестовали, а он продолжал собирать и мог бы так же благополучно собирать до конца своих дней, не раздражая парламент ненужным, бессмысленным, бесполезным негодованием. Он же вознегодовал. Он потребовал утверждения пошлин. Он пробовал убеждать, он угрожал, а в сущности суетился без малейшего смысла. Представители нации ответили тем же: они извинились, но отказали, на этот раз просто-напросто не желая привести никакого резона. Они саботировали, они издевались, ничего иного они предпринять не могли.

Король понял: они не хотят с ним говорить. Он мог бы вернуться к петиции о правах, ведь однажды он её принял и лишь задним числом, неприлично, тайком, её отменил. Возвращение к ней остудило бы праведный гнев представителей нации, король добровольно возвратился бы на путь чести, сотрудничество короля и парламента могло бы возобновиться. Но коса уже нашла на камень. Король мог сколько угодно по своей прихоти ронять свою честь, но не мог позволить, чтобы ему на это указывали. Второго марта он послал объявить, что заседания парламента прерываются на неопределенное время. Он откровенно заявлял свое право: даю вам говорить, когда мне это нравится, и не даю вам говорить, когда мне это не нравится. Такого ущербное право всех недалёковидных, упрямых людей. Уж лучше бы он совсем не давал говорить, а если уж дал говорить, ему оставалось набраться мужества выслушивать то, что ему говорят.

Огонь раздора ещё только занимался и тлел – король плеснул масла в огонь. Представители нации точно взбесились. Они повскакали со своих мест и закричали, заорали, завопили все разом, в этом гаме невозможно было ничего разобрать. Когда же первая волна бешенства поулеглась, не потерявший хладнокровия Джон Элиот предложил не покидать этого зала до тех пор, пока не будет принят протест против всей незаконной, противной интересам нации политики короля. Вторая волна бешенства потрясла зал заседаний. Со всех сторон посыпались предложения, одно другого решительней, непримиримей и злей, которые могли только усилить вражду между парламентом и королем. Заслыша возмутительные призывы, председатель Джон Финч объявил, что в полном согласии с повелением короля он не может допустить ни прений, ни тем более голосования какого-либо протеста. Ожесточенные прения продолжались. Он встал, что означало конец заседания. В порыве негодования его окружила возбужденная толпа депутатов. Холс и Валентайн силой усадили Джона Финча на место, крепко держа его за руки, Холс при этом кричал:

– Клянусь Богом, вы будете сидеть до тех пор, пока мы не позволим вам встать!

Кое-кто из верных сторонников короля втихомолку покинул зал заседаний. Короля известили о поднявшейся буре. Король повелел своему представителю покинуть палату, что также означало конец заседаний. Представители короля тут же схватили и удержали. У него отобрали ключи. Двери были заперты изнутри. Король прислал объявить, что распускает парламент, но в зал заседаний невозможно было войти. Король вызвал капитана гвардейцев и приказал ломать дверь. Капитан бросился исполнять его повеление, но, верно, не очень спешил.

Представители нации успели сообразить, что они зашли чересчур далеко и что времени у них остается в обрез. Все замолчали. Джон Элиот, единственный, кто сохранил присутствие духа и скорость соображения, стал громко читать по исписанным наспех клочкам главнейшие пункты протеста, о которых за гамом и стычками с председателем и подумать никто не успел:

– Всякий, кто стремится привносить папистские новшества в англиканскую церковь, должен рассматриваться как главный враг королевства.

В ответ прогремело единодушно:

– Да, это так!

– Всякий, кто советует королю взимать пошрины и налоги без нашего одобрения должен рассматриваться как враг народа!

– Да, это так!

– Всякий, кто платит не утвержденные нами налоги, должен быть объявлен предателем Англии!

– Да, это так!

От дверей кто-то испуганно крикнул:

– Солдаты!

Кто-то в ужасе подхватил:

– Король применяет против нас силу!

Лица вытянулись, депутаты застыли. Джон Элиот поторопился поставить протест на голосование. Паника окончательно улеглась, не успев разразиться. Протест приняли большинством голосов. Раздался грохот в дверях. Страхась отдать текст протеста в руки врага, Джон Элиот запалил свои клочки от свечи и дал им догореть. Холс лихорадочно твердил только что принятые статьи, чтобы впоследствии их не забыть, едва ли соображая в тот миг, что сожженный протест уже не протест, а смрадный дым от сгоревшей бумаги. Председателя отпустили и отдали ему ключ от дверей. Решив, что честнейшим образом исполнили долг перед родной, представители нации в гордом молчании вышли из зала и проследовали мимо гвардейцев, которые глядели на них с молчаливым недоумением.

Десятого марта король Карл вступил на заседание лордов, мрачный, но полный решимости, и укоризненно произнес:

– Никогда не входил я сюда при обстоятельствах более неприятных. Джентльмены, я вынужден объявить парламент распущенным. Единственная причина моего решения вам, я полагаю, известна: это возмутительное поведение нижней палаты. Я не хочу и не могу обвинить всех. Я знаю, что среди них много честных и верных подданных. Они обмануты или запуганы несколькими мерзавцами. Что ж, злоумышленники получают то, что они заслужили. Что касается до вас, джентльмены, вы можете рассчитывать на покровительство и милость, какую добрый король должен оказывать своему верному дворянству.

Несколько дней спустя на оградах, на стенах домов был расклеен рескрипт от имени короля:

«Неблагоденные лица распускают слух, будто бы скоро будет созван новый парламент. Его величество король ясно доказал, что он не питает ни малейшего отвращения к парламентам, однако их последние выходы вынудили его переменить образ действий. Отныне он будет считать за личное оскорбление всякие речи, всякие поступки, клонящиеся к тому, чтобы предписывать ему какой бы то ни было определенный срок для созыва новых парламентов».

Казалось, было произнесено последнее слово. Король недвусмысленно заявил свое неоспоримое право созывать и распускать парламент, когда ему вздумается. Представители нации мирно и тихо разошлись по домам, правда, под занавес приняв какой-то протест, но тут же протест этот сожгли на свече, статьи протеста остались только в памяти Элиота и Холса, а в их памяти они не имели никакого значения, не приносили никому пользы, никому не причиняли вреда, ведь многие англичане и без этих сожженных статей считали незаконными налоги и пошлины, вводимые королем против воли парламента. Следовало остановиться, но король Карл остановиться не смог. Его мелкая натура, его недалновидный ум требовали мести, и он отмстил. Вскоре были арестованы семеро представителей нации, среди них, разумеется, Элиот, Холс и Валентайн. Они не признали себя виновными и отказались уплатить штраф, к которому их присудили. Джон Элиот так и умер в тюрьме три года спустя. Остальные в конце концов получили свободу. Не стоит прибавлять, что арест и тюрьма не сделали их более верными подданными, чем они были.

Глава пятая

1

Оливер возвратился в родной Гентингтон. Вновь он хлопотал по хозяйству, которое несмотря на все его хлопоты медленно, но верно приходило в упадок, воспитывал старшего, любимого сына, баловал крошку Элизабет, занимался другими детьми, едва ли отдавая отчет, что уделяет им меньше внимания.

Он был не один, кого призвал к себе привычный, скромный удел. Многие депутаты разогнанного парламента возвратились в провинциальные городки средней Англии, к своим пашням и пастбищам, коровам и овцам и вновь повели ту тихую жизнь, которую вели до бурных сражений в парламенте, а самые энергичные среди них, Джон Пим, Джон Гемпден, Оливер Сент-Джон, Френсис Баррингтон, обратились к торговым делам и с особенным увлечением занялись обустройством английских колоний на Барбадосе и на восточном побережье Америки.

Однако всё это была только видимость. Они стали другими людьми. Жаркие речи, протесты, отвергнутая петиция о правах заронили в этих прежде мирных людей беспокойный дух мятежа. Это был дух непокорности, дух сопротивления, дух недовольства. Он ждал только повода, только предлога, чтобы вырваться наружу и запылать с новой, на этот раз разрушительной силой.

К несчастью, таких предлогов и поводов король Карл давал слишком много. Правда, он поспешил заключить мир с Францией, некоторое время спустя сумел замирился с Испанией, хотя морская война в океане и на островах Карибского моря не прекращалась. Военные расходы были сокращены, а казна всё равно пустовала, придворные паразиты опустошали её с невероятным проворством. Он продолжал взимать торговые пошлины, но их не хватало: английская торговля топталась на месте, к тому же многие торговые люди, возмущенные разрушительной политикой короля, отказывались платить те налоги и пошлины, которые палата общин отказалась вотировать. Неплательщиков преследовали, подвергали арестам и штрафам, отправляли в тюрьму. Естественно, эти незаконные, главное, бестолковые меры не прибавляли денег в казне, ведь арестанты не могут платить, а возмущение умов нарастало, место арестованных неплательщиков занимали другие.

Новые советники короля оказались сообразительней убиенного Бекингема. Они занялись более прибыльным, но не менее возмутительным делом. Они стали рыться в пропыленных архивах, откапывать в них пожелтевшие от времени, давным-давно отжившие старинные установления и требовали их исполнения. Среди прочих был введен в действие древний статут, согласно с которым каждый владелец земли, дающей доход более сорока фунтов стерлингов в год, прямо-таки обязан стать рыцарем, то есть заплатить королю за посвящение в рыцари и впредь вносить ежегодно в казну особый рыцарский сбор.

Однажды повеление обратиться в рыцари получил и Оливер Кромвель из Гентингтона. Тотчас вырвался наружу затаившийся дух мятежа. Король Карл не имел права его принуждать, стало быть, он не мог и не должен был повиноваться его дурацкому повелению. Оливер отказался от посвящения в рыцари. Тут король Карл ничего не мог возразить, однако дело об отказе не приметного гентингтонского джентльмена купить себе почетное звание рыцаря отправилось в королевский суд, и королевский суд присудил не приметного гентингтонского джентльмена уплатить штраф в сумме десяти фунтов стерлингов за сопротивление державной воле единовластного короля.

Оливер штраф заплатил и вскоре продал за восемнадцать тысяч фунтов стерлингов все свои земли, лишь бы ещё раз не подвергнуть себя непристойным, оскорбительным посягательствам короля. Неожиданно в его руках оказались серьезные деньги. На эти деньги можно было благополучно переселиться в Америку, где никакой король не в силах был побеспокоить его. Мысль бежать от королевского произвола в беспокойный, неустроенный, но независимый мир американских колоний в очередной раз смутила его. Что-то и на этот раз ему помешало. Может быть, старая матушка Элизабет не решилась подвергнуть себя и своих маленьких внуков устрашающим опасностям путешествия по бурным морям, может быть, Оливера остановила очередная наглая выходка короля.

Маленькие английские городки издавна управлялись общинным советом из двадцати четырех наиболее уважаемых горожан, которые избирались на один год, и двумя представителями короля, которых именовали бейлифами. Пятнадцатого июля 1630 года появилась на свет новая королевская хартия под изумительным предлогом «для предотвращения беспорядков», вызвавшая именно многочисленные беспорядки в провинции. Хартия отменяла ежегодные выборы. Горожанам предоставлялось куцее право избирать двенадцать олдерменов. Олдермены должны были избираться пожизненно. Раз в год эти двенадцать олдерменов избирали мэра. В маленьких городках устанавливалась власть олигархии, власть имущих людей, неимущие теряли свои давние, обычаем установленные права и становились беззащитными от произвола имущих. О потерянных правах неимущих король Карл думал меньше всего. Смысл затеянного им переворота в управлении городками был в том, что городки должны были хартию покупать и могли приступать к новым выборам, только заплатив королю.

Гентингтонские богатеи приобрели хартию в числе первых и с ещё большей поспешностью провели выборы олдерменов. В распоряжение этих двенадцати человек попали общинные земли, расположенные вокруг городка и принадлежавшие безраздельно всем горожанам. На общинных землях горожане пасли скот, заготавливали корма, собирали ягоды, охотились, ловили рыбу, запасались хворостом на зиму. Горожане забеспокоились. Из них мало кто сомневался, что олдермены, избранные пожизненно, очень скоро заберут общинные земли в свои жадные руки и что наступит конец и выпасам, и кормам, и ягодам, и охотам, и рыбалкам, и хворосту, после чего последует недоедание и холод зимой.

Возмущение, естественно, нарастало. Во главе возмущенных встал Оливер Кромвель, для которого общинные земли становились единственной возможностью прокормить большую семью, не растрачивая полученный капитал. На первом же общем собрании он обрушился на нового мэра, уже успевшего нехорошо поглядеть в сторону общинных земель. Страсти его закипели. Справиться с ними он не сумел. Он кричал, бранился и топал ногами, точно всё ещё сидел в зале заседаний, где обсуждалась петиция о правах.

Понятно, что крики, топот ногами и брань ничего не могли изменить. Хуже того, оскорбленные олдермены сочинили жалобу о позорных и непристойных речах и отправили её в Тайный совет. Второго ноября Оливер Кромвель был арестован. Его под конвоем отправили в Лондон. Граф Манчестер, лорд хранитель печати, разобрал дело и выразил арестованному свое порицание. Арест, позорное путешествие под конвоем и разбирательство дела остудили непокорные чувства. Оливер признал, что погорячился, причем погорячился необоснованно и беспричинно, и согласился принести оскорбленному мэру свои извинения. Граф Манчестер нашел это достаточным и дело закрыл. Вернувшись домой, Оливер сдержал данное в Лондоне слово и принес мэру свои извинения.

Он попал в невыносимое положение. Без сомнения, он поступил как порядочный человек, принеся извинения за крики и брань в общественном месте, ибо никакое доброе дело нельзя защитить оскорблением должностного лица. Тем не менее он защищал доброе, благородное дело. Признав себя виноватым, он вынужден был от него отступить. Он горел от стыда. Он не в силах был глядеть горожанам в глаза, и многие горожане, прежде относившиеся к

нему с большим уважением, стали относиться к нему сдержанно, холодно, некоторые даже с презрением. Он решил, что должен бежать.

Он собрал свое большое семейство, состоявшее из матери, жены, незамужних сестер и шестерых детей, и перебрался в графство Кембридж, в небольшой городишко Сент-Айвс. Здесь он купил себе дом, поменьше и победнее, чем в Гентингтоне, и взял в аренду обширные луга миль на пять ниже по течению мутноводного Уза, который по зимам разливался, так что его луга становились непроходимыми, а от летней жары почти высыхал. Оливер, как и прежде, разводил в Сент-Айвсе коров и овец. Работы прибавилось. На зиму приходилось заготавливать больше кормов, приходилось больше хлопотать о продаже шерсти и мяса и вести себя так, чтобы ещё раз не попасть под арест.

Его душевное состояние снова ухудшилось. Он продолжал страдать от стыда за себя, ещё больше страдал от бессилия что-нибудь изменить.

2

Вдобавок наступало темное время. Энергия созидания всё истощалась, энергия разрушения всё нарастала. Самые благоприятные обстоятельства внезапно сводились на нет, вызывая горечь и озлобление. Казалось, мир пришел на английскую землю, а мир не может не вести к благоденствию, к процветанию. Вчерашние враги точно сговорились искупить вину за нанесенные поражения. Испания и Франция готовились вступить в Тридцатилетнюю войну и вскоре вступили в неё, война втягивала в свой кровавый водоворот одну страну за другой, пока не овладела Европой. Война требовала сукна для мундиров, прочных кож для колетов, портупей и сапог, она требовала хлеба и мяса для вечно голодных солдат. Всё это Англия могла дать в изобилии. Сельские хозяева оживились, ремесленники взялись за работу, торговые люди нанимали сотни кораблей, корабли вывозили товары из Англии, перебрасывали снаряжение и солдат из Испании в испанские Нидерланды и в германские княжества. Торговые дома процветали. Английские векселя во всей Европе превращались в главное, в самое надежное платежное средство. В обмен на них Из Испании в Лондон хлынули слитки золота и серебра, награбленные испанцами в американских колониях. Казалось, ещё несколько таких лет, и разбогатевшая Англия сможет прокормить самого прожорливого из королей и его ещё более прожорливый двор.

А король Карл валил напролом, бестолково, бездумно выгапывая и самые первые ростки процветания. Лично он не был расточительным человеком, безнадежным прожигателем жизни. Его сбивала с толку идея абсолютизма, победившего во всех странах Европы, его соблазнял пример австрийского императора, испанского и французского королей, утопавших в неслыханной роскоши. Роскошь двора представлялась ему верным свидетельством непрекаемой власти неограниченного монарха. Он усердно возрождал блеск придворных, многодневные пышные празднества, охоты и развлечения, восстанавливал старинные обычаи придворной жизни, точно ничего не изменилось в Англии за последнюю сотню лет. Его расходы увеличивались с катастрофической быстротой. Он раздавал пожалования и пенсии, и в сравнении с правлением бережливой королевы Елизаветы они возросли в семь или в восемь раз, издержки его двора увеличились вдвое, вдвое возросли расходы на гардероб королевы, а ведь и Елизавета любила пышно и разнообразно одеться, его собственные расходы выросли втрое. Немудрено, что государственный дефицит помчался вперед на всех парусах, и если при Елизавете он достигал четырехсот тысяч фунтов стерлингов, то при короле Карле он вырос в три раза.

Громадные расходы были бы простительны, если правление короля Карла блистало победами, дипломатическими успехами, достижениями во всех областях, если бы за ними ощущалась государственная необходимость, а король Карл мог предъявить своим подданным одни

прорехи и поражения. Ни пенса, ни шиллинга из этих громадных расходов не пошло на самые крайние нужды, на защиту торговли, на борьбу с конкуренцией со стороны европейских держав. С оживлением торговли оживились пираты. Они хозяйничали в Ла Манше, проникали в пролив Святого Георгия, терроризировали прибрежное население, грабили деревни и города, пленяли сотни англичан и обращали в рабов. Тем временем королевский флот бесславно гнил в гавани Портсмута. Одни фрегаты серьезно пострадали от метких выстрелов под Ларошелю, другие были потрепаны осенними бурями на возвратном, постыдном пути, третьи были источены временем, офицеры и матросы не получали законного жалования и предпочитали, благо-разумно оставив бездоходную королевскую службу, перекавалифицироваться в пираты, так что ни один фрегат после бегства от Ларошели не выходил в открытое море. Укроти король Карл свою гордыню хотя бы на градус, обрежь собственные расходы хотя бы на треть, разгони придворных паразитов на службу, передай в адмиралтейство сотню-две тысяч фунтов стерлингов, проведи адмиралтейство капитальный ремонт хотя бы полтора десятка фрегатов и выступи жалование, очисти они от пиратов Ла Манш и пролив Святого Георгия, охраняй королевские конвои торговые суда от грабежа и захвата, вся трудовая, торговая Англия благословила бы своего короля.

Вместо этого трудовая, торговая Англия с каждым днем всё больше его ненавидела, вопреки даже тому, что король Карл вовсе не был жестоким тираном. Он был всего лишь глубоко, неискоренимо несправедлив, он не щадил древних нравов, он оскорблял уже вкоренившиеся права, которыми многие англичане дорожили много больше, чем дорожили имуществом, он не обращал внимания на действующие законы, он легкомысленно нарушал собственные обещания, скрепленные его честным словом, он бесчинствовал, попросту говоря. В желании поживиться и угодить своему королю его новые помощники наглостью всё новых и новых поборов возбуждали негодование. Вдруг обнаруживалось, что королевские леса во многих местах были сведены лет сто или двести назад, а земли розданы или проданы крупным землевладельцам, однако на старинных картах они всё ещё оставались лесами, принадлежащими королю, и по его повелению землевладельцев, во втором, в третьем, в четвертом поколении не видевших никакого леса, штрафовали на незаконное посягательство на леса короля. Также вдруг королевский лес разрастался в несколько раз, захватывая чужие леса, и в один ненастный день ни о чем не подозревавший владелец получал постановление королевского суда, которым на него налагался штраф в две, в три, в пять, в десять, даже в двадцать тысяч фунтов стерлингов за пользование собственным лесом, который ни с того ни с сего стал принадлежать королю, что не могло не выглядеть как откровенный грабеж. Также вдруг обнаруживалось, что в Англии уже второе столетие шли огораживания, что пахотные земли обращались в луга и в пастбища для овец, что арендаторов сгоняли с земли, что арендаторы превращались в бродяг и что население земледельческих графств стремительно сокращалось, и постановлениями тех же королевских судов на скотоводов, трудами которых обеспечивалось благосостояние Англии, накладывались непомерные штрафы. В общей сложности сумма столь удивительных штрафов достигала двух миллионов. Эта сумма и сама по себе была чрезвычайно значительной, однако оскорбительней всего было то, что штрафы ничего не меняли: пастбища и луга не обращались в пашню, леса не возобновлялись, объявленные королевскими леса так и оставались у прежних владельцев, и король оставлял за собой безобразное право, если вздумается, наложить новый штраф.

Англичанам начинало казаться, что король Карл просто-напросто превратился в разбойника. Они отказывались платить по грабительским до нелепости искам – их отдавали под суд. Не каждый судья соглашался признать законными претензии короля, не каждый судья был чист на руку и невинен душой как дитя, безвинные страдалцы королевского произвола сплошь и рядом предпочитали умаслить судью и тем отбиться от бесстыдного штрафа, это все-таки обходилось дешевле, а самолюбие меньше страдало от нанесенного оскорбления. Однако спа-

сения не находилось и на этих исхоженных тропах взаимного беззакония. Отклоненные иски без промедления передавались чрезвычайным судам, вроде Высокой комиссии или Звездной палаты, учрежденной при короле Генрихе VI. Этим милым заведениям закон не был писан. Они арестовывали, пытали, штрафовали, подвергали зверским увечьям, следуя единственно пожеланию своего короля.

Негодование росло, а денег всё равно ни на что не хватало. Вновь на свет божий выплыли монополии, которые дважды осудили и отклонили представители нации. Торговля патентами возобновилась и пошла полным ходом. В монополии превращались все мыслимые, а потом и немислимые промыслы, торговля и ремесло. Разорялось всё, что не купило проклятый патент, приходили в запустение мастерские свободных ремесленников, пропадали мясо и шерсть свободных сельских хозяев и арендаторов, закрывались конторы мелких торговцев, росла безработица, одни безработные грабили на дорогах или поступали в пираты, другие переполняли окраины Лондона, голодали и бедствовали, постепенно созревая для мятежа. Отставные ораторы распущенного парламента возмущались, проклиная монополистов:

– Эти люди точно египетские лягушки овладели нашими жилищами, и у нас не осталось ни одного места, свободного от них. Они пьют из наших чаш, едят из наших блюд, сидят у наших каминов, мы находим их в нашем красивом чане, в умывальнике, в кадке с солеными огурцами, они устраиваются в нашем погребке, они покрывают нас с головы до ног своими клеймами и печатями!

Своеобразную монополию на человеческое достоинство получили английские лорды. Нетитулованное дворянство под разными предложениями и по любым поводам ставилось в униженное положение в сравнении с ними. Под предлогом борьбы с расточительностью было запрещено покидать свои поместья сельским дворянам, и без того, по обычаю пуритан, бережливых до скупости. Зато с крайней суровостью наказывалось малейшее неуважение с их стороны, проявленное или будто бы проявленное в отношении знатного человека. Достаточно было сказать в тесном кругу, что такой-то из высших придворных несколько глуп, такой-то на руку нечист и хромает по части морали, порой было довольно посмеяться над длинным носом и некоторым сходством с ослом, чтобы в Звездной палате завелось уголовное дело, которое обыкновенно завершалось серьезным штрафом в несколько тысяч с присовокуплением плетей или выставления к позорному столбу на главной площади Лондона.

Король Карл едва ли подозревал, что его легковесный, легкомысленный деспотизм порождает тысячи мелких, но разнузданных деспотов. Если сам король под видом своих неотъемлемых привилегий творил безобразия, то лорд-наместник творил их вдвое, а его комиссары превращались в голодных волков, напавших на отару овец. Комиссары разъезжали по графствам и выискивали самые нелепые, самые фантастические предлоги для наложения штрафа, причем оставалось неясным, какая доля из этого штрафа добиралась до казны короля. Ложное обвинение становилось делом обычным. Брали с богатых, потому что богатые были богаты, обдирали бедных как липку на том основании, что бедные всегда беззащитны и безответны. Когда же недовольство становилось слишком опасным, в беспокойное графство направляли солдат, которых недовольные жители обязаны были разбирать по домам и содержать, даже одевать на свой счет, после чего предлагали недовольным жителям угомониться и кое-что подарить высшим властям и великодушно освобождали их от постоя. Когда все средства бывали исчерпаны, сажали в тюрьму за долги кого-нибудь побогаче, зная прекрасно, что никаких долгов за ним нет, и томили его до тех пор, пока не сообразит, кому и за что он должен платить. Когда же до канцелярии короля все-таки доходили кое-какие жалобы на безобразия и бесчинства лордов-наместников и их комиссаров, со своей стороны лорды-наместники и их комиссары тоже вынуждены были платить, чтобы в канцелярии короля замяли неприятное дело. Однажды лорд-наместник Ирландии, приговоривший к смерти ни в чем не повинного

человека, поскольку в тот день просто-напросто находился в дурном настроении, умудрился всучить шесть тысяч фунтов стерлингов самому королю, и преступление сошло ему с рук.

Злоупотреблениям высших властей сопротивлялись упорней остальных англичан пуритане. Следовательно, пуритан было необходимо усмирить, обуздать, чтобы незаконные налоги и штрафы поступали бесперебойно. Усмирение пуритан король Карл поручил Уильяму Лоду. В 1633 году Уильям Лод, шестидесяти лет, был возведен в сан архиепископа кентерберийского, что превращало его в главу англиканской, правительственной церкви. Король Карл был человек верующий, но над вопросами веры не ломал головы, его вера оставалась неясной, расплывчатой, он как будто исповедовал лютеранство и как будто склонялся к католицизму, пышность обрядов его развлекала и утешала, власть римского папы была бы для него нежелательна, согласно с законом он должен был управлять своей церковью сам, как должен был управлять сам всей внутренней и внешней политикой, раз уж он возмнил себя абсолютным монархом, однако не управлял своей церковью, как не управлял ни внутренней, ни внешней политикой.

Уильям Лод стал полновластным хозяином во всех церковных делах. С высоко поднятыми бровями над выпуклыми глазами, с круглым сытым лицом, с кокетливой седовласой бородкой и аккуратными усиками, он был образцовым, самым опасным, самым страшным тираном, потому что был глубоко честен, отличался чрезвычайной строгостью нравов, вел простой образ жизни и был бескорыстен, что превращало его в человека непримиримого. Он служил не столько Богу, сколько высшей, неограниченной власти как таковой, то есть не личной власти, не власти короля Карла или своей собственной власти примаса, но символу, философскому принципу власти. Его убеждения были простыми и прочными: высшая власть обеспечивает порядок и таким способом поддерживает справедливость и правосудие, тогда как малейшее отступление от предписанной нормы есть беспорядок и, стало быть, торжество несправедливости и неправосудия, обеспечить порядок высшая власть может единственно беспретной строгостью и неотвратимостью наказания за нарушение предписанных норм.

Его заветной мечтой было водворить в англиканской церкви строжайший порядок, и он его водворял. Он упрочил церковную иерархию, возвысил епископов, отдал приходы в их полную, безраздельную, неоспоримую власть, обязал их обеспечивать полнейшее единообразие культа и примерную нравственность прихожан. Епископы должны были преследовать и наказывать, наказывать и преследовать, а всё, что было связано со смыслом и формой вероучения, он брал на себя.

Его самоуверенность не знала границ. В ослеплении собственной непогрешимостью мнилось ему, будто власть в руках честного человека всегда справедлива, сам он был честен, действительно честен, из чего следовало, что каждая мысль, зародившаяся в его голове, каждое им изреченное слово были истинны, вели к справедливости и потому получали силу закона. На этом основании он не искал ничьей дружбы, не нуждался ни в чьем одобрении, бывал одинаково резок и строг с важным придворным и с простым горожанином и от всех равно требовал беспрекословного повиновения его предписаниям. Малейшее возражение, тем более сопротивление его высоким предначертаниям в его глазах было бунтом, который он обязан был жесточайшим образом пресекать.

Необыкновенно деятельный, неутомимый, он составлял циркуляры, расписывал церковные обряды до мельчайших подробностей и требовал неукоснительного их соблюдения. Ему было дорого всё, что служило усилению и возвышению власти, и он увеличивал пышность обрядов, возвратил в англиканскую церковь крестное знамение и преклонение колен, он сочинял проповеди, в которых прославлялось безусловное повиновение высшим властям, независимо оттого, что требовала от верующих эта высшая власть. Его усердием церковная организация должна была превратиться в полицейский участок.

По милости честного, бескорыстного Уильяма Лода пуритане извели неумолимую жестокость террора. При малейшем подозрении в пуританстве проповедников изгоняли из

англиканской церкви. Сердобольные прихожане назначали им пенсии – эти пенсии отбирали. Сельские хозяева, фермеры, богатые горожане брали изгнанных проповедников в дом капелланами или наставниками детей – ищйки местных епископов добирались до них и лишали их места, а вместе с местом лишали их насущного хлеба. Они становились бродячими проповедниками – их настигали в тавернах, на городских площадях или в тайных убежищах. Цензура запрещала новые книги, если в них обнаруживалась хотя бы тень отступления от официально утвержденного вероучения, отыскивала и истребляла изданные в прежние годы труды по подзору в том же грехе. В церкви и дома запрещалось рассуждать о смысле вероучения или обрядов, а также о смысле и тайнах человеческого, тем более вселенского бытия. Все виновные в нарушении новых церковных порядков представляли перед церковным судом, который превосходил светский суд своим изуверством. Обвиняемых унижали и оскорбляли прямо в зале суда, их именовали идиотами, дураками, наглецами, подонками, им приказывали молчать, как только они пытались себя защитить, их зверски пытали, в лучшем случае их присуждали к немислимым штрафам, в худшем подвергали публичному бичеванию, ставили на лоб клеймо, вырывали ноздри, резали уши, точно они, проповедуя свою веру, совершали уголовное преступление. Десятки, сотни тысяч озлобленных, обессиленных, потерявших надежду пуритан бежали в Америку – неусыпные ищйки честного, бескорыстного Уильяма Лоуа и за океаном пытались преследовать их по пятам.

3

Оливера и на этот раз вернула к жизни судьба. Его до глубины души возмутило преследование проповедников истинной веры. Его долг перед Богом взять под свое покровительство хотя бы одного из этих мучеников, этих безвинных жертв произвола. В 1635 году он просил своего приятеля в Лондоне подыскать для церкви в Сент-Айвсе толкового проповедника, ибо, прибавлял он с убеждением:

«Постройка больниц снабжает удобствами тело, постройка храмов считается делом благотворительности, однако настоящим благотворителем, даже благодетелем является тот, кто заботится о снабжении пищей души – строит храмы духовные».

Теперь о строении духовного храма он часто беседовал со своим приятелем Генрихом Даунхоллом, который появился в Сент-Айвсе и занял должность викария в местном приходе. О строении духовного храма он размышлял долгими зимними вечерами, творя беспощадный суд над собой, перебирая грехи своей молодости, перебирая в памяти те вольные или невольные отступления от истинной веры, которые он совершал. Он принялся серьезно и обстоятельно строить духовный храм внутри себя, без чего не может быть ни истинно верующего, ни истинной веры. И Бог не оставил его. Шаг за шагом, его душа возрождалась к новой, осмысленной жизни, выздоравливало тело вслед за душой, оставляли бессонницы, исчезали боли в желудке. Он ощущал, что Бог наконец снизошел в его сердце, будто в каменистой безводной пустыне дал испить каплю росы. Теперь он видел смысл своей жизни в том, чтобы прославить Бога, прославить словом и делом своим:

«Душа моя с первенцами Его, в надежде покоится тело моё, и, если мне выпадет честь прославить Бога моим делом или страданием, я буду счастлив».

И доброе дело нашлось, ибо тот, кто ищет, всегда находит его. Случилось так, что в 1636 году скончался его дядя Томас Стюарт, родной брат старшей Элизабет. Он скончался бездетным и всё свое достояние оставил племяннику. Достояние оказалось немалым. В месте Или он владел довольно обширной усадьбой, и Оливер вдруг получил большой дом конюшней, амбарами и огородами, десятин сорок бывшей церковной земли, десятины четыре под пастбищами и лугами и право собирать церковную десятину. Бережливость и старательный труд могли принести с этих угодий от четырехсот до пятисот тысяч фунтов стерлингов в год. Для Оливера

это было настоящим богатством. Он перебрался в Или вместе со старшей Элизабет, средней Элизабет и младшей Элизабет, незамужними сестрами и детьми.

Или располагался неподалеку от Сент-Айвса и Гентингтона. Имя Оливера Кромвеля уже было известно в округе, Не успел он обжиться на новом месте, как пришли к нему люди и попросили защиты от грабежа. Подобно многим горожанам и фермерам восточных и северо-восточных графств, жили они на болотах, которые принадлежали городским или сельским общинам и не подлежали отчуждению в частную собственность, подобно ближним и дальним соседям по сухим прогалинам между трясинами они пасли скот и запасались сеном на время холодов и дождей, когда болота становились опасны для жизни, ловили рыбу в протоках, стреляли болотную птицу. Алчные лорды нашли способ накладывать лапу на эти будто бы бесхозные, ничейные земли. В одиночку или составив компанию, вложив немалые земли, они прорывали каналы, очищали старые русла заболоченных речек и ручейков, сооружали дамбы и насыпи, прокладывали дороги, наводили мосты, то есть давали новую жизнь целому краю, однако давали они эту новую жизнь исключительно для себя, из собственной выгоды и без смущения, без капли стыда объявляли своей собственностью эти осушенные, чрезвычайно плодородные земли, лишая всю окрестную бедноту не только скромных доходов, но и самого пропитания, так что целые селения, прежде понемногу торговавшие зерном и скотом, опускались до нищеты, просили милостыню, покидали жилища, скитаясь в поисках работы, которую трудно было найти, оседали в трущобах Лондона, в портовых притонах, что представляло прямую угрозу общественному спокойствию и порядку.

Король Карл, почуяв добычу, нашелся и тут. Все пространства, отвоеванные у моря, он объявил своей собственностью и взял на себя осушение всех болот на равнине, ссылаясь на свои привилегии, давно устаревшие и позабытые. Он не обременял себя головоломными трудами правления, ни тем более хлопотной осушкой топких болот, Он наслаждался единственно сознанием, что он полновластный монарх, обладающий правом первых английских монархов делать решительно всё, что заблагорассудится, главным образом то, что дает ему деньги. Правда, столь сильное наслаждение обходилось в копейку, он широко и прибыльно торговал патентами на осушку болот, а чтобы подданные его не артачились, назначал своих комиссаров, которые помогали покупателям укрощать недовольных этой чрезвычайно выгодной для одних и чрезвычайно разорительной для других операцией. Патенты охотно раскупали крупные землевладельцы, причем как преданные сторонники короля, так и вожди парламентской оппозиции. Комиссары принимали посильные даяния как от покупателей, так и от подданных и процветали. Кое-что доставалось и королю. Одни подданные неизменно теряли привычные, веками освященные средства к существованию.

На окрестности Или патент приобрел граф Френсис Рассел Бедфорд, сорока лет, в палате лордов один из самых говорливых противников короля. Нанятые рабочие прокладывали дренажные каналы по наинovelейшей голландской системе, ставили изгороди и стогняли с пастбищ пастухов с их отарами овец и стадами коров, утверждая, что отныне это уже не общинные земли, а земли графа Френсиса Рассела Бедфорда. Горожане и окрестные фермеры возмутились, вооружились косами и двинулись толпой на захватчиков с вполне очевидными и обоснованными намерениями. К Оливеру бросились за советом и помощью, поскольку он стал самым крупным землевладельцем в округе и тоже терял права на общинные выгоны. Он вовремя приискал на поле возможного кровопролития и неожиданным красноречием, которого не обнаружил в парламенте, сумел успокоить толпу. Он взял на себя беспокойный труд судиться с бессовестным графом, а через него, стало быть, с королем. На нужды процесса он собрал по одному пенсу с каждой коровы и подал иск в местный суд. Местный суд предоставил городской общине Или отсрочку по передаче земли графу Бедфорду на пять лет, в течение которых могли явиться новые обстоятельства или отыскаться иные зацепки в законах. Граф Френсис Рассел Бедфорд подал жалобу королю. Король рассердился и намылил голову своему комис-

сару. Комиссар бросился к Оливеру, требуя, чтобы он забрал свой иск из суда. Оливер твердо доказывал свою правоту и обличал бессовестность графа. Комиссар вынужден был донести королю:

«Его нарочно избрали те, кто всегда стремится подорвать королевскую власть, в качестве своего заступника в Гентингтоне перед королевскими уполномоченными по делу осушения в противовес достославным намерениям его величества».

Король оказывался бессилён. Округа торжествовала. Оливер Кромвель в её глазах был герой, Хозяин болот. Он мог гордиться собой, но недолго пребывал в этом противном и тяжком грехе. Бог вовремя послал ему испытание, жестокое испытание, по правде сказать, видимо, соразмерив его с прегрешением. В 1639 году его поразила смерть Роберта, семнадцати лет, любимейшего старшего сына, юноши честного, чистого, любящего и умного, главное, верного Богу, преданного истинной вере. Он был надеждой отца, и Оливер ощутил, точно в его отцовское сердце вонзился кинжал. Вновь потерял он себя, вновь был растерян и не находил себе места. В смятении, едва ли помня себя, он отправился в Лондон. Он встречался с родными, переходил из одного дома в другой. Он не искал утешения. Казалось, он ничего не искал. Он действовал как во сне. Его двоюродные братья входили в компанию, которая приобрела земли в американской колонии Провиденс. Он в нее тоже вошел. Он внес в нее какие-то деньги. Мысль бежать, переселиться в Америку вновь тревожила его отуманенный мозг. Однако храм его души уже строился. В конце концов, он бросился за помощью к Богу, как и должно было быть. Он обратился к единственной книге. Он перечитывал целые главы. Он открывал её наугад. Однажды он прочитал:

«Я не говорю о нужде и лишениях, ибо выучился быть довольным тем, что имею. Я знаю, что значит быть превознесенным; всегда и везде я сумею и насытиться и быть голодным, терпеть нужду и быть вполне удовлетворенным, Я на всё готов и всё могу, с помощью Иисуса Христа, который укрепляет меня».

Он воскрес, Он был убежден, что эти строки спасли ему жизнь. Было самое время воскреснуть и возвратиться. Наступала пора новых, неведомых и чудовищных испытаний.

Глава шестая

1

Король наступал, а его казна оставалась пустой. Конечно, королевская казна всегда была ненасытной, удивляться тут нечего, никто и не удивлялся. Короля и его приближенных тревожило только то, что все наскоки на достояние подданных, не поддержанные парламентом, были одноразовыми, ограниченными во времени поборами или патентами на монополию и осушку болот, ведь одно болото можно осушить только раз и нельзя заставить приобрести патент на монополию дважды. Для спокойного, безбедного существования короля и двора необходимо было изобрести солидный и постоянный побор, который не нуждался бы в том, чтобы его утвердили представители нации. Лет через семь или восемь после разгона парламента такой побор удалось отыскать. В древлехранилище был найден акт, учреждавший корабельные деньги, которые тратились на борьбу с опустошительными набегами пиратов на английские берега. Правда, корабельные деньги собирались всего лишь с прибрежных городов и поселков, да и акт учрежден был слишком давно, еще до Вильгельма Завоевателя и вскоре после него был отменен. Так и что из того? Разве такой вздор может остановить неограниченного монарха? Неограниченного монарха не могут остановить и более серьезные вздоры. В этом король Карл был более чем убежден: идея неограниченной монархии была его сущностью. А потому, не задумываясь о последствиях этого шага, подсчитывая только ближайшие поступления в пустую казну, он ввел корабельные деньги, сперва с некоторой осторожностью только в прибрежных городах и поселках, может быть, из желания поглядеть, что из этого выйдет. Оказалось, ничего зловредного из этого не стряслось. Разумеется, возбудилось общее недовольство, пассивное сопротивление охватило графства Оксфорд, Эссекс и Девоншир да какой-то лондонский купец отказался платить. С этими пустяками быстро справились лорды-наместники. Самых злостных смутьянов посадили в тюрьму. В лондонской тюрьме оказался и недовольный купец. У купца достало наглости обжаловать свое заточение в Суде королевской скамьи. Королевские судьи не могли не понять, что заточение купца и в самом деле противоречит законам. Но они были королевскими судьями. Когда им приходилось выбирать между королем и законом, они принимали сторону короля. По этой причине они разъяснили незадачливому купцу, что, закон, разумеется, есть, но рядом с законом имеется также король и что король имеет привилегию делать многое из того, чего не допускает закон. Из столь странного разъяснения следовал вывод, будто король стоит выше закона.

Короля не беспокоило, что таким разъяснением посеялась ужасная мысль: ведь если король стоит вне закона, то его можно судить, тоже не прибегая к законам. Короля устраивало, что принятые меры несколько успокоили налогоплательщиков и из прибрежных городов и поселков стали поступать корабельные деньги. Тотчас корабельная подать была введена во всей Англии. Отныне корабельные деньги должны были вносить даже те далекие от моря местечки, которые испокон веку не видели ни пиратов, ни моря. Особенно же приятно было то обстоятельство, что корабельную подать можно было ввести на все времена. Таким образом, в Англии вводился один общий и постоянный налог, не спрашивая разрешения у представителей нации, ведь необходимость борьбы с пиратами была очевидна для всех.

Нашелся всего один человек, который попытался доказать, что закон существует и что закон существует для всех. Это был Джон Гемпден, приходившийся Оливеру Кромвелю двоюродным братом. В парламенте, как и Оливер, он сидел на скамьях оппозиции, выступал, правда, чаще, чем он, однако его речи были умеренны и не представлялись опасными ни королю, ни правительству короля. Как и Оливер, после разгона парламента он удалился в провинцию. В

графстве Бекингемшир он владел богатым поместьем, жил в нем скромно, избегая пышности и расточительства, не позволительных пуританину. Он был ровен и весел, любезен со своими соседями и никому не навязывал своих убеждений. За это соседи уважали его. Они считали его человеком достойным и умным, который, как всякий порядочный человек, не может одобрять дурацкой политики короля, но относится к ней философски, не подрывает устоев и не зовет к мятежу. Такое поведение не было хитростью со стороны Джона Гемпдена. Он в самом деле смотрел философски и не призывал к мятежу, поскольку по натуре не был мятежником. Человек мирный, умный и образованный, он много путешествовал по Англии и Шотландии, изучал нравы, заводил многочисленные знакомства и находил повсеместно миролюбивые настроения и недовольство налогами, которые вводились королем с вызывающей бесцеремонностью и с попранием английских обычаев и законов, но не самим королем.

Корабельные деньги вывели из себя даже этого философски настроенного, мирного человека. Лично он не пострадал и не мог при его большом состоянии пострадать. Кроме того, все в Бекингемшире так хорошо к нему относились, что лорд-наместник, исключительно из уважения к человеку скромному и достойному, определил для него корабельную подать всего в двадцать шиллингов. Джон Гемпден не поднял шума, не призвал к мятежу. Он посчитал, что подать введена незаконно, и отказался платить. Также без шума его препроводили в тюрьму. И в тюрьме Джон Гемпден вел себя доброжелательно и спокойно. Он всего лишь требовал суда над собой, особенно налегая на то, что в этом суде заинтересован также король, ведь приговор суда узаконит корабельную подать.

Неожиданный довод убедил короля. Король разрешил судить Джона Гемпдена на основании английских законов. Суд начался. Джону Гемпдену было разрешено иметь адвокатов. Адвокаты держались благоразумно. Они не задирали ни судей, ни тем более самого короля пустозвонными обличениями. Напротив, они уважительно отзывались о короле, о судьях, о самом институте суда. Они опирались только на законодательство и историю Англии и готовы были признать те привилегии короля, которые предусматривались законом. В своем смирении и покорности они заходили так далеко, что несколько раз, прервав речь, просили суд извинить, если некоторые выражения покажутся ему слишком резкими, и вовремя останавливать их, если им случится перейти определенные законом границы. В общем, суд над Джоном Гемпденом походил на идиллию. Судьям не в чем было упрекнуть ни его, ни его адвокатов, а между тем в течение тринадцати дней в зале суда обеими сторонами обстоятельно и серьезно обсуждались основные законы страны и самый принцип законности.

Наконец присяжные удалились на совещание, и так странен, так необычен был этот суд, так скромн и благороден был обвиняемый, что присяжные колебались, и только семеро из них отдали свои голоса обвинению, тогда как пятеро признали его невиновным. Джон Гемпден должен был уплатить штраф, и было бы хорошо, если бы суд казначейства остановился на этом. Суд не остановился на этом, видимо, сознавая, что осужден невиновный. Суд счел необходимым обстоятельно обосновать свой приговор. В постановлении суда говорилось, что никакие законы не могут помешать королю пользоваться его привилегиями, что король может не считаться с теми законами, которые лишают его возможности заботиться о защите страны, что в случае необходимости он может отменять те законы, которые мешают ему, и что он сам может решать, какому закону следовать, а какой отменить. Другими словами, Суд казначейства во всеуслышание узаконил беззаконие английского короля. Суд казначейства явным образом подслужился угодить королю, и он ему угодил. Король Карл был чрезвычайно доволен. Решение Суда казначейства он с полным правом воспринял как утверждение и оправдание своей неограниченной власти.

Если бы Суд казначейства не вынес этого опрометчивого решения, дело Гемпдена закончилось бы так же без последствий и тихо, как закончилось подобное дело безвестного лондонского купца: ну, отсидел бы положенное, уплатил бы наложенный штраф, никто бы больше и

не вспомнил о нем. Попытка узаконить беззаконие короля возмутила даже придворных. Нация теряла доверие и к личности короля Карла, и к самому принципу монархической власти, которая бесцеремонно топтала традиции и оскорбляла национальные чувства. Одни непреклонные приверженцы короля пытались неубедительно, робко защищать правомерность такого решения. Их не слушал никто. Имя Джона Гемпдена было у всех на устах. Оно произносилось с любовью и гордостью. Оно превращалось в символ национального бедствия. Многие, конечно, молчали. Немногие протестовали открыто. Обстановка до того накалилась, что сами судья что-то мямлили в свое оправдание, надеясь спасти свое имя. Самые умные, самые образованные из лордов покидали двор и затворялись в наследственных замках. Короля поддерживала только англиканская церковь и жалкая кучка его прихлебателей.

Правда, на кровопролитие, на мятеж по-прежнему не слышно было даже намека. Народ оставался спокоен. Волновались одни люди свободных профессий. Королева Елизавета, стремясь придать своему двору особенный блеск, привлекала к себе актеров, поэтов, писателей, философов и ученых. При её дворе умные разговоры сделались модными. Празднества и театральные представления следовали одно за другим. Придворные от души развлекались. Актеры блистали своими талантами, поэты представляли на суд высокой публики свои вирши, большей частью заказанные и оплаченные этой же публикой, с удовольствием излагали свои мысли ученые и философы, и все вместе с еще большим удовольствием принимали щедрые подачки двора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.